

**ДВУЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ
И ФУНКЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ
СВЯЗИ СЛОВА**

ОКСАНА ПАЛИКОВА

ТАРТУ 2007

Отделение русской и славянской филологии Тартуского университета,
Тарту, Эстония

Научный руководитель: доцент-эмеритус, кандидат филологических
наук Эда Александровна Вайгла

Диссертация прошла предварительное рецензирование и была допущена к
защите на соискание научной степени доктора философии по русскому
языку 14 июня 2007 г. Советом отделения русской и славянской филоло-
гии Тартуского университета

Рецензент: профессор, доктор филологических наук
Максим Анисимович Кронгауз (Российский
государственный гуманитарный университет, Москва)

Оппоненты: профессор, доктор филологических наук
Максим Анисимович Кронгауз (Российский
государственный гуманитарный университет, Москва)
доцент, кандидат филологических наук Энн Вельди
(Тартуский университет)

Защита состоится 29 июня 2007 г.

Издание диссертации осуществлено при поддержке Европейского Союза

ISSN ...

ISBN ... (trükis)

ISBN ... (PDF)

Autoriõigus Oksana Palikova, 2007

Tartu Ülikooli Kirjastus

www.tyk.ee

Tellimus nr. ...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Двухязычный словарь как особый тип словаря	12
1. Тип словаря	15
1.1. «Переводный» или «двухязычный»?	15
1.2. Двухязычный vs. одноязычный	17
1.3. Филологический vs. энциклопедический	23
1.4. Нормативный vs. тезаурусный	35
1.5. Активный vs. пассивный	39
2. Адресат и задачи двухязычного словаря	46
Глава II. Словник и структура двухязычного словаря	49
1. Словник, объем и формат словаря	49
1.1. Отбор словарного материала и объем словаря	49
1.2. Способы представления лексикографического материала большого объема	51
1.3. Источники словаря	53
2. Структура словаря	56
2.1. Макроструктура словаря	57
2.2. Микроструктура словаря	59
2.3. Медиаструктура словаря	67
Глава III. Функциональные связи слова в языке и в двухязычном словаре	73
1. Синтагматические связи слова	75
1.1. Семантическая и синтаксическая сочетаемость	76
1.2. Лексическая сочетаемость	79
2. Деривационные связи слова	81
2.1. Заголовочное слово как производное	82
2.2. Заголовочное слово как производящее	86
3. Парадигматические связи слова	89
3.1. Синонимы в двухязычном словаре	89
3.2. Коннотация в двухязычном словаре	93
4. Функциональные связи слова в словарной статье двухязычного словаря	97
Заключение	104
Словари и литература	107

Приложение. Русско-эстонские и эстонско-русские лексикографические издания (Опыт указателя)	121
1. Общие и учебные словари	121
2. Разговорники	125
3. Терминологические словари и тематические разговорники	126
Kokkuvõte	131
Curriculum vitae	136
Публикации по теме диссертации	137
Elulookirjeldus.....	138
Publikatsioonid väitekirja teemal	139

ВВЕДЕНИЕ

Словари и учебники, наверное, можно назвать основными практическими плодами работы лингвистов всех времен. Более того, словари, по-видимому, являются древнейшим видом лингвистической деятельности: «[д]вуязычная <...> лексикография насчитывает по меньшей мере четыре тысячелетия» [Берков 1973: 3]. Столь долгая история существования словарей свидетельствует не только об их востребованности, но и о том, сколь много лексикографами было за это время вложено труда и накоплено опыта: «Не каждый, кто пользуется трудом лексикографа, отдает себе отчет о том, что создание хорошего словаря требует громадного творческого напряжения и десятков лет кропотливого неустанного труда» [Цейтлин 1958: 3]. Поэтому многие словари известны нам по именам своих создателей: мы говорим *словарь Даля, Срезневского, Востокова, Ушакова, Ожегова*, отдавая тем самым дань уважения людям, посвятившим свою жизнь словарному делу¹.

Л. В. Щерба писал в «Опыте общей теории лексикографии», что «словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует <...> совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию» [Щерба 1974-б: 289]. Поэтому и основные теоретические достижения в этой области были получены в ходе практической работы по созданию словарей: разработаны системы помет, способы представления значений многозначных слов, определены границы многозначности и омонимии и т. д.

Русско-эстонская / эстонско-русская лексикография, которая находится в сфере основных интересов настоящего исследования, существует около 120 лет и насчитывает около 120 изданий² (не считая переизданий). История создания русско-эстонских словарей в чем-то отражает сложную историю сосуществования двух народов.

Первые словари появляются в конце XIX века. Вот что пишет М. Задем, автор первого эстонско-русского словаря³: «Мне неоднократно при-

---

¹ «Около сорока лет, например, трудился над своим старославянским словарем А. Х. Востоков, столько же работал над древнерусским словарем И. И. Срезневский; В. И. Даль отдал созданию Толкового словаря всю свою сознательную жизнь — 53 года» [Цейтлин 1958: 3].

² В том числе: общие двуязычные словари, учебные словари, разговорники, словарики к хрестоматиям, терминологические словари и др. (см. приложение к диссертации).

³ Передаю в современной орфографии.

ходилось слышать жалобы местного эстского населения на полное отсутствие в печати таких трудов, которые помогали бы эсту основательно изучать русский язык. Важнейшею книгою в деле изучения всякого языка <...> является, конечно, словарь, и необходимость эстско-русского словаря для всякого эста, желающего заниматься русским языком, ясна сама собой. В настоящее же время, когда введена всеобщая воинская повинность и когда во всех школах преподавание должно происходить на русском языке, эта необходимость делается еще более настоятельной» [Залем 1890: VIII]. Как мы видим, одним из стимулов к созданию словаря явилась сложившаяся на тот момент внеязыковая (политическая) ситуация, что в какой-то мере будет повторяться на протяжении последующих 120 лет.

Однако ни в коей мере нельзя сказать, что эстонско-русская лексикография развивалась только под влиянием внешних факторов. Так, например, первый 2-томный русско-эстонский словарь (1940–1947) хотя и издавался во время политических изменений, происходивших в стране, запланирован был раньше: П. Арумаа, основной его автор, начал писать словарь уже в 1936 г., по заказу Эстонского литературного общества. Кстати говоря, история создания и переиздания этого словаря также в чем-то отражает историю страны: в 1944 году П. Арумаа эмигрирует в Швецию, работу заканчивают его соавторы Б. Правдин и Й. В. Вески. В 1956 году была начата работа по подготовке нового, расширенного переиздания словаря (в 3 томах), однако ей не суждено было завершиться¹.

Следующий важный этап в развитии эстонско-русской лексикографии — издание многотомных русско-эстонского (в 4-х т.; 1-е изд. — 1984–1994 гг.) и эстонско-русского (не закончен; тт. 1–4 изд. в 1997–2006 гг.) словарей. Однако, кроме общих словарей, в русско-эстонской лексикографии богато представлены различные терминологические словари и тематические разговорники (см. раздел 3 в Приложении). Если на протяжении

---

¹ Вот что писал об этом сам Й. В. Вески: «Скоро возникла необходимость в переиздании словаря. <...> за основание был взят 18-томный толковый словарь русского языка <по-видимому, имеется в виду БАС. — О. П.> <...> Когда части рукописи были готовы, стали дважды в неделю собираться <обсуждать их> примерно по два с половиной часа каждый раз. Сначала обсудили рукопись Правдина; когда ее закончили, принялись за часть Маннермаа. Так довели рукопись до конца буквы М. Но летом 1959 г. умер Маннермаа. С Правдиным досмотрели его часть до конца. В 1960 г. умер и Правдин, так что я остался один. Все готовые части перепечатали, два экземпляра остались в издательстве, один у автора. Стал искать сотрудников, но с этим были сложности. <...> Издательство “Валгус” нашло нового редактора словаря — В. Мухеля <В. Мухель, автор 1-томного «Русско-эстонского словаря» (1-е изд. — 1953 г.). — О. П.>, которому я передал 23 октября 1967 г. около 14 000 карточек с отсылками от одного заглавного слова к другому. <...> после этого я упомянутым словарем более не занимался» [Veski 1969: 20–21]. Добавлю, что на тот момент, когда Й. В. Вески перестал заниматься словарем, ему исполнился 91 год.

второй половины XX века необходимость в их создании была связана в основном с тем, что преподавание во многих профессиональных и высших учебных заведениях велось на русском языке, то в последнее время они появляются в силу того, что преподавание в них ведется на эстонском языке.

Итак, можно с полным основанием утверждать, что русско-эстонская лексикография не только имеет долгую историю, но и богата достижениями. Предпосылкой к настоящей работе, таким образом, явились не столько недостатки существующих словарей, сколько желание поразмышлять о возможностях дальнейшего пути¹. Примеры (особенно во второй части работы) касаются в основном именно данной пары языков (русский / эстонский). Это, с одной стороны, продиктовано желанием обратить внимание на специфичность контрастивного исследования каждой языковой пары, а, с другой стороны, не исключает, что выводы могут быть релевантны с точки зрения двуязычной лексикографии в целом.

Целью данной диссертации является рассмотрение проблем представления языкового материала в двуязычном словаре. Для этого в работе:

- анализируется специфика двуязычного словаря в сопоставлении с одноязычным словарем (1-я глава);
- демонстрируется то, как эта специфика должна отражаться в словнике и структуре словаря (2-я глава);
- на конкретных языковых примерах рассматриваются те функционально значимые связи слова, которые необходимо отражать в двуязычном словаре, а также, на примере конкретной словарной статьи, разрабатываются способы их экспликации (3-я глава).

Композиция диссертации, таким образом, делится на две части: в первой и второй главах обсуждаются металексикографические вопросы (от типа словаря до компонентов его структурной организации), а третья глава носит прикладной характер, и в ней рассматриваются конкретные примеры анализа лексических единиц с точки зрения их внутриязыковых связей и представления в двуязычном словаре. В приложении к диссертации содержится *Опыт указателя эстонско-русских / русско-эстонских словарей*, который, как представляется, может быть полезным тем, кому, так или иначе, приходится сталкиваться с русско-эстонской лексикографией.

---

¹ Поэтому все последующие рассуждения, которые будут встречаться в диссертации, относительно того, как представлена та или иная языковая единица в том или ином словаре, ни в коем случае нельзя считать критикой существующих изданий. В свое время В. П. Берков метко написал об этом: «[С]уровая критика словарей с максималистских позиций — весьма частое явление; далеко не всегда она бывает конструктивной или хотя бы реалистической» [Берков 1973: 16].

Специфика двуязычной лексикографии, ее основное отличие от одноязычной, заключается в том, что лексикографы должны стать для читателей «проводниками» в чужой мир — мир другого языка. Одни читатели могут оказаться «опытными путешественниками», другие — начинающими. Двуязычный словарь должен стать путеводителем для каждого из них.

В свое время Ю. Д. Апресян так сформулировал состояние владения родным языком: «Люди, знающие тот или иной естественный язык, могут выполнять с его помощью следующие операции: 1) строить на этом языке текст <...>, а также извлекать значение из воспринимаемого текста <...>. 2) Соединять слова друг с другом идиоматично, т. е. в соответствии со сложившимися в данном языке и подчас трудно мотивируемыми нормами синтаксической, семантической и лексической сочетаемости <...>. 3) Устанавливать различные семантические отношения между высказываниями <...>: а) отношения синонимии <...>, б) отношения логического следования <...>. 4) Устанавливать различные семантические свойства предложений <...>: а) отличать семантически правильные предложения от семантически неправильных, б) отличать семантически связные тексты от семантически несвязных» [Апресян 1974: 11–12].

Если идти от противного, можно предположить, что человек, не владеющий каким-либо языком, не может выполнять перечисленных действий. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что процесс изучения неродного языка требует овладеть умением «извлекать информацию из текста» на неродном языке (пункты 1, 3, 4) и «строить текст» на неродном языке (пункты 1, 2). Вопрос заключается в том, что знает носитель языка и как помочь узнать все это тому, кто изучает этот язык?

Носитель языка владеет информацией двух типов: внелингвистической и лингвистической. Первый тип информации не будет специально рассматриваться в настоящей диссертации, так как требует специального исследования и изучается в рамках *лингвострановедения* (немного об этом будет сказано в разделе 1.3 первой главы). Вопрос, поставленный в работе, касается того, каким языковым знанием руководствуется носитель языка, используя то или иное слово, и как можно эксплицировать это знание для неносителя языка.

Отправным пунктом при ответе на этот вопрос станет **экспликация системных связей слова в языке**. Как представляется, сложный алгоритм функционирования каждого слова находится на пересечении всех его языковых связей (даже если они не столь очевидны¹): это парадигматические, эпидигматические, деривационные и синтагматические связи, которые в каждый момент могут корректироваться стилистическими отношениями. Часть названных связей проявляется более явно, часть может быть обна-

---

¹ В ряде случаев даже слова, находящиеся на стадии деэтимологизации (с неясной внутренней формой), могут иметь такие условия синтагматического использования, которые обусловлены их этимологией.

ружена только в результате лингвистического анализа (как известно, зачастую связи между разными словами или значениями основываются на трудноуловимых ассоциациях, в том числе, например, фонетических).

Наиболее сложным на данном этапе представляется решение вопроса о представлении в двуязычном словаре случаев межуровневой эквивалентности (когда одно и то же значение в разных языках может выражаться то при помощи лексического средства, то описательно, а то и за счет каких-либо синтактико-морфологических показателей¹). Некоторые способы решения этой проблемы рассматриваются в первой и второй главах диссертации (в разделах 1.5 и 2.2 соответственно).

Предложенное понимание условий функционирования слова в языке приводит к желанию отразить весь этот комплекс сведений в двуязычном словаре. Надо постараться показать пользователю словаря **все, что знает носитель**. Как кажется, в последнее время эта возможность становится все более реальной. С одной стороны, развитию двуязычной лексикографии в таком направлении способствует развитие теоретической лингвистики (в особенности, семантики), с другой стороны, осуществление столь масштабного проекта становится возможным благодаря развитию новых технологий (я имею в виду электронные словари).

Завершая вступление, хотелось бы добавить, что идея данной работы родилась в результате разных занятий ее автора, которые, так или иначе, но приводили к полке со словарями. Некоторые мысли и примеры родились на занятиях по русскому языку как иностранному и лекциях по семантике, словообразованию, лексикологии и лексикографии, другие — появились во время занятий переводами или в попытках (как правило, не совсем удачных) написать правильный с языковой точки зрения текст на иностранном языке. Самым ценным оказался все же опыт словарной работы, когда в течение двух лет мне довелось участвовать в создании русско-эстонского туристического словаря.

И, прежде чем начать более конкретный разговор, приведу одну цитату, которая, при всей своей метафоричности, очень верно описывает лексикографическую ситуацию: «По крылатому выражению Сэмьюэла Джонсона², словари подобны часам: обладать худшими из них лучше, чем не иметь никаких; но и о лучших из них мы не можем утверждать, что они абсолютно точны» [Городецкий 1983: 5].

---

¹ Ср. в русском языке неопределенность может выражаться лексически: *Мне вчера кто-нибудь звонил?* и морфолого-синтаксически: *Мне вчера звонили?* (безличное, глагол во мн. ч.).

² Сэмьюэл Джонсон — английский лексикограф XVIII века.

Глава I.

ДВУЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ОСОБЫЙ ТИП СЛОВАРЯ

Словарь, с одной стороны, представляет собой плод практической деятельности лексикографов, с другой стороны, является объектом теоретического осмысления этой деятельности. Как правило, теоретическая подоплека словарного дела либо зарождается, разрабатывается в ходе практической работы, либо является результатом осмысления предыдущих опытов. В этом втором случае теоретическая база под словарь подводится заранее — так, например, обстоит дело с созданием современных больших толковых словарей русского языка. Кроме того, любое теоретическое построение корректируется и дополняется в ходе самой лексикографической практики (достаточно вспомнить большое количество подробнейших инструкций для составителей словарей, а также их собственные работы, посвященные проблемам и нюансам словарной работы¹). В последнее время теоретическая подготовка словарной деятельности вышла на новый уровень: установки авторов словарей не только формулируются заранее, но и могут проходить апробацию в виде специальных изданий².

Количество работ по теории лексикографии сравнительно с другими областями языкознания вообще невелико³, вместе с тем теория именно двуязычной лексикографии представлена еще скромнее. Так, в русской теоретической лексикографии⁴ более подробно разрабатывались два на-

---

¹ См., например: [«Лексикографические сборники»; сборники «Современная русская лексикография»; Лексикология и лексикография 1972; Берков 1973; Берков 1977; Вопросы практической лексикографии 1979; Теория и практика современной лексикографии 1984; Современные проблемы лексикографии 1992] и др.

² Например: [Теоретическая лингвистика и лексикография 1995; Проспект. Русский идеографический словарь 2004].

³ Так, например, в 1971 г. Л. Згуста считал, что существует около двадцати работ, посвященных теории лексикографии (см. об этом [Денисов 1974: 4]). Сейчас, конечно, ситуация во многом изменилась, достаточно вспомнить, например, что интенсивное развитие семантики в конце XX века было вызвано повышенным интересом к лексикографии.

⁴ Похожая ситуация сложилась и в англоязычной традиции, где одноязычный словарь находился в центре внимания по крайней мере последние четыре десятилетия, а двуязычный, если и рассматривался, то только в со- или противопоставлении с одноязычным. Об этом см.: [Adamska-Safaciak 2006: 19].

правления — учебная лексикография¹ и терминологическая лексикография (терминография)². Замечательно, что сложнейшая практика создания двуязычных словарей привела к созданию нескольких учебных пособий для лексикографов³.

Почему же необъятная (по количеству словарей⁴) история двуязычной лексикографии не «обзавелась» соответствующей большой теоретической литературой? Тому, как кажется, может быть несколько объяснений. Во-первых, авторы двуязычного словаря проделывают огромную (многолетнюю) работу по его созданию, и при этом они должны отлично ориентироваться в обоих языках. В результате появляется труд, который сам по себе отражает взгляды своих создателей, в том числе, теоретические. Формулировать же эти взгляды еще раз, в виде отдельного издания, значит частично повторить сделанное. Редким примером такой «лексикографической рефлексии» может послужить учебное пособие В. П. Беркова [Берков 1996], написанное им «по следам» своего Русско-норвежского словаря (1987).

Есть и другие причины сложившейся ситуации. Как заметил В. И. Даль, «лексикографический труд требует лексикологических изысканий»⁵. Иначе говоря, теоретическая база лексикографии в большой степени закладывается в лексикологических работах. Эта мысль повторяется или подразумевается всеми лексикографами. Высказывались даже сожаления, что лексикология не дает лексикографии необходимого: «исчерпывающего описания словарного состава национального языка» <разрядка автора. — О. П.> [Денисов 1978: 25]. Однако, как представляется, подобное описание само по себе стало бы лучшим словарем языка: «эксперимент такого большого размаха не может быть повторен вне лексикографии» [Котелова 1975: 6]. Таким образом, теория лексикографии кроме собственно лексикографических аспектов должна включать достижения

---

¹ В дальнейшем я попытаюсь показать, какое большое значение для двуязычной лексикографии имеют исследования в области именно учебной лексикографии, — это связано, в первую очередь, с тем, что учебная лексикография четко ориентирована на пользователя. См., например: [Вопросы учебной лексикографии 1969; Денисов 1974; Актуальные проблемы учебной лексикографии 1977; Проблемы учебной лексикографии 1977; Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике 1978; Переводная и учебная лексикография 1979].

² См., например: [Отраслевая терминология и лексикография 1984; Гринев 1986].

³ По учебной лексикографии [Денисов 1974], по терминологии [Гринев 1986], по двуязычной лексикографии [Берков 1996].

⁴ Некоторые цифры, касающиеся количества двуязычных словарей, созданных в определенные периоды, приводятся, например, в [Берков 1973: 3].

⁵ Иллюстрация к словарной статье слова *лексикон* [Даль 1955, II: 246–247].

лексикологии, преломленные в свете необходимости изложить их «в алфавитном порядке»¹.

В случае с двуязычной лексикографией проблема осложняется необходимостью учета лексических систем **двух** языков. Сопоставление языков по всем уровням и единицам — это и объект сопоставительного языкознания, и ежедневная практика двуязычного лексикографа. Сама по себе работа над созданием двуязычного словаря, с одной стороны, дает огромный материал в области совпадающих и различающихся явлений в данной языковой паре, с другой — позволяет по-новому увидеть каждый из этих языков.

Если вспомнить одну из основных задач двуязычного словаря — перевод лексики одного языка средствами другого, — то теорию двуязычной лексикографии можно рассматривать «как такую часть теории перевода, которая исследует способы фиксации ... эквивалентных отношений элементов лексики двух языков» <разрядка моя. — О. П.> [Берков 1973: 6].

Обобщая, можно сказать, что лексикограф (автор двуязычного словаря) — это переводчик-лексиколог, который анализирует и описывает лексику двух языков в целях ее словарной фиксации².

Вообще можно сказать, что лексикографическая практика имеет два аспекта: объективный и субъективный. **Объективной** стороной дела можно считать все те языковые факты, которые существуют и должны быть отражены в словаре. Их объективность для лексикографа — не только отправной пункт в работе, но и способ оценить, проверить адекватность субъективного способа их представления. **Субъективный** аспект лексикографической деятельности — приемы и параметры работы лексикографа³ — должен отражать сферу существования объективных параметров. Рассмотрим сначала субъективные (или, условно говоря, изменяемые, переменные) лексикографические параметры: тип словаря, задачи словаря и его адресат, объем словаря (словник, принципы отбора информации, способы представления большого объема информации), макро-, микро- и медиаструктуру словаря, а затем (в третьей главе) перейдем к определению собственно языковых, объективных (или неизменных) параметров и способам их фиксации в словаре.

---

¹ Лексикологию здесь надо понимать широко — как весь объем функционально значимой информации о словах определенного языка, в том числе и сведения других областей языкознания: дериватологии, семантики, стилистики и т. д.

² Ср.: «хороший словарь является зеркалом лингвистического кредо его автора» (А. В. Исаченко), цит. по [Берков 1973: 4].

³ Ср.: объективным для лексикографа является «характер лексического значения слова» [Гак 1978: 15]; к субъективными же факторам относятся: «тип, объем и назначение словаря» [там же: 19].

1. ТИП СЛОВАРЯ

Здесь нет нужды подробно останавливаться на типологии лексикографических изданий, основы которой были заложены Л. В. Щербой в «Опыте общей теории лексикографии», так как эти вопросы неоднократно обсуждались в лингвистической литературе¹. Представлю лишь место двуязычного словаря среди других лексикографических изданий. Итак, он является: **двуязычным** (в противоположность одноязычному), **филологическим** (в противоположность энциклопедическому), **нормативным** (в противоположность тезаурусу), **синхронным** (в противоположность историческому) и **общим** (в противоположность дифференциальному и специальному)².

Прежде чем рассмотреть указанные противопоставления, необходимо обсудить вопрос об использовании терминов *переводный* / *двуязычный*.

1.1. «Переводный» или «двуязычный»?

Разные авторы либо выбирают один из этих терминов (*переводный* / *двуязычный*), либо используют их параллельно без особого разграничения; в некоторых случаях делаются попытки обосновать употребление одного из них. Так, в сборнике «Переводная и учебная лексикография» (1979) предпочтение отдается термину *переводный*³, во-первых, потому что он охватывает большее число лексикографических изданий, чем *двуязычный* (ведь существуют трех-, четырех- и многоязычные словари), а во-вторых, потому что он «стоит в одном ряду с другими терминами — *учебный словарь*, *толковый словарь* и под., указывающими на функциональную сторону объекта» [Уваров 1979: 5]. Здесь возникает несколько сомнений.

1. Сам термин *переводный*, на мой взгляд, слишком очевидно отсылает к ситуации перевода — получается, что основная функция словаря заклю-

---

¹ См., например, краткий обзор и литературу вопроса в [Денисов 1977-б].

² Кроме того, двуязычные словари могут далее подразделяться на общие словари, терминологические словари и учебные словари. Сюда же можно добавить деление на собственно словари и разговорники (различаются единицами описания). В диссертации будут по умолчанию анализироваться общие двуязычные словари, так как терминологические словари имеют особую специфику и должны рассматриваться отдельно. Учебные словари, основная функция которых — дидактическая, будут привлекаться к рассмотрению в связи с тем, что и для общего двуязычного словаря дидактическая функция будет признана одной из основных.

³ Малоупотребительный вариант (не *переводный*, а *переводной*) здесь сохраняется как отсылка к тексту названного сборника, авторы которого настаивают на такой форме слова (тот же вариант, кстати, использовал и Л. В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии»).

чается в том, чтобы помочь при переводе в поисках нужного эквивалента¹. Однако для словарей вообще (и для двуязычных в частности) выделяется две задачи: словарь как справочник (например, в ситуации поиска переводного эквивалента) и словарь как учебник (например, в ситуации изучения неродного языка). Термин *переводный* эту вторую задачу словаря не репрезентирует.

2. Специфика рассматриваемого типа словарей заключается не только в их функции, но и в том, что в них фиксируются единицы **двух** языков. Именно от этого зависит решение многих лексикографических вопросов: вынужденное соположение двух «языковых организмов» само по себе предполагает постоянное сравнение. И дело здесь не в том, сколько языков сопоставляется — два или четыре, — а в том, что сопоставление имеет место. Например, в рамках русского языка словосочетание *раскрой зонт* воспринимается как вполне свободное, так же как выражение *tee vihmavari lahti* в эстонском. При этом в эстонском происходит выбор между синонимичными глаголами *avama* ('открыть'), *lahti tegema* ('сделать открытым') и *lahti lööma* (≈ 'выбить открытым'), и этот выбор² **неочевиден** для носителя русского языка. С другой стороны, противоположное действие может в русском быть названо с использованием двух глаголов: *закрой зонт* и *сложи зонт* (при невозможности **разложи зонт*), — и это, в свою очередь, **неочевидно** для носителя эстонского языка.³ Иначе говоря, очевидность / неочевидность языкового явления проявляется при взгляде на него сквозь призму второго языка. Здесь происходит

---

¹ В свое время Л. В. Щерба писал, что «Переводный словарь возникает из потребности *п о н и м а т ь* тексты на чужом языке» <разрядка моя. — О. П.> [Щерба 1974-б: 297]. Такое представление со всей очевидностью отсылает нас к одному виду речевой деятельности — рецептивному. То есть задача переводного словаря заключается в том, чтобы помочь понять текст на неродном языке. Когда же речь заходит о продуктивном типе речевой деятельности, появляются советы пользоваться толковыми, синонимическими и идеографическими словарями одного языка [Щерба 1974-б: 302].

² В принципе, возможны все три варианта: *vihmavarju avama*, *vihmavarju lahti tegema*, *vihmavarju lahti lööma*, — однако самым употребительным является именно сочетание *tee vihmavari lahti*, для реализации остальных необходимы более специальные контекстуальные условия.

³ Очевидность этой сочетаемости для носителей языка проявляется, в частности, и в том, что в толковых одноязычных словарях она не приводится вообще или приводится не полностью: например, в статье слова *зонтик* есть пример с *раскрыть*, но нет примера с *заккрыть* [МАС I: 621]. Характерно, что эти сведения появляются в «Учебном словаре сочетаемости слов русского языка» (1978), предназначенном «для тех, кто изучает русский язык как иностранный, а также для тех, кто преподает русский язык иностранным учащимся» [УСС: 2]. (См. статью к слову *зонтик* [там же: 194], а также *заккрыть* [там же: 171], *раскрыть* [там же: 473].)

нечто подобное известному в литературоведении приему **остранения**, который противопоставляется автоматизму привычных (речевых) действий: «знакомая» языковая единица в двуязычном словаре должна описываться как «впервые увиденная», каждая ее характеристика должна оцениваться с точки зрения носителя другого языка.

3. Выражение *переводный словарь* в лексикографии используется реже, тогда как *двуязычный словарь*, напротив, широко распространено и не требует специального объяснения¹ (ср.: англ. *bilingual dictionary*, нем. *zweisprachiges Wörterbuch*, фр. *dictionnaire bilingue*, ит. *dizionario bilingue*, эст. *kakskeelne sõnaraamat*² и т. д.). Основным для этого вида лексикографической продукции все же остается противопоставление двуязычного словаря одноязычному.³

В связи со сказанным в дальнейшем я буду использовать выражение «двуязычный словарь».

1.2. Двуязычный vs. одноязычный

Итак, для нас актуальным оказывается противопоставление **двуязычного** словаря **одноязычному**. Рассмотрим проявление этого противопоставления в следующих аспектах: 1) адресация словаря разным типам пользователей, 2) отбор языковой информации с учетом нацеленности на разные типы пользователей, 3) ориентированность словарного описания на конкретную пару языков, 4) организация словника и способ подачи заголовочных слов.

Эти аспекты можно соотнести с тем, что Б. А. Серебренников назвал **предназначенностью описания**⁴: разные описания языковых единиц или структур могут строиться с использованием особых методов — эти мето-

---

¹ Ср., Л. Згуста, используя выражение *translational dictionary* (переводный словарь), имеет в виду разновидность двуязычного словаря: это такой словарь, который не дает никаких объяснений, а лишь перечисляет разные эквиваленты заголовочного слова, в отличие от словаря, включающего объяснительный аппарат (*an explanatory dictionary*), см. об этом, напр. [Zgusta 2006: 257–259].

² Надо заметить, что в эстонском языке используется и выражение *tõlkesõnastik* (буквально ‘переводный словарь’), которое, возможно, является калькой русского термина.

³ Ср.: «**bilingual dictionary**: A type of dictionary which relates the vocabularies of two languages together by means translation equivalents, in contrast to the monolingual dictionary» <разрядка моя. — О. П.> [Hartmann & Gregory James 1998: 14].

⁴ Ср.: П. Н. Денисов универсальным и незыблемым правилом всякой продуктивной словарной работы назвал принцип **ориентированности** лексикографических описаний [Денисов 1977-а: 207].

ды должны быть ориентированы, в частности, на тип языка¹ и на адресата, пользователя описания².

1–2. Адресация словаря разным типам пользователей и отбор информации с учетом этого — **ориентация словаря на адресата**.

В одноязычном словаре помещаются те сведения о слове, которые могут понадобиться, в первую очередь, носителю соответствующего языка и которые заданы целями словаря (значение слова отражается в толковом словаре, орфография и произношение — в орфографическом и орфоэпическом, синонимические ряды — в словаре синонимов и т. п.). При этом основная функция одноязычных словарей — справочная, так как пользователь является носителем языка, имеет соответствующую языковую компетенцию и к словарю обращается в том случае, если хочет что-либо уточнить. Поэтому исчерпывающих сведений о функционировании слова в контексте (о его синтагматических связях) в одноязычном словаре, как правило, не приводится. Они оказываются фрагментарными и попадают в иллюстративную часть словарной статьи: пример употребления слова или его значения в этом случае именно **иллюстративен** и лишь подтверждает или уточняет приведенную семантическую информацию о слове (толкование).

Вопросы, на которые, как кажется, должен ответить двуязычный словарь, также обусловлены предназначенностью двуязычного словарного описания. Читательский адрес словаря должен исходить из того, что языковая компетенция пользователя может оказаться **минимальной**. Читатель обращается к словарю как за справкой о значении, произношении и т. п. иноязычного слова, так и за сведениями об условиях его функционирования, за рекомендациями к употреблению. Поскольку роль толкования в двуязычном словаре выполняет переводной эквивалент, постольку семантизация представляет собой для двуязычного словаря (в отличие от толкового одноязычного³) в чем-то факультативную⁴ проблему. Описание же синтагматических свойств лексемы, ее «языкового поведения» (термин А. Вежбицкой), является не только сложнейшей, но и важнейшей задачей двуязычного словаря. Поэтому, кстати, недопустимо использовать в нем

---

¹ Так, разные методы применяются для описания языков со слабо развитой морфологической системой и языков с развитой морфологией [Серебренников 1976: 46].

² «Описание языка может быть соотнесено с определенной категорией читателя» [там же: 50].

³ В дальнейшем под одноязычным словарем по умолчанию будет пониматься толковый словарь, так как он является наиболее полным одноязычным лексикографическим изданием.

⁴ В двуязычном словаре необходимо решить, какие лексемы требуют семантизации и на каком языке она должна производиться.

такое же выборочное, часто случайное, иллюстрирование, какое используется в одноязычном словаре.

Несколько упрощая, можно сказать, что из двух функций описания — дескриптивной и прескриптивной — одноязычный словарь тяготеет к первой, а двуязычный — ко второй.

3. Ориентация словарного описания на конкретную пару языков.

Следующий аспект предназначенности словарного описания связан с тем, что двуязычный словарь — это описание конкретной пары языков. Ориентированность методов описания на тип этих языков обязательна в двуязычном словаре. В этом отношении важно учитывать как *а)* специфику языков, так и *б)* те участки лексических систем, которые потенциально опасны в плане порождения ошибок при переходе с языка А на язык Б. И здесь нельзя ограничиться известным случаем межъязыковой омонимии (т. н. «ложными друзьями переводчика»), но следует посмотреть на проблему шире.

Обсуждая лингвометодические основы учебной лексикографии, В. В. Морковкин вводит понятие **лексико-методического поля**, то есть группы слов, «объединение и совместное рассмотрение которых <в пособиях по лексике> обусловлено теми или иными методическими мотивами» [Морковкин 1977: 34]. Эти поля могут строиться как на основе учета отрицательного языкового материала (реальных ошибок), так и методом прогноза языковых трудностей [там же: 34].

Понятие лексико-методического поля (или группы¹) вполне может быть применено и к двуязычной лексикографии вообще. Так, в плане специфики сопоставления русского и эстонского языков такой методически проблемной областью можно признать, например, соотношение **русские прилагательные vs. их эстонские соответствия**. Как известно, русским относительным прилагательным в эстонском языке могут соответствовать аналогичные эстонские прилагательные (*дневной спектакль* — *päevane etendus*) или первые (отсубстантивные) части сложных слов (*дневной заработок* — *päevapalk*)². Кроме того, эстонское сложное слово часто является эквивалентом русского субстантивного словосочетания (*таблетки от каши* — *kõhatabletid*). Все эти группы слов потенциально «опасны» для носителей другого языка, то есть обладают свойством порождать регулярные ошибки в речи тех, кто изучает неродной язык. При этом надо понимать, что прогноз ошибки не может ограничиться теми случаями, когда буквальный перевод невозможен: пользователь может допустить ошибку как в случае «небуквального» перевода (*железная дверь* — *raud-*

¹ В некоторых случаях, очевидно, стоит сузить термин *поле* до *группы*, так как понятие *поля* представляется слишком широким для объединения, которое «количественно <...> может состоять из двух или более слов» [Морковкин 1977: 34].

² См. об этом, например, [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 65].

uks, железный век — *rauaaeg*), так и в случае точного межъязыкового соответствия (*железное здоровье* — *raudne tervis*) — в силу непредсказуемости этого выбора¹.

Принцип «прогноза ошибки» должен найти отражение и в структуре словарной статьи. Так, если эстонско-русская словарная статья структурируется на основе алфавитного порядка эстонских сложных слов с одинаковой первой частью (напр., *linna-*), то русские эквиваленты (*городской*, *гор-*, *градо-* и *города*) окажутся в случайном, хаотическом порядке:

linna+ *городской*, *гор-*, *градо-*, *города*; **linnaarhiiv** городской архив, **linnaehitaja** градостроитель, **linnaehitus** градостроительство, **linnaehituslik** градостроительный, **linnaelanikkond** городское население, население города, **linnahall** горхолл, **linnakorter** городская квартира, **linnamajandus** городское хозяйство, **linnamuseum** городской музей, **linnasüda** городской центр, центр города, **linnatänav** городская улица, улица города, **linnavalitsus** городская управа, горуправа, **linnavolikogu** городское собрание, горсобрание

Такое построение статьи может привести к ложному выводу о том, что все перечисленные русские эквиваленты более или менее равноправны и взаимозаменяемы. Более целесообразно организовать словарную статью с учетом сочетаемости, частотности и т. п. характеристик русских эквивалентов:

linna+

городской: **linnaarhiiv** городской архив, **linnakorter** городская квартира, **linnamajandus** городское хозяйство, **linnamuseum** городской музей

городской (linna+) (см. также статью *linna góroda*): **linnaeelarve** городской бюджет, **linnaelanikkond** городское население, **linnasüda** городской центр, **linnatänavad** городские улицы

городской = *lüh. гор-* (*peamiselt asutuste nimetused*): **linnahall** горхолл, **linnavalitsus** городская управа = *lüh.* горуправа, **linnavolikogu** городское собрание = *lüh.* горсобрание

---

¹ Непредсказуем для носителя русского языка не только выбор между типом перевода (*прилагательное > прилагательное* или *прилагательное > именная часть сложного слова*), но и само количество эквивалентов: так, слово *железный*, как мы видели, в эстонском языке может иметь три способа передачи (*raud-*, *raua-*, *raudne*), а, например, прилагательное *городской* — только один: *linna-*. При этом *linna-* может иметь более частные случаи перевода на русский в виде *гор-*, *градо-* и *города* (*городская управа*, *горуправа*, *градостроительный*, *житель города*).

grado- (*ainult järgmised sõnad*): **linnaehitaja** градостроитель, **linnaehitus** градостроительство, **linnaehituslik** градостроительный

Такая структура позволит эстонскому пользователю не только найти правильное соответствие, но даст возможность «почувствовать» внутриязыковые условия функционирования русских слов.

В целом можно сказать, что ориентация на ошибку (или на ее предотвращение) не является самоцелью двуязычного словаря. Механизм порождения ошибки на неродном языке в основном можно свести к незнанию системных (и других) условий существования языковой единицы (будь то лексическая или грамматическая система) и, как следствие, к интерференции. Поэтому ориентация на ошибку лишь позволяет очертить те области, где языки больше всего расходятся. Задача же двуязычного словаря заключается в том, чтобы представить язык А **системно**, то есть лексикограф должен стремиться к тому, чтобы отразить в словаре тот объем знаний, которыми обладает о нем носитель этого языка (по большей части эти знания имплицитны), и **в сопоставлении** с языком Б.¹

При представлении в двуязычном словаре лексическая единица в большей степени, чем в одноязычном, нуждается в экспликации внутриязыковых связей. Неоднозначное соответствие единицы языка А единицам языка Б приводит к необходимости анализировать и сопоставлять участки лексических систем двух языков, а не отдельные лексемы. Так, если продолжить сопоставление *городской* и *linna-*, окажется, что в некоторых сочетаниях русскому прилагательному в эстонском языке соответствует косвенный падеж слова *linn* (*linna* ‘города’):

Tartu **linna** haridusosakond korraldab... — Тартуский **городской** отдел образования организует...

Поэтому словарную статью к **linna+** надо дополнить ссылкой к статье **linna**:

linna *góroda* (см. также статью **linna+** *городской*): [meie] **linna eelarve** бюджет [нашего] города, [selle] **linna elanikkond** население [этого] города, [Tartu] **linna tänavad** улицы города [Тарту]

Очевидно, что если одноязычный словарь не может и не должен учитывать многие из этих связей (например, синонимию *городской* / *góroda*), то двуязычный, напротив, основной своей задачей должен ставить фиксацию

---

¹ Ср.: «...по возможности широкий показ сочетаемости слова в двуязычном словаре выполняет функции одного из видов сопоставительно-типологического исследования двух языков» [Леэметс 1984: 201].

синонимических средств языка, сопровождая ее экспликацией условий выбора того или иного синонима.

4. **Организация словаря и способ подачи заголовочных слов** также должны определяться с учетом интересов пользователя и языковой специфики.

Так как носитель языка с легкостью может восстановить слово до его словарной формы, одноязычный словарь в качестве заголовочного слова может использовать «исходную» грамматическую форму слова (им. пад. ед. числа для подавляющего числа существительных и т. п.), а другие формы (в том числе с чередованиями) представляет выборочно, после заголовочного слова.

При ориентации на выполнение продуктивной функции (создание текста) двуязычный словарь также может использовать подобную схему¹. Однако в ситуации рецепции (понимания текста) пользователь имеет дело не только с исходными формами, но и (чаще) с производными — и сталкивается со случаями чередований внутри основы слова и омоформами. Восстановление словарной формы в этом случае может представлять большие трудности: а) при чередовании может сохраняться лишь один-два начальных звука основы (ср. эст.: *tuba* – *toa* – *tuppa*); б) в случае с омоформами сложно определить, с формой какой лексемы мы имеем дело (ср. эст. *laevad*, которое является формой 3 л. мн. ч. наст. вр. глагола *laadima* ‘грузить’ и формой мн. ч. существительного *laev* ‘корабль’)².

Таким образом, даже когда одноязычный и двуязычный словари выполняют сходную функцию (используются для понимания текста), они должны действовать по-разному, так как имеют дело с разными типами пользователей. Носитель русского языка без труда восстановит форму *семью* до *семь* или *семья*, *мечусь* до *метаться*, не-носитель без определенного уровня владения языком этого сделать не сможет — и тут двуязычный словарь должен ему помочь. Желательно, чтобы каждый грамматико-фонетический вариант слова, который может вызвать у пользователя трудности при восстановлении до словарной формы, был представлен в словаре с отсылкой к «исходной» форме на соответствующем алфавитному порядку месте. Препятствия, которые встают на пути автономной подачи грамматических форм с чередованиями, являются, в основном, «внешними» — это ограничения по объему словаря. Преодолеть их позволит использование электронного формата словаря (о чем будет сказано ниже).

В целом сопоставление (или противопоставление) одно- и двуязычного словарей приводит к мысли о том, что, вопреки распространенному мне-

---

¹ Так, например, организована словарная статья в EVS — после заголовочного слова в угловых скобках приводятся его производные формы: **kelk** <k'elk kelgu k'elku...> [EVS II: 205].

² См. об этом, напр. [Viks 2001: 157]; примеры оттуда же.

нию, одноязычный толковый словарь не может заменить собой двуязычный даже на продвинутом этапе овладения неродным языком, так как он ориентируется на понимание текста, а не на его производство.¹

1.3. Филологический vs. энциклопедический

Двуязычный словарь (так же, как и одноязычный толковый словарь) является **филологическим**, а не **энциклопедическим**. В толковых словарях противопоставление лингвистического и энциклопедического проявляется в области семантического представления лексики: семантизация отдельной лексемы должна опираться на представление только тех признаков денотата, которые закреплены в сигнификате (лексическом понятии), а не являться описанием всех свойств денотата: «энциклопедическая информация не помогает лингвистическому описанию, детализируя и дополняя его, а, наоборот, мешает ему» [Рахилина 2000: 22].

Однако, во-первых, уже сам Л. В. Щерба, по-видимому, не считал противопоставление «филологический vs. энциклопедический» абсолютным: например, он предлагал включать имена собственные в общий словарь в том случае, если они общеизвестны языковому коллективу, а также, если они имеют вторые, нарицательные значения [Щерба 1974-б: 279–280]. Во-вторых, это разграничение постулируется для одноязычного словаря, следовательно, для двуязычного словаря должно быть уточнено. Ведь сама ситуация перехода с одного языка на другой приводит к необходимости представления информации, которая требуется «для употребления семантически близких слов в разных языках» [Рахилина 2000: 27]. Должна ли (и может ли) эта информация быть исключительно лингвистической? Ведь даже в рамках одноязычной лексикографии стремление противопоставить лингвистическое и энциклопедическое оказывается «в ряде случаев иллюзорн<ым>» [Берков 1977: 129], а на практике определения в толковых словарях бывают очень схожи с теми, которые приводятся в энциклопедиях²

---

¹ Об этом же говорит А. Adamska-Sałaciak в своей книге «Meaning and the Bilingual Dictionary» [Adamska-Sałaciak 2006: 30]. Хотя надо сказать, что Л. В. Щерба, когда писал: «Ввиду всего этого всякий настоящий педагог советует своим ученикам как можно скорее бросать переводные словари и переходить на толковый словарь данного иностранного языка» [Щерба 1974-б: 300–301], ссылался на **несовершенство** существующих двуязычных словарей, ср.: «Что касается переводных словарей, то их принципиальная ошибка состоит в предположении адекватности систем понятий любой пары языков» [там же: 298].

² Впрочем, автор нового толкового словаря русского языка, С. А. Кузнецов, вполне прямо говорит о том, что БТС не имеет предубеждения против энциклопедической информации: «Для того чтобы у читателей не возникало досадного желания обратиться к другому справочнику в поисках дополнительных

(об этом см., например, [Veldi 2001-a]). Ниже я попытаюсь рассмотреть те случаи, когда в двуязычном словаре противопоставление энциклопедической / лингвистической информации снимается.

Л. В. Щерба, вводя разграничение энциклопедического и общего словаря, иллюстрировал его сравнением ботанического определения растения *Иван-да-Марья* с бытовым представлением о том же растении, не говоря «уже о тех случаях, когда про тот или другой предмет приходится говорить, что это ‘род кустарника’ или что это ‘один из видов небольших лесных птиц’ и т. п.» [Щерба 1974-б: 281]. Вывод, сделанный им относительно той информации, которая должна сопровождать термин в общем словаре, остается актуальным для лексикографии в плане разграничения энциклопедических и лингвистических сведений: «...нет никаких оснований навязывать общему языку понятий, которые ему вовсе не свойственны и которые <...> не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» [там же: 281].

Какие же понятия можно считать не свойственными общему языку? Или, иначе говоря, чем отличается филологический словарь от энциклопедии? С точки зрения содержащейся в них информации, можно сгруппировать (потенциальные) отличия следующим образом: различается **словник энциклопедии / филологического словаря** и **содержание словарной статьи энциклопедии / филологического словаря**.

1. **Словник энциклопедии** содержит имена собственные (топонимы, имена известных людей, наименования печатных изданий, марки автомобилей, наименования исторических событий, торговых компаний, научных и политических течений и т. д.) и термины (математические, медицинские, военные, биологические и мн. др.). В филологические словари, как правило, редко попадают имена собственные (только некоторые их типы), а термины включаются с учетом их частотности и распространенности.

1.1. **Имена собственные.** Толковый одноязычный словарь хотя и включает имена собственные из словника (то есть не оформляет их в виде отдельных вокабул), включает их, однако, зачастую в состав словарной статьи, если заголовочное слово входит в состав «различных названий и терминов», например, в БТС в статье к слову *великий* (7-е значение) приводятся следующие терминологизированные словосочетания и словосочетания-имена собственные:

В-ая Отечественная война, В. четверг, В-ая пятница, В-ая суббота, В-ие географические открытия, В-ие державы, в. князь, В. океан, В. пост, В. шёлковый путь, В-ое княжество Литовское, В-ое переселение народов, Пётр В., В-ое противостояние [БТС: 116].

разъяснений, многие словарные статьи сопровождаются краткими энциклопедическими справками» [БТС: 3].

Понятно, что эти единицы в одноязычном словаре приводятся, с одной стороны, в силу своей устойчивости и воспроизводимости (то есть функциональной близости к словам), с другой стороны, в «дидактических» целях: чтобы предупредить пользователя относительно правильности их написания и сообщить, что именно называется при помощи данных единиц, особенно, если речь идет об исторически или культурно специфических реалиях. Последний аспект находит отражение в толковании, которое, кстати, оказывается весьма близким к энциклопедическому (включает исторические, географические и т. п. сведения), но представляет собой как бы редуцированный его вариант¹, например:

В.[еликий] шёлковый путь (в древности и средние века: караванная дорога между Китаем и Средней и Передней Азией) [БТС: 116].

Ср.:

Великий шёлковый путь, в древности и ср. века караванная дорога из Китая в страны Ср. и Передней Азии. Открыт во 2 в. до н. э. Вёл из Сиани через Ланьчжоу в Дуньхуан <...>. Сыграл большую роль в развитии экономич. и культурных связей народов Передней Азии, Ср. Азии и Китая [БСЭ IV: 412].

Если посмотреть на словосочетания, функционирующие как имена собственные, с точки зрения двуязычной лексикографии (которая, как правило, опирается на одноязычные словари), то можно предположить, что пользователю двуязычного словаря нужны именно лингвистические сведения о составе наименования и о его написании (с прописной / строчной буквы, через дефис и т. п.), так как собственно денотативная информация (в приведенном примере она заключена в круглые скобки) передается при помощи переводного эквивалента. Например, все указанные выше примеры с прилагательным *великий* и подобные им сочетания в силу непредсказуемости их состава (включая условия использования прописной / строчной буквы, а также, в данном случае, слова *великий*, которому в эстонском языке соответствует одно из значений лексемы *suur* 'большой') можно отнести к области межъязыковой идиоматичности, и, следовательно, **необходимо включать в словарь двуязычного словаря в виде отдельных вокабул** (заголовочных слов), а не в качестве иллюстрации на сочетаемость определенных лексем.²

¹ Ср.: «Сравнение определений в филологических и энциклопедических словарях показывает, что в большом числе случаев различия между ними либо незначительны, либо не носят принципиального характера» [Берков 1977: 97].

² Что на данном этапе развития, по крайней мере, эстонско-русской лексикографии делается непоследовательно. Так, в современном эстонско-русском словаре можно найти следующие сочетания со словом *великий*: 1) к разным значе-

В ситуации эстонско-русского / русско-эстонского перехода это тем более необходимо, так как в эстонском языке многие составные наименования представляют собой сложные слова, следовательно, носителем эстонского языка в большей степени, чем носителем русского, осмысляются как независимые, автономные единицы. Так же, как русский пользователь привык искать в словаре элементы «свободных» словосочетаний, эстонский пользователь готов искать автономную единицу, оформленную в виде отдельной статьи.

Имена собственные, не являющиеся сочетаниями полных слов (топонимы, имена различных деятелей и т. п.), традиционно или не включаются в двуязычный словарь (имена лиц), или приводятся отдельным списком в приложении к словарю (топонимы). Очевидно, объяснением этой ситуации является специфическая характеристика этих единиц, которые из двух основных функций слова — номинативной и сигнификативной — выполняют только первую, то есть служат для номинации, но не для обобщения. Отсюда и отсутствие к ним интереса со стороны одноязычной толковой лексикографии: непонятно, что тут можно толковать? Двуязычные же словари, берущие за основу одноязычные толковые, тем более не «обращают внимания» на эти, условно говоря, «семантически пустые» единицы. Которые, однако, могут оказаться вполне проблематичными в ситуации перехода с языка на язык: в первую очередь, это касается способов передачи топонимов, как иностранных для обоих языков, так и родных для одного из языков словаря. Например, с точки зрения эстонского языка *Северный Ледовитый океан* является морем¹ (если говорить о его языковом оформлении, а не рассуждать с позиций специалиста-географа): *Põhja-Jäämeri* — букв. ‘Северное ледовое море’.² Это хорошо понимают авторы словарей, когда в приложении к основному словарю приводят указатель топонимов. При этом, однако, чаще всего не учитывается наличие других специфически языковых сложностей, которые, конечно, не представлены в энциклопедиях.

ниям слова *suur* — *В. противостояние, В. пост, Петр В., в. географические открытия*, 2) два примера на сложное слово с первой частью *suur+* — *в. могол, в. княгиня*, 3) отдельными статьями *suurvürst* — *в. князь, suurvürstiriik* — *в. княжество* [EVS IV]. В русско-эстонском: *В. Октябрьская социалистическая революция, В. французская революция, в. переселение народов, В. Отечественная война, в. князь, в. державы* [VES I]. Не представлены в них сочетания *В. шелковый путь, В. пятница, В. суббота, В. океан* и др. При этом ни одно из названий, кроме *suurvürst* — *в. князь, suurvürstiriik* — *в. княжество* [EVS IV: 704], не оформлено отдельной словарной статьей, а приводится в качестве иллюстрации на сочетаемость в статье к словам *великий / suur*.

¹ Имеется в эстонском языке и название *Arktiline ookean* (‘Арктический океан’), которое, однако употребляется редко и скорее в специальных контекстах.

² Или, например, *Аландские острова* имеют эстонское название *Ahvenamaa* (из фин. *Ahvenanmaa*), что буквально значит ‘Земля окуней’.

Как показывает практика преподавания РКИ, а также многочисленные ситуации, связанные с переходом с русского языка на эстонский и наоборот, непредсказуемыми для носителя другого языка могут оказаться самые очевидные для носителя языка вещи, например:

1) пол лица, носящего определенное имя, — если в русском можно предложить некоторый алгоритм для определения родовой принадлежности собственных имен (как правило, совпадает с системой склонений существительных¹), то в эстонском таких очевидных формальных показателей нет, ср.: *Reet, Aili, Maimu* (женские имена), *Tiit, Mati, Kalju* (мужские имена);

2) дериваты собственных имен, которые очень типичны для русского языка и нетипичны для эстонского (то есть непривычны для эстонского пользователя): «проблемные» с точки зрения образования и возможности восстановить исходное имя разговорные варианты личных имен (*Анастасия — Настя — Ася — Настёна*) и диминутивы (*Настенька*), а также отчества, трудные в плане их словообразования (*Ильич — Ильинична*);

3) предложно-падежное управление разных типов топонимов в русском и эстонском языках (*ехать на Кавказ, на Филиппины, в Англию, в Тибет — Kaukaasiasse, Inglismaale sõitma*), а также система вариативных форм со значением ‘место назначения’ для разных топонимов в эстонском языке: (*ехать в Таллинн = Tallinna / Tallinnasse*, но *в Йыхви = Jõhvi*, *в Кохтла-Ярве = Kohtla-Järve* и т. п.);

4) правописание падежных окончаний топонимов на *-ия*, представляющих традиционную сложность для носителя эстонского языка: *в Эстонии, Англии*² и т. п.;

5) условия транслитерации эстонских собственных имен на русский язык — согласно правилам, например, мягкость эстонских *l* или *n* не передается по-русски при помощи мягкого знака (сохраняется только в традиционных именах, напр.: *Vilde — Вильде*; фамилия эстонского писателя начала XX века): *Kolk — Колк, Kont — Конт* [Vene-eesti ja eesti-vene ümberkirjutusreeglid 2000: 112–114].

И хотя приведенные примеры (количество которых, безусловно, можно умножить³) являются сугубо лингвистическими и вполне могут быть объ-

¹ Однако даже знание этого алгоритма не всегда предупреждает ошибку. Так, чтобы правильно склонять имя *Любовь*, недостаточно знать правила склонения существительных III скл.: *любви*, но *Любови*.

² «Традиционная» ошибка эстонских учащихся (и не только) — написание в этих случаях окончания *-ий*: *в Эстоний* и т. п.

³ Так, за рамками обсуждения осталась еще одна большая часть имен собственных, которые следует включать в двуязычный словарь. Это, во-первых, имена типа *Иван — Ваня — Иванушка-дурачок*, на функционирование которых влияют определенные коннотации, связанные с ними в сознании носителей языка, а, во-вторых, имена исторических лиц, также имеющие свой «коннотативный фон» (*Иван Грозный, Екатерина Великая* и т. п.).

единены в то, что выше было названо лексико-методическим полем, двуязычный словарь их, как правило, «не замечает» как раз из-за того, что, в силу постулируемого отличия от энциклопедии, не включает имена собственные в словник¹.

В скобках замечу, что так было не всегда. Например, один из первых больших русско-эстонских словарей (РЭС; 1-е изд. 1940–1947) включал в словник топонимы и русские личные имена с многочисленными диминутивами. Причем фамильярные формы личного имени приводились отдельными статьями со ссылкой на соответствующую производную основу, например:

Всёва dim., vt. Всеволод [РЭС I: 166]

Стяся dim., vt. Анастасия [РЭС II: 1154]

По-видимому, авторы словаря хорошо понимали, какую трудность для эстонского пользователя может представлять этот пласт русской лексики.² В виде отдельных вокабул топонимы, например, включал в свой русско-эстонский словарь и В. Мухель³, ср.:

Англия ~и Inglismaa [VEM: 25]

Кавказ ~а Kaukaasia [VEM: 227]

1.2. **Термины.** Термины, в отличие от имен собственных, представлены в толковом словаре гораздо шире. Можно со всей очевидностью предположить, что их там, конечно, меньше, чем в специальных справочниках или энциклопедиях, но, как ни странно, может быть, не намного меньше, чем в общей энциклопедии. Так, сравнение представленности членов одного словообразовательного гнезда с первой частью *нейро-* в энциклопедии (БСЭ) и в толковом словаре (БТС) дает следующее соотношение — 20 терминов в энциклопедии и 23 в толковом словаре⁴:

---

¹ Хотя, например, в английские словари имена собственные и топонимы часто включаются. Об этом см., например, [Veldi 2001-a].

² В РЭС включались также диалектизмы (реально собранные у русских жителей Причудья), неологизмы (связанные с эпохой советизмы) и редкие слова. Подробнее об этом см.: О. Паликова. «Русско-эстонский словарь» (1940–1947) П. Арумаа, Б. Правдина, Й. В. Вески. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Slavica Tartuensia V.* Тарту, 2003. С. 301–310.

³ Конечно, для того, чтобы «активизировать» словарное описание, такие статьи необходимо дополнить некоторыми основными примерами на сочетаемость (напр., *поехать на Кавказ* и т. п.).

⁴ В примерах полужирным шрифтом выделены те слова, которые представлены либо только в энциклопедии, либо только в толковом словаре. Курсивом выделены те случаи, которые не представлены в толковом, но зато имеют перевод в двуязычном эстонско-русском словаре. Понятно, что приведенные дан-

нейро..., **нейробионика**, **нейробласты**, *нейроглия*, **нейрогормоны**, *нейро-гуморальная* регуляция, нейродермит, нейрокибернетика, нейролептические средства, **нейролингвистика**, нейрон, **нейронная теория**, **нейропиль**, нейропсихология, **нейросекретция**, *нейрофибриллы*, нейрофизиология, **нейрохимия**, нейрохирургия, **нейруляция** [БСЭ, 17: 415–420];

нейро... (**нейровирусный**, **нейрогенетика**, **нейрогинекология**, **нейроинфекция**, нейрокибернетика, **нейропсихический**, нейропсихология, **нейротравматический**, **нейрофизиолог**, **нейроциркулярный**), **нейроанатомия**, нейродермит, **нейрокомпьютер**, нейролептики, нейрон, нейропсихология, **нейротравматологический**, **нейрофизиолог**, **нейрофизиологический**, нейрофизиология, **нейрохирург**, нейрохирургия [БТС: 624].

Отражение этой ситуации можно наблюдать и в двуязычных словарях. Так, на фоне почти полного отсутствия в двуязычных словарях имен собственных в них же находим (количественно) примерно половину терминов, представленных в энциклопедии или толковом словаре, напр., в EVS терминов с первой частью *neuro-* (*нейро-*), находим 11:

neuro+ <...>; neurodermiit, neurofibrill, neurofysioloogia, neurokirurg, neurogliia, neurohumoraalne, neurokirurgia+, neurokirurgiline, neuroleptikum, neuron [EVS III: 425].

Часть из них представлена отдельными статьями, часть — включается в другие статьи.

Надо сказать, что основной вопрос, который интересовал Л. В. Щербу при обсуждении проблемы терминов в общем словаре, касался их значений (и, соответственно, способов семантизации): «много есть и таких терминов, которые входят и в литературный язык. Однако очень часто они будут иметь разные значения в общелитературном и специальных языках» [Щерба 1974-б: 281]. В двуязычном словаре эта проблема, опять-таки встает не столь остро: поскольку правильный иноязычный эквивалент несет ту же семантическую нагрузку, что и исходный термин, постольку нет необходимости решать вопрос о семантизации. Обязательным здесь оказывается использование помет, которые указывали бы на специальную

ные нельзя абсолютизировать хотя бы в силу разных лет издания цитируемых словарей (БСЭ 1970–1978; БТС 2001) — более современная энциклопедия, вероятно, включает больше соответствующих терминов. Однако количество терминов в толковом словаре показательно.

сферу использования термина. И этот вопрос вполне адекватно решается в двуязычных словарях.

Более сложным оказывается решение вопроса о том, какие термины надо включать в двуязычный словарь, какие — нет. С одной стороны, поскольку нет данных о частотности тех или иных терминов и терминоидов, не остается ничего иного, как положиться на «внутреннее чутье» авторов общего двуязычного словаря — особенно, если мы имеем дело с печатным словарем, объем которого ограничен. С другой стороны, сейчас, когда в силу развития электронных форматов словарей, «нет необходимости беречь объем словаря» [Большаков и др. 1999], не кажется невозможной ситуация, при которой будут создаваться словари тезаурусного типа.

2. **Словарная статья** энциклопедии, в отличие от статьи в филологическом словаре, включает исторические, научные, географические и мн. др. лингвистические сведения, а также часто сопровождается графической иллюстрацией.

2.1. **Лингвистическая информация** в словарной статье двуязычного словаря совершенно необходима в тех случаях, когда она неизвестна пользователю и при этом может оказать влияние на правильность восприятия или порождения текста на неродном языке.

Безэквивалентная лексика и лингвострановедение. В своей книге «Слово в двуязычном словаре» В. П. Берков писал, что семантизация безэквивалентной лексики в двуязычном словаре должна «в идеале сообщать читателю всю ту информацию об обозначаемом <...> элементе действительности, которая связывается или может связываться у среднего носителя входного языка словаря с данным словом» *<разрядка моя. — О. П.>* [Берков 1977: 129–130]. Так, если мы представим себе слово входного языка из разряда конкретной лексики, не имеющее точного эквивалента в выходном языке, и попробуем проинструктировать пользователя относительно его употребления, то, скорее всего, столкнемся с необходимостью включить и страноведческую информацию: описать денотат и некоторые его лингвистические признаки (например, время функционирования в культуре входного языка, распространенность явления и т. п.¹), ведь сопоставление языков происходит на фоне сопоставления культур, этнографических реалий и т. п. Так, приведенный выше пример перевода *suurvürst* — *великий князь* сопровождается в эстонско-русском словаре кратким историческим комментарием², которого не было в более раннем по времени издания русско-эстонском словаре.

---

¹ См., например, у В. П. Беркова анализ рус. *гимназия* и норв. *gymnasium* [Берков 1977: 99–100].

² Хотя и не безупречным, ср.: «...Vene keisri vendade ja otseste meessoost järglaste tiitel...» «титул братьев российского императора и его прямых потомков по мужской линии» [EVS IV: 704], тогда как *великий* — составная часть «титула

Размещение в словаре лексических единиц, называющих реалию одного из языков, в сопровождении лишь переводного эквивалента, не помогает носителю другого языка. Так, в том же EVS находим слово *omakaitselane*, которое переводится как *член (организации) «Омакайтсе»*, но не находим статьи, посвященной названию самой этой организации (*Omakaitse*). Отсюда можно сделать вывод, что, во-первых, этот эстонско-русский словарь ориентируется на эстонского читателя¹, а, во-вторых, словарь следует принципу невключения имен собственных в филологический словарь².

Рассматриваемая проблема достаточно давно стала хорошо осознаваться в практике преподавания неродного языка, получив название *лингвострановедения* и обретя практическую реализацию в рамках учебной лексикографии³.

Лингвострановедческая информация по своей сути близка к энциклопедической, так как она отражает кумулятивную функцию языковой единицы — функцию «закрепления накопленного коллективного опыта непосредственно в формах языка» [Костомаров и др. 1978: 7]. Поскольку отражение «культурного компонента семантики»⁴ слова зачастую требует больших объемов, постольку в свое время появился новый вид двуязычных словарей: двуязычные лингвострановедческие словари⁵. Понятно, что в общем двуязычном словаре та лексика, которая комментируется в лингвострановедческом словаре, должна сопровождаться комментарием **меньшего** объема, иначе пользователь будет вынужден проводить много времени за поиском нужной единицы и условий ее употребления. Так, в

членовъ Императорскаго Дома въ Россіи. Великій князь. Великая княгиня. Великая княжна» [СРЯ 1891 I: 361].

¹ На те же мысли наводят и некоторые другие параметры словаря, в частности, язык помет.

² В противоположность такому подходу, О. Оттенсон, автор «Нового эстонско-русского юридического словаря» (2007), включила в словник названия учреждений и организаций, чем в значительной мере помогла переводчикам: «Словарь содержит наименования министерств, департаментов, инспекций и др. основных ведомств Эстонии, названия важнейших международных институтов, организаций, конвенций, договоров <...>» [НЭРЮС: 7].

³ Ср.: «Семантизации в лингвострановедческом словаре подлежит безэквивалентная и фоновая (денотативно-фоновая и коннотативно-фоновая) лексика» [Денисова 1978: 107]. Очевидно, что это положение вполне применимо и к общему двуязычному словарю.

⁴ Термин из [Костомаров и др. 1978: 7 и далее].

⁵ Напр.: Рум А. *Великобритания: Лингвострановедческий словарь*. 2-е изд. М.: «Русский язык», 2000; *Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь*. Под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: «Русский язык», 1998; *Латинская Америка*. Гл. ред. В. В. Вольский. В 2-х т. М.: «Советская Энциклопедия», 1979–1982; *Англо-русский лингвострановедческий словарь АМЕРИКАНА*. Смоленск: «Полиграмма», 1996 (напечатано во Франции).

«Лингвострановедческом словаре» М. А. Денисовой, посвященном системе образования в СССР (1978), статьи занимают достаточно много места, например: *заочное обучение* с. 110–112, *детский сад* с. 95–97, *среднее специальное учебное заведение* с. 191–193 и т. п.

Существенно сократить объем необходимых объяснений (не столько в целях экономии места, сколько из соображений удобства для пользователя) позволяют разные приемы.

1) **Языковые примеры.** А. Adamska-Sałaciak выделяет три типа функций, которые могут выполнять языковые примеры в двуязычном словаре: грамматическая, стилистическая и культурная функции [Adamska-Sałaciak 2006: 155]. Последняя проявляется в том, что сами примеры содержат информацию о культуре неродного языка¹, то есть те сведения, которые носители языка связывают с десигнатом обычных культурно-ориентированных лексических единиц, таких как социальные, политические или религиозные термины, слова из области кулинарии, спорта и т. д. [там же: 157]. Вот, например, как могла бы выглядеть языковая иллюстрация к статье *великая княжна* (пример имплицитно включает информацию о том, что княжна — дочь императора и ее было принято называть с использованием имени и отчества):

великая княжна *suurvürstitar*: *На фотографии император Александр II с дочерью великой княжной Марией Александровной. Fotol on imperaator Aleksander II koos oma tütre suurvürstitar Marija Aleksandrovnaga.*

2) Подача языкового материала в виде **таблиц и схем.** Наиболее широко представлены в двуязычных словарях грамматические таблицы, которые оформляют грамматический комментарий, помещаемый в приложениях к словарю. Однако некоторые лексические группы, состав которых отражает ту или иную реально существующую систему, также могут подаваться в словарях в виде таблиц или схем. Так, например, в упомянутом «Лингвострановедческом словаре» М. А. Денисовой в виде схемы представлена «Система народного образования в СССР» [Лингвострановедческий словарь: 51]. С учетом того, что в разных культурах (находящихся на одном уровне развития) существуют приблизительно одни и те же системы государственных и образовательных учреждений и другие номенклатурные системы, двуязычный словарь мог бы приводить эти системы, со-

---

¹ А. Adamska-Sałaciak иллюстрирует это положение следующим примером. *Public school* в Великобритании — привилегированное учебное заведение (несмотря на внутреннюю форму, которая может ввести неподготовленного читателя в заблуждение — букв. *общественная / народная школа*), и пример, который содержится в словарной статье, демонстрирует эту специфику: *Many of the people in the British government went to public schools* [Adamska-Sałaciak 2006: 157].

проводя их как исконными наименованиями, так и переводными эквивалентами.

2.2. **Графическая иллюстрация** — при всей специфике энциклопедического словаря, еще один используемый в нем прием может применяться (и иногда применяется) в двуязычной лексикографии — это графическое (визуальное) иллюстрирование. Историзмы, экзотизмы и другие «слова-реалии», актуальные для одного языкового сообщества или для определенного периода времени и с трудом поддающиеся «чисто лингвистической» семантизации, бывает легче проиллюстрировать визуально, чем объяснять словесно их особенности. В одной из статей, посвященной лингвострановедческому аспекту в преподавании русского языка, приводится характерный пример: киргизские учащиеся, которые на основе контекстов вполне адекватно понимали функцию предмета, названного *лучиной*, при проверке рисовали «масляную свечилку (*май-чырак*), свечу или свечи в подсвечнике» [Шейман 1979: 98]. Адекватное понимание обеспечивалось лишь в тех случаях, когда в преподавании использовалось визуальное изображение *лучины*.

Кроме того, графическая иллюстрация может дополнять не только словарные статьи с историзмами и безэквивалентной лексикой, но и лексические системы типа наименований частей тела, частей одежды, частей механизмов и т. п., а также случаи несовпадения объема значений «предметных» слов. Например, при переходе с эстонского языка на русский определенную сложность представляет собой поиск эквивалента для слов *башня* и *вышка* с одной стороны, и *torn* — с другой. Если в русском языке вопрос о смешении этих двух слов не встает, то при переходе на русский с эстонского надо знать, что *башня* имеет стены, а *вышка* — нет¹. С другой стороны, эстонское *torn*, оказываясь в составе различных сложных слов, может иметь такие русские эквиваленты, которые вообще не содержат слов *вышка* и *башня*: *kellatorn* — колокольня, *tähetorn* — обсерватория, *tuletõrjetorn* — (пожарная) каланча, *tuletorn* — маяк. Для эстонского пользователя (в эст.-рус. словаре) поэтому удобно было бы иметь иллюстрацию с изображением **прототипической** *башни* и *вышки*, а русского пользователя (в рус.-эст. словаре) необходимо предупредить, что эстонское слово *torn* объединяет значения двух русских лексем и имеет более широкую сочетаемость².

---

¹ В остальном различия в значениях этих лексем не столь очевидны для носителей другого языка, ср.: *башня* — высокое узкое архитектурное или инженерное сооружение (круглой, четырехгранной или многогранной формы) различного назначения [БТС: 63], *вышка* — узкое высокое строение или площадка на высоких столбах и т.п., имеющие специальное назначение [БТС: 189].

² Чтобы реально продемонстрировать эти различия, русско-эстонский словарь должен в **обеих** статьях (*башня* / *вышка*) дать перекрестную ссылку на «пар-

В целом можно сказать, что отличия энциклопедии от филологического словаря велики и никогда не исчезнут. Так, скорее всего, никогда не появятся (и не должны) в словнике двуязычного словаря многочисленные собственно русские топонимы, в состав которых входит слово *великий*¹ — в отличие от широко известных иностранных (типа *Великий Канал* в Китае), которые переводятся, они и им подобные топонимы будут транслитерироваться по общим правилам. Никогда двуязычный словарь не станет полностью описывать историю возникновения того или иного политического течения, расписывать биографию известного деятеля и т. д. Все эти и многие другие функции по праву останутся за большими энциклопедиями.

Однако **антропоцентричность** словарного описания², то есть ориентация его на пользователя, расширяет границы того, что «можно» или «нельзя» включать в двуязычный словарь. Рискну предположить, что двуязычный словарь вполне мог бы увеличить число слов, подлежащих семантизации. Ведь даже переводной эквивалент, как бы точен он ни был, иногда ничего не говорит пользователю словаря. Например, хотя слово *atriй / атриум* имеет вполне «очевидный» эстонский эквивалент *aatrium*, можно предположить, что не все читатели словаря (как русские, так и эстонские) знают его значение. Исходя из, условно говоря, «презупции неполноты знаний» носителя языка, В. В. Морковкин и А. В. Морковкина в свое время написали словарь «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)». Двуязычный словарь может обратиться к этому источнику не только за справкой относительно того, чего же «не знает» средний носитель языка, но также воспользоваться предложенным в этом словаре методом семантизации. Собственно говоря, авторы не толкуют значения малоизвестных слов, а приводят «семантизирующие отрезки», которые являются отсылкой к значению соответствующего слова, например:

<i>агноним</i>	<i>семантизирующий отрезок</i>	<i>стилист. пометы</i>
горелки	игра	
горница 1	комната (об. в верхнем этаже)	обл.
горница 2	чистая половина крестьянской избы	обл.
горлица 1	лесная птица	

[Морковкин 1997: 242]

Такой подход вполне подходит и для двуязычного словаря: если переводчик сталкивается со словом, значение которого ему неизвестно и в родном

ную» статью, иначе полного понимания этого фрагмента лексической системы не произойдет.

¹ Наименования рек и поселков, типа *Великий Березный, Великий Бурлук, Великий Бычков, Великий Любень* и т. п.

² Выражение В. В. Морковкина [Морковкин 1997: 143].

языке, такой семантизирующий отрезок направит его мысль в правильное русло; и только, если нужна будет более конкретная информация, он обратится к толковому или энциклопедическому словарю.

1.4. Нормативный vs. тезаурусный

Двуязычный словарь является словарем **нормативного**, а не **тезаурусного** типа. В силу большого объема словарей-тезаурусов¹ двуязычный словарь, по-видимому, не может быть тезаурусным (хотя и стремится к этому²), однако он, как кажется, не должен быть и «строго» нормативным, то есть таким, который включает только лексику литературного языка. Широкие пласты просторечной, жаргонной и, реже, диалектной лексики не должны из него полностью изгоняться. Очевидно, что пользователь может сталкиваться в своей практике с самыми разными сферами языка, и необходимо не только показать ему, что значит определенная лексема, но и предупредить, в какой ситуации, с каким «подтекстом» она используется (хотя бы для того, чтобы пользователь смог при помощи двуязычного словаря понять, например, на каком уровне происходит общение, а переводчик найти адекватный способ передачи).

Как известно, нормативность двуязычного словаря должна проявляться в том, чтобы каждое словоупотребление, отступающее от литературной нормы, сопровождалось соответствующей пометой, а не исключалось из словника: «словарь должен предоставить на усмотрение изучающего язык вопрос о том, следует ли ему употребить это слово или нет»³ [Берков 1973: 54]. В свое время В. П. Берков писал, что трудность для лексикографа в этом случае заключается в отсутствии ненормативной лексики в одноязычных толковых словарях, которые являются источником отбора слов для двуязычного словаря.

В настоящее время ситуация в этом плане изменилась. Так, например, современный толковый словарь русского языка (БТС) включает в себя «слова и значения, которые по разным причинам не были представлены в толковых словарях ранее» [БТС: 3], в том числе, «снижен[ую], жар-

---

¹ Ср.: «максимальная лексическая система» включает свыше 1 млн. слов [Денисов 1980: 54].

² Ср.: «Современные электронные словари естественных языков <...> в лингвистическом плане <...> должны стать многосвязными базами данных, сходными по содержанию с толково-комбинаторным словарем по И. Мельчуку и А. Жолковскому или с интегральным словарем по Ю. Апресяну, но с большим упором на тезаурусные связи между статьями и с хранением общераспространенных словосочетаний» [Большаков и др. 1999].

³ Хорошо аргументированное и подробное обоснование необходимости включения ненормативной лексики в двуязычный словарь см. в [Берков 1973: 48–61].

гонн[ую] и бранн[ую] лексик[у]» [там же]. С другой стороны, появились не только дифференциальные словари жаргонов (словари молодежного сленга, московского арго, уголовного жаргона, сленга хиппи и т. п.), но и словари «общего» жаргона: «Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона» (1999), «Большой словарь русского жаргона» (2000; далее — БСЖ).

Названные одноязычные словари — незаменимый источник и для двуязычной лексикографии, хотя понятно, что отбор лексем из словарей жаргонов должен производиться с учетом распространенности, частотности и относительной устойчивости явления. Например, в последнее время достаточно широко распространены жаргонизированные значения глагола *забить* (с меной управления). В БСЖ находим следующую информацию¹:

забить **1.** *что. Угол.* Продать что-л. // Продать краденое. **2.** *что, кого. Мол.* Занять что-л., продемонстрировать свои притязания на кого-л., на что-л. никем не занятое. *Забей мне местечко у окна.* **3.** *Мол.* Договориться о чем-л. *Всё, забито!* **4.** *на что, на кого. Мол.* Порвать с кем-л., отказаться от чего-л. *Забей на дурные привычки.* **5.** *на что. Студ., шк., спорт.* Пропустить занятие, тренировку без уважительной причины. *Я забил на пару.* **6.** *на что. Мол.* Начать с презрением, пренебрежением относиться к чему-л. *Я забил на вашу революцию.* **7.** *на что. Мол.* Забыть о чем-л. неприятном. *Забей на эту историю* [БСЖ: 188].

Если мы посмотрим внимательно на перечисленные значения, то увидим следующее: 1) первое значение имеет помету *уголовное* и потому может не включаться в общий двуязычный словарь в силу ограниченности употребления (малоизвестное значение); 2) все остальные значения сопровождаются пометой *молодежное*², следовательно их функционирование ограничено только возрастным параметром (это совпадает с «интуитивным» ощущением того, что они наиболее распространены). Поскольку возраст можно считать наименее специфичной и наиболее подвижной социальной характеристикой носителя (по сравнению с территориальными, профессиональными, корпоративными параметрами), постольку можно предположить, что жаргонные значения с пометой *мол.* окажутся наиболее частотными и, с этой точки зрения, их можно считать «первыми кандидатами» на включение в двуязычный словарь.

¹ Словарная статья приводится с сокращениями.

² Помета *студ., шк., спорт.* (5 значение) определяет не возрастную характеристику носителя, а сферу использования лексемы, что не противоречит и помете *мол.*

Включение жаргонизмов в двуязычный словарь «организуется» следующим образом.

1. Жаргонизм сопровождается **поясняющим эквивалентом** (толкованием). Для этого необходимо упростить экспликацию эпидигматических связей. Так, значения 2 и 3 содержат общую часть ‘решить что-л. определенно и дать об этом знать’, но они все же достаточно дифференцированы, на что указывает разное управление: *забить*² + *кого / что* ‘занять’ и *забить*³ (без зависимых слов) ‘договориться’. Значения 4–7 имеют не только одинаковое управление (*на кого / на что*), но и могут быть объединены в силу совпадения большей части их сем: ‘перестать что-л. делать, стать относиться к этому с презрением, не думать об этом’. Дальнейшая дифференциация значений контекстуальна, то есть обусловлена контекстным объектом действия: если *забить* + *на революцию*, то понятно, что невозможна интерпретация ‘пропустить без уважительной причины’ и т. п. Таким образом, в словаре для слова *забить* указывается не 7, а 3 жаргонных значения:

забить^{ЖАРГ} 1. *что, кого (занять)*: Забей мне место! 2. (*договориться*): Забили! (= договорились) 3. *на что, кого (презирать, игнорировать, пропускать [занятия])*: Я забил на пару (^{ЖАРГ} = лекцию).

2. Следующий этап — подбор **переводного эквивалента**, который в языке правой части также является жаргонизмом. В этом случае жаргонизированное значение глагола, расположенное в специальной части словарной статьи (за специальным значком), сопровождается после двоеточия языковыми иллюстрациями в виде предложений. Это, во-первых, поможет избежать сложных семантических объяснений (которые всегда трудно формулируемы из-за расплывчатости жаргонных значений), во-вторых, в случае отсутствия жаргонного эквивалента в выходном языке (такого, который покрывал бы сразу все значения слова входного языка), позволит предложить контекстуальные переводы. Так, для значения ‘пропустить без уважительной причины’ используется эстонский жаргонизм, который, конечно, никак не соотносится с другими значениями русского *забить на что*:

забить^{ЖАРГ} 3. *на что*: На лекцию мы **забили**, потому что хотели пораньше на (Катин) *дэрэ* успеть. Loengust *tegime poppi*, sest tahtsime varem (Karini) *sinnale jõuda*.¹

---

¹ Приведенный контекст показателен, так как, кроме глагола *забить* в жаргонном значении, содержит жаргонизм *дэрэ* — неизм., *аббр. мол.* День рождения [БСЖ: 176], и его эстонское жаргонное соответствие: *sinna* — сокращенно от *sünnipäev* ‘день рождения’.

К сожалению, реальное жаргонное соответствие в языке правой части бывает достаточно сложно найти, поэтому кажется, что лучше всего совмещать оба способа представления жаргонной лексики в двуязычном словаре: сжатое толкование и контекстные переводы, где они возможны.

Итак, двуязычный словарь должен указывать на нормативность / ненормативность языкового явления, на сферу его функционирования, предупреждать о том, что лексика окрашена, но **не должен исключать, например, обсценную лексику из своего словника**. Последний параметр традиционно встречает наибольшее сопротивление у русских лексикографов: эстетическое неприятие этого пласта русской лексики выражается в том, что даже первые попытки включить известные всем носителям языка слова в словник толкового словаря (имеется в виду БТС) остались не совсем законченными: в нем есть лексика с пометой *грубо*, но нет обсценной лексики¹. Сходным образом поступают, например, авторы «Большого электронного словаря словосочетаний и семантических связей в русском языке», которые стремятся включить в свой словарь максимальное число лексических единиц, не делая исключений для терминологии, но зато вводя запрет на обсценную лексику: «Ограничений на область привлекаемых слов нет, это — наука, техника, политика, экономика, бизнес, гуманитарные науки, медицина, быт, включая бранную лексику без мата» [Большаков 2007].²

Однако соображения полезности той или иной лингвистической информации для пользователя двуязычного словаря (хотя бы в целях предупреждения ненормативного употребления) приводят к мысли о необходимости корректировать некоторые установки авторов словарей. Еще В. И. Даль, объясняя, почему он считает необходимым включать в свой словарь областную лексику, говорил об отношении к ней пользователей словаря: «Читатель, а тем паче писатель, сами разберут, что и в каком случае можно принять и включить в образованный язык» [Даль <1862>].

---

¹ Впрочем, поскольку толковый словарь все же в первую очередь ориентируется на носителя языка, нет острой необходимости включать эти слова в словник. И здесь опять надо отметить, что двуязычный словарь преследует иные цели и не может рассчитывать на то, что пользователь что-либо знает сам.

² Не хотелось бы здесь «пропагандировать» обсценную лексику, однако так же, как введение понятия лексико-методического поля связано в значительной степени с ситуацией прогноза ошибки, включение в двуязычный словарь недопустимых в литературном русском языке слов позволит предупредить их распространение. Для того чтобы сообщить пользователю о недопустимости использования таких слов, можно применять какой-нибудь эффектный значок, значение которого на сайте *gramota.ru* удачно передается пометой ко всему «Словарю русского арго» В. С. Елистратова: «Осторожно! Окрашено!» (помета выделена красным цветом).

1.5. Активный vs. пассивный

Последнее противопоставление, которое будет здесь рассмотрено, это противопоставление словаря **активного** и **пассивного** типа. Еще в 1930-е годы Л. В. Щерба предложил создавать для каждой пары языков двуязычные словари активные (для носителя входного языка, с указанием условий порождения текста на неродном языке) и пассивные (для носителя выходного языка, с указанием максимального числа соответствий в родном языке)¹. Эта антитеза важна в первую очередь тем, что подчеркивает значение пользователя словаря, рассматривает читателя как существенный лексикографический фактор (ср. упомянутую выше «антропоцентричность словарного описания»).

Впоследствии многие лексикографы (как практики², так и теоретики³) считали эту дихотомию очень важной для двуязычной лексикографии⁴. Например, во Введении к VES X. Леэметс пишет о том, что данный словарь создавался как словарь активного типа: «[словарь] призван не только помочь эстонскому читателю воспринять и правильно осмыслить (в том числе и стилистически) самый широкий круг текстов на русском языке, не только обслуживать переводы с русского языка на эстонский, но и служить руководством к активному употреблению данных в Словаре речевых единиц, расширять “репертуар” конструкций, употребляемых в устной и письменной речи»⁵ [Леэметс 2000: 19].

Обратим внимание на то, что в данном случае активным считается направление неродной язык — родной язык. Иначе говоря, названный сло-

---

¹ «Для всякой пары языков нужно четыре словаря – безусловно два толковых иностранных словаря с объяснениями на родном языке пользующегося данным словарем и, в зависимости от реальных потребностей, два переводных словаря с родного языка на иностранный специального <...> типа» [Щерба 1974-б: 303].

² Ср., в предисловии к ФРСАТ его авторы пишут: «Это словарь активного типа: в нем язык перевода известен читателю меньше, чем исходный язык» [Гак, Триумф 1998: 5]

³ См., напр., [Гак 1995; Берков 1996: 7–10; Adamska-Sałaciak 2006: 31–34].

⁴ Значимость этого постулата Л. В. Щербы, как и других его мыслей по поводу лексикографии (в частности, замечания о нелепости названия, которое часто дают словарной работе — «составление» словарей [Щерба 1974-б: 308]), характеризует хотя бы такой внешне не очень заметный факт, что написанный им в 1930-е годы «Русско-французский словарь» не только переиздавался более 10 раз, но и каждый раз содержал «Предисловие ко второму изданию», написанное в 1939 году самим Львом Владимировичем.

⁵ И далее: «основным адресатом Словаря <...> является эстонский читатель, Словарь равным образом может быть полезен и русскоязычному читателю, находящемуся в процессе активного овладения эстонским языком» [Леэметс 2000: 19].

варь ближе к тем «объяснительны[м] (толковы[м]) иностранно-национальны[м] словарь[ям]», которые «дадут возможность читать и понимать иностранные книги <...>, а также познакомиться с истинной физиономией иностранных слов» [Щерба 1990: 7]. То есть, по классификации Л. В. Щербы, VES — все же скорее словарь пассивного типа. Аналогично представлениям Л. В. Щербы понимают противопоставление активного / пассивного словарей авторы «Французско-русского словаря активного типа» (1991): «Словарь активного типа ставит своей целью эксплицитно показать соотношение между языком и речью. В словаре пассивного типа, где правая сторона известна читателю лучше, чем левая, этот переход осуществляет сам читатель¹» <разрядка моя. — О. П.> [Гак, Триомф 1998: 5].

По-видимому, немногие пары языков (по крайней мере, в сочетании русский / иностранный) могут «похвастаться» наличием активных и пассивных словарей. Может быть, направление, заданное русско-французской лексикографией в начале прошлого века Л. В. Щербой, привело к тому, что для этой пары языков (в направлении франц.-рус.) написаны и активный [ФРСАТ], и пассивный [НФРС] словари. Кроме того, активным русско-французским является словарь Л. В. Щербы [РФС]. Рассмотрим первую пару (ФРСАТ и НФРС) несколько подробнее:

Активный	Пассивный
ФРСАТ (Гак, Триомф; 1-е изд. 1991 г.)	НФРС (Гак, Ганшина; 1-е изд. 1994 г.)
Направление: ФРАНЦ. → РУС.	
Для французского читателя ²	Для русского читателя ³
37 000 слов	70 000 слов
1056 стр.	1195 стр.
Все пометы (стилистические, семантические, грамматические) на французском языке.	Стилистические и семантические пометы на русском языке, грамматические — на французском.

¹ Ср. также: «Но, кроме того, нам нужны и такие русско-иностранные словари, которые давали бы не объяснение, а реальный перевод слова, п р и г о д н ы й для живого иностранного контекста» <разрядка моя. — О. П.> [Щерба 1990: 7].

² «Словарь предназначен прежде всего для тех, кто говорит на русском языке и изучает русский язык или пользуется им в своих профессиональных занятиях» [Гак, Триомф 1998: 5].

³ НФРС «рассчитан прежде всего на русскоязычного читателя, в нем меньше пояснений, касающихся русских слов, известных пользователю, но тщательно отмечаются грамматические, фонетические, стилистические и орфографические особенности французского слова» [НФРС: VI].

Во вступлении к НФРС («От издательства», с. V–VI) говорится, что «[д]ва этих словаря взаимно дополняют друг друга» [НФРС: VI]. Обобщенно основные внешние их отличия можно свести к следующему: при практически одинаковом объеме активный словарь содержит почти в два раза меньше слов, чем пассивный (объем увеличен за счет большего количества объяснений); язык помет ориентирован на французского читателя в активном словаре и на русского — в пассивном; транскрипция французских слов приводится только в том словаре, который предназначен для русского читателя, и т. д.

С точки зрения содержания словарной статьи отличия в следующем: ФРСАТ, предназначенный для носителя французского языка, при русском эквиваленте приводит производные (например, диминутивы существительных), а также семантизирует разницу в значениях и приводит стилистическую характеристику русских соответствий, если их несколько, например:

CHIEN <...> 1. соба́ка (*dim* собачка, собачо́нка *péj*); пёс (*dim* пёсик *surtout en parlant du mâle*); кобель (*dim* кобелёк) (*mâle*); су́ка (*dim* су́чка) (*femelle*); <...> ~ de соуг дворо́вая собака, дворняжка *fam*, дворня́га *fam* <...>¹ [ФРСАТ: 184].

Так французский пользователь получает достаточно развернутую картину существования русской лексической микрогруппы, объединенной значением ‘собака’: он узнает о семантических различиях (пол животного — пометы *femelle*, *mâle*), о стилистической окраске (пометы — *péj*, *fam*), о словообразовательных связях.

В словаре, предназначенном для русского читателя, словарная статья слова *chien* больше по объему (51 строка в ФРСАТ и 86 строк в НФРС), в основном, за счет большего числа словосочетаний и значительно расширенной фразеологической части. Комментарии к правой (русской) части отсутствуют, ряд русских эквивалентов короче, не представлены производные русских лексем, зато французская часть включает очень большое число устойчивых сочетаний, для которых приводятся русские эквиваленты (при возможности, фразеологические), при необходимости приводится описание внелингвистического контекста употребления выражения:

chien <...> 1) соба́ка, пёс, су́ка; <...> ~ de соуг дворо́вая собака; <...> avoir (*или éprouver*) un mal de ~ испытывать большие затрудне́ния,

¹ Словарные статьи приводятся фрагментарно и с сокращениями: не воспроизведены грамматические и фонетические комментарии.

не знать покоя; <...> merci (или bonjour) топ ~ разг. так кому́ же спасибо (или здравствуйте)? (напоминание о том, что следует называть по имени того, к кому обращаешься) <...> [НФРС: 194].

Цитируемая словарная статья информирует русского пользователя относительно функционирования французского слова *chien* в составе идиом и паремий, а также показывает его адъективную сочетаемость.

Зададим теперь вопрос: получил ли французский пользователь набор сведений, необходимых для употребления русского слова в «живом контексте», а русский пользователь — ту информацию, которая даст ему возможность понимать французский текст и познакомит его «с истинной физиономией иностранных слов»?

Можно надеяться, что русский пользователь опознает в тексте все приведенные в статье сочетания, по-видимому, догадается, что во французском языке *собака* не имеет дифференцированных по полу, размеру и другим внешним характеристикам наименований, как в русском, хотя и не сможет быть уверенным в правильности этого вывода, так как в статье данная информация не эксплицируется. Аналогичным образом не сможет составить себе полную картину французский пользователь, который получил четыре русских эквивалента с указанием на пол животного, но без других семантических комментариев, которые очевидно необходимы при таких словах как *пёс*, *кобель*, *сука*. Русскому пользователю, чтобы расставить точки над «и», придется обратиться к русско-французскому словарю¹, а французскому читателю — к хорошему толковому или синонимическому словарю русского языка.

Надо сказать, что русско-французская лексикография имеет в своем арсенале еще один словарь активного типа, имеющий то же направление (франц. → рус.), но предназначенный для русского читателя: это «Французско-русский иллюстрированный словарь» (1977) А. Д. Колесниковой, Л. М. Люльчак (далее — ФРИС). Установка этого словаря аналогична той, которую, как мы видели, дают авторы русско-эстонского словаря (VES) — язык левой части незнаком пользователю, и словарь должен послужить «не только справочным, но и учебным пособием для тех, кто хочет овла-

---

¹ Там он найдет, что *сука* переводится на французский *chienne*, а *пёс* и *кобель* — так же, как *собака*. Однако полной уверенности опять же не появится, поскольку нигде нет ссылки на то, что в русском *кобель* и *сука* в прямых значениях встречаются скорее в специализированных контекстах (в разговорной речи, в частных объявлениях о купле / продаже и т. п. значительно чаще используются различные эвфемизмы). Соответственно русский пользователь может предположить, что во французском языке также возможны такие «специальные» наименования, о которых словарь его просто не предупредил.

деть активным запасом слов французского языка»¹ [ФРИС: 5]. Как же представлено слово *chien* в этом словаре? Во-первых, количество русских соответствий сокращено до двух, а во французской части сразу приведено существительное женского рода (что предупреждает русского читателя о наличии во французском языке возможности указания на пол собаки на грамматическом уровне); во-вторых, сочетаемость иллюстрируется не только адъективными связями, но целым рядом глагольных примеров (особенно важно то, что глаголы относятся к тому же семантическому полю: перечислены либо «специфически собачьи» действия, либо те действия, которые производятся с собакой); в-третьих, приводятся примеры полных предложений, иллюстрирующие такие, плохо поддающиеся лексикографированию, параметры, как порядок слов в предложении; в-четвертых, паремии отделены от фразеологизмов и завершают словарную статью. Ср.:

un CHIEN, une CHIENE	собака, пёс
<i>Epith:</i> ~ intelligent умная, ~ dressé дрессированная; ~ courant гончая, <...> ~ de berger овчарка	
<i>Mon chien est très intelligent.</i>	Моя собака очень умная.
un chien aboie, hurle, mord, sauté sur qn, remue la queue <...>	собака лает, воет, кусает, прыгает на кого-л., виляет хвостом <...>
<...>	<...>
lâcher un chien	спустить собаку
tenir un chien en laisse	держат собаку на поводке
<...>	
un temps de chien	скверная погода
<i>Hier il faisait un temps de chien.</i>	Вчера была скверная погода.
<...>	
<i>Prov:</i> bon chien chasse de race	хорошая порода сама за себя говорит
<...>	

[ФРИС: 168]

Активная направленность такого словарного описания очевидна. Причем понятно, что полностью оно может быть осуществлено только в направлении франц. → рус. В активном русско-французском словаре (где русскому пользователю неизвестна *п р а в а я* часть) может быть воспроизведена только часть помещенной здесь информации (почти все адъективные и глагольные словосочетания). Другая же — нет, так как из описания (из *л е в о й* части) выпадут все сочетания, фразеологизмы и паремии, которые в русском языке не включают в себя слово *собака* (*овчарка*, *скверная погода* и др.)².

¹ Ср. с приведенной на стр. 39 цитатой из [Леэметс 2000: 19].

² Например, в РФС в статью к слову *собака* включены следующие русские идиомы и их перевод на французский язык: *он на этом собаку съел*; *вот где*

Таким образом, чтобы вполне удовлетворить потребности русского пользователя, мы приходим к мысли о русско-французско-русском словаре. В этом случае этапы работы со словарем выглядели бы следующим образом:

1) пользователь находит в левой русской части слово с нужной ему семантикой (напр., *собака*),

2) в средней французской части находит французское соответствие, знакомится с его «истинной физиономией» и узнает условия использования французского слова в «живом контексте»,

3) в правой русской части находит переводы французских словосочетаний и русские эквиваленты непереводаемых идиом.

По сути дела, в этом случае в словарь типа ФРИС просто добавляется левая часть на родном для носителя языке (если, опять же, исходить из того, что русский пользователь может не знать французского слова!). Конечно, такой словарь представить трудно в силу некоторой его громоздкости. Выход из положения находят, обычно, в виде алфавитного указателя лексем на выходном языке, который дается в приложении к словарю¹. Есть, однако, и другая возможность.

В 1990–1991 годах в Таллинне было выпущено учебно-лексикографическое пособие: «Kuidas öelda? Как это сказать? I–II». Автор пособия, Аста Ыйм, организовала его таким образом, что оно может быть использовано «учащи[мися], изучающи[ми] как эстонский, так и русский языки» [Kuidas öelda I: 11]. Такая двунаправленность достигается за счет того, что эстонские и русские речевые выражения расположены тематически (например, «Обращение», «Приглашение», «Извинение» и т. п.) и приводятся в виде двух параллельных столбцов, например:

Kuidas kutsuda tantsule

43. Palun teid tantsule (~ valsile...).

44. Tule tantsima.

Приглашение на танец

43. Разрешите пригласить вас на танец (вальс...).

44. Потанцуем? *kõnek*.

[Kuidas öelda I: 50]

Самое ценное в таком расположении то, что появляется возможность фиксировать ситуацию отсутствия эквивалентов для обоих языков. В этом

собака зарыта; собака на сене; собаке собачья смерть; собака лает, ветер носит [РФС: 614].

¹ Его, к сожалению, нет в ФРИС. Вообще же надо сказать, что этот относительно простой прием помогает сделать двусторонними многие односторонние словари. Так, если мы посмотрим на эстонско-русские терминологические словари, то увидим, что они часто сопровождаются алфавитными указателями лексем выходного языка (см. Приложение; словари, которые имеют указатель, сопровождаются пометой «Sisaldab registrit»).

случае подача материала выглядит следующим образом (переводы, приведенные в квадратных скобках, мои. — *О. П.*):

Mida soovida

21. В эстонском языке такое пожелание не принято.
22. *Hüva leili!* [букв.: хорошего пара] (*пожелание идущему в баню; редко*)

Пожелания

21. С лёгким паром! (*soov saunast tulnule*) [пожелание пришедшему из бани]
22. *Vene keeles selline soov puudub* [в русском языке такое пожелание отсутствует]

[Kuidas öelda I: 112]

Характер «активного» словарного описания в приведенных примерах обеспечивается еще одним способом: все комментарии относительно ситуации использования, оттенков значения и т. п. приводятся на языке того пользователя, для которого они информативны (для русского пользователя по-русски комментируется эстонское выражение, и наоборот).

Собственно в рассмотренных здесь (на примере ФРИС и «Kuidas öelda») случаях мы сталкиваемся с ситуацией разноуровневой межъязыковой эквивалентности¹, которую словарь активного типа должен быть способен фиксировать: «идеальный словарь, особенно учебного типа и активного плана, должен показать те однословные лексические средства, которыми располагает язык перевода для передачи того, что в языке подлинника выражается словосочетаниями или же специально в контексте не выражается никак»² <разрядка моя. — *О. П.*> [Гак 1977: 20].

Один из способов реализовать такую масштабную задачу представлен в статье А. И. Фефилова, который предложил модель словарной статьи «конфронтативного типа» [Фефилов 1992: 40–43]. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в разделе «Микроструктура словаря» (см. вторую главу).

Все сказанное в этом разделе никак не преследует цели критиковать существующие лексикографические издания. Основной вывод, который можно здесь сделать, заключается в том, что дальнейшее развитие дву-

¹ В. Г. Гак называет ее «двусторонней межъязыковой эквивалентностью» и рассматривает на примере соотношения той информации, которую дают два противоположных словаря (французско-русский и русско-французский). В результате такого анализа он приходит к выводу, что эквиваленты двуязычных словарей во многих случаях «не содержат ни перевода, ни подлинного толкования слов исходного языка» [Гак 1971: 76].

² Ср. также: «Функциональное описание предполагает выявление всех средств (одноуровневых и разноуровневых), способных выявить одно и то же значение, выполнить одну и ту же функцию. Фиксация таких средств в словаре должна выявлять причины, порождающие разноуровневую межъязыковую эквивалентность» [Ровдо 1992: 44].

язычной лексикографии должно двигаться в направлении концентрации удачного опыта и внедрения новых идей с целью «активизации» словарного описания. Так, простыми, но пока недостаточно оцененными приемами можно считать включение в однонаправленный двуязычный словарь алфавитного указателя слов выходного языка, использование помет на двух языках (в зависимости от того, для какого пользователя информация важнее), использование графических иллюстраций и схем и т. д. Одним из основных принципов двуязычной лексикографии можно признать ориентацию словарного описания, с одной стороны, на адресата и его запросы, а с другой, — на конкретную пару языков.

В следующем разделе будут рассмотрены такие существенные параметры двуязычного лексикографического описания, как задачи словаря и его адресат, а во второй главе — словник и структура словаря.

2. АДРЕСАТ И ЗАДАЧИ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ

Пользователь¹ (читатель, адресат) словаря небезразличен при определении и решении задач, которые ставит перед собой лексикограф. Можно даже утверждать, что **адресат словаря** — это один из самых существенных субъективных (то есть изменяемых, переменных) лексикографических факторов. В зависимости от того, **кого** автор словаря считает своим потенциальным читателем, формулируется задача словаря, происходит отбор слов, оформляются пометы и т. д.²

В лексикографической литературе можно найти прямо противоположные точки зрения на задачи двуязычного словаря. С одной стороны, словарь — это справочное издание³, качество которого определяется тем, что

---

¹ Термин *пользователь* по отношению к адресату словаря, по-видимому, начинает применяться в 1970-е годы. Так А. Е. Супрун в 1978 г. писал о преимуществах употребления выражения «пользователь / пользователь словаря» вместо «читатель» [Супрун 1978: 43], а в 1986 г. С. В. Гринев в своем «Введении в терминологическую лексикографию» уже широко использует это выражение [Гринев 1986].

² Ср.: «Вопрос об интересах читателя нередко при обсуждении лексикографических проблем совсем упускают из виду, хотя именно соображения читательских удобств должны стоять выше всех иных, поскольку словарь — это, прежде всего, справочная книга и лишь затем — полигон для проверки тех или иных лексикографических или лексикологических идей» [Малаховский 1984: 157].

³ Ср.: «Переводный словарь имеет скорее справочный, а не обучающий характер» [Супрун 1978: 47]; «словарь — это, прежде всего, справочная книга» [Малаховский 1984: 157].

в нем можно «быстро получить правильный перевод¹» <подчеркнуто автором. — *О. П.*> [Гринева 1986: 53]. С другой стороны, словарь — «основной учебник иностранного языка» <разрядка автора. — *О. П.*> [Берков 1996: 9]². Очевидно, что такое несоответствие взглядов на задачи двуязычного словаря связано с тем, что в первом и втором случае подразумеваются разные типы пользователей.

Так, например, А. Е. Супрун, относящий двуязычный словарь к справочникам, перед учебным одноязычным толковым словарем ставит уже дидактические задачи: «было бы замечательно, если бы этого пользователя <иноязычного учащегося. — *О. П.*> ... словарь не просто снабжал бы некоторой справкой, но и учил» [Супрун 1978: 43].

Является ли такое противопоставление — словарь как справочник (пассивный, рецептивный тип) и словарь как учебник (активный, продуктивный тип) — абсолютным? Выше, при обсуждении противопоставления словарей активного и пассивного типа, было выдвинуто предположение о том, что идеальный словарь должен совмещать обе эти задачи.

В свое время А. Е. Супрун предложил тип словаря для обучающего (то есть преподавателя), который кроме толкования слова включал бы «сведения о частотности <...>, о связи данного слова с другими словами (парадигматические — системные, синтагматические — текстовые, ассоциативные, связанные с хранением в памяти), о морфемном составе или этимологии, об особенностях орфоэпии и орфографии, о грамматических особенностях, а в случае, если словарь предназначается для учителей данного языка в конкретной языковой среде, — и сведения о соотношении слов изучаемого языка со словами родного языка» [Супрун 1978: 47]. В каком-то смысле примером такого словаря можно считать «Комплексный словарь русского языка» под ред. А. Н. Тихонова (2001), который «является одновременно толковым, синонимическим, антонимическим, омонимическим, акцентологическим, грамматическим, орфографическим, орфоэпическим, морфемным, словообразовательным, морфонологическим, стилистическим, фразеологическим и сочетаемым» [Комплексный словарь 2001: III]. В задачи словаря входит представление материала, необходимого, «чтобы довести работу над словом до правильного употребления его в русской устной и письменной речи» [там же]. Адресатом словаря являются как учащиеся, так и преподаватели.

Однако, так же, как словарь для обучающего, предложенный А. Е. Супруном, Комплексный словарь, является одноязычным. Комплексное пред-

---

¹ Справедливости ради надо заметить, что С. В. Гринева пишет об этом в книге «Введение в терминологическую лексикографию», и такое требование действительно выглядит более обоснованным применительно к терминологической лексике.

² Ср. также: «всякий словарь — прежде всего дидактическое, то есть предназначенное для обучения произведение» [Гак 1977: 11].

ставление лексики в рамках двуязычного словаря, кажется, пока не осуществлялось. В идеале двуязычный словарь также должен быть:

- 1) комплексным,
- 2) ориентированным одновременно на всех пользователей,
- 3) учебным (инструктивным¹).

(Вопрос о том, как может быть «технически» оформлен такой словарь, будет рассмотрен в следующей главе.)

Итак, то, к чему должен стремиться лексикограф, задача-максимум двуязычного словаря — дать **пользователю тот объем информации о языковой единице, которым обладает носитель языка.**²

---

¹ Ср.: «Конечная цель всякого толкового словаря — стать инструктивным. Толковый словарь как бы помогает читателю быть в курсе требований языковой нормы и оберегает от различных нормативных отклонений» [Маноли 1988: 26]. Инструктивным в этом смысле должен быть и двуязычный словарь.

² Или, если еще раз процитировать статью В. Г. Гака «О двусторонней эквивалентности в двуязычных словарях», двуязычный словарь «должен давать, с одной стороны, необходимое толкование значений слов иностранного языка с помощью языка перевода <функция понимания текста. — *О. П.*>. С другой стороны, не ограничиваясь общими эквивалентами, он должен отражать характерные семантико-структурные трансформации, связанные с введением данного слова в речь <функция производства текста. — *О. П.*>» [Гак 1971: 77].

Глава II.

СЛОВНИК И СТРУКТУРА ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ

1. СЛОВНИК, ОБЪЕМ И ФОРМАТ СЛОВАРЯ

1.1. Отбор словарного материала и объем словаря

Очевидно, что предлагаемый комплексный двуязычный словарь должен стать очень объемным лексикографическим изданием. Какие же принципы отбора материала в словник могут быть предложены в этом случае?

Кроме того что объем словника определяется авторами словаря на основании определенных лингвистических установок (нормативность, синхронность, частотность, актуальность и т. п.), на протяжении многих лет лексикографы зависят и от размера предполагаемого издания (книги), который, как правило, задается заранее. В свое время Х. Касарес так писал об определении объема будущего словаря: «Перед тем как воздвигать здание, в котором могли бы быть прилично размещены все слова, вошедшие в испанский язык, <...> целесообразно, прежде чем перейти к частным вопросам о расположении помещений или ниш для умерших слов, составить себе, хотя бы очень приблизительное, представление о величине здания, стоимости постройки и времени, необходимом для завершения работ. Вот три вопроса — размеры, стоимость и срок сдачи, — о которых было бы неблагоприятно забывать при составлении обоснованного и серьезного проекта словаря» [Касарес 1958: 257].

Кроме упомянутых Х. Касаресом «трех вопросов», при определении размера предполагаемого издания небезразличен оказывается и тот факт, что для пользователя одностомный двуязычный словарь предпочтительнее двух- или многотомного, а двунаправленный (то есть с переводом в обе стороны) — удобнее однонаправленного. Все это приводит к основному лексикографическому принципу, афористически сформулированному В. П. Берковым: «максимум информации на минимуме места — без ущерба для интересов читателя» <разрядка автора. — О. П.> [Берков 1996: 4].

Проблема компрессии словарного материала, производимой «по техническим причинам», в рамках лексикографической теории эксплицируется относительно скромно, гораздо активнее обсуждаются вопросы отбора

материала по языковым критериям. Ведь «необходимость учета различного рода материальных моментов при составлении словаря и являющиеся следствием этого отступления от того, что диктуется теорией, не делают излишним постановку вопроса о том, каким должен быть в идеале двуязычный словарь» <разрядка моя. — О. П.> [Берков 1973: 17]. Однако, как представляется, часто собственно лингвистические критерии все же разрабатываются под давлением экстралингвистического фактора — формата издания.

Так, определенные слова и значения слов могут отвергаться составителями как такие, которые либо не входят в активный пласт лексики (устаревшие, малоупотребительные, специальные), либо, по мнению авторов, не должны использоваться¹ (ненормативные). Очевидно, что исключение из словника ненормативной лексики мотивировано авторской ориентацией на языковую норму, — В. П. Берков даже назвал невключение ненормативного слова в словарь четвертой степенью «осуждения» (первые три — пометы *прост.*, *груб.* и *вульг.*) [Берков 1973: 51]. Исключение же из словника нормативной лексики ограниченного употребления обычно, по видимому, связано с соображениями экономии — если объем словаря ограничен, важно отразить в нем наиболее частотную, активно используемую лексику. Понятно, что это ограничение не может быть признано объективно необходимым.

Необходимость включения в двуязычный словарь лексики ограниченного употребления, а также принципы и условия ее отбора обсуждаются в цитируемой монографии В. П. Беркова «Вопросы двуязычной лексикографии. Словник» (1973). Обобщая сказанное в этой книге, единственным предложенным объективным критерием включения слов в словник можно назвать ориентацию на включение в словарь лексики «такого носителя входного языка, который в данном языковом коллективе считается идеалом полноценного члена общества» [Берков 1973: 67–68]. Иначе говоря, словарь должен быть способен «обслуживать все речевые ситуации, с которыми такой идеальный носитель языка наиболее вероятно может столкнуться» [там же: 68]. Строго говоря, признать такой критерий объективным можно лишь очень условно. С одной стороны, понятие идеального² носителя «уникально как исторически, так и географически» [там же], с другой, определение круга «наиболее вероятных» речевых ситуаций кажется трудноосуществимым. Достаточно представить себе те речевые ситуации, в которых может оказаться переводчик, и становится понятно,

---

¹ Иногда словарю приписывается «воспитательная» функция: «хороший словарь не должен всецело основываться на мнении потенциального пользователя, так как его воспитательное значение состоит и в том, чтобы формировать определенные культурные потребности у пользователей» [Гринев 1986: 23].

² Идеальный носитель в данном случае значит не «самый лучший», а «прототипический».

что этот круг включает в себя практически все сферы существования языка. Предложенный В. П. Берковым критерий отбора слов в словарь, который условно можно сформулировать как отражение в словнике лексического запаса идеального носителя языка, можно, однако, использовать в лексикографической практике как удачный **методический** прием.

Характерно, что Л. В. Щерба в «Опыте общей теории лексикографии» больше обращал внимание на то, что необходимо включать в словарь, а не на то, что из него можно исключить, ср.: [в словарях нормативного типа живых языков] «справляются, существует ли в данном языке такое словоупотребление или нет, а поэтому все существующие должны быть безусловно перечислены. Само собой разумеется, что нет надобности приводить однообразные цитаты; но исчерпать их разнообразие совершенно необходимо» <разрядка моя. — О. П.> [Щерба 1974-б: 285].

Если учесть два основных параметра двуязычного словаря: его **ориентированность на конкретную пару языков** и его **ориентированность на пользователя**, — можно предложить следующие два критерия отбора языкового материала для словаря:

I. Функциональная значимость языкового явления / лексикографического параметра: влияет ли данный параметр на условия функционирования конкретной лексемы в языке. Здесь несущественно не только то, системна ли в языке эта информация, но и то, является ли она собственно языковой. Так, если, например, ареальная характеристика отражает условия использования слова, она должна быть представлена в словаре (ср. *сотовый телефон / мобильный телефон*¹).

II. Предсказуемость / непредсказуемость языкового явления с точки зрения выходного языка (межязыковая идиоматичность). При этом языковой уровень явления неважен: будь то фонетика или синтаксис (грамматика). Этот принцип является дополнительным к первому: даже если какая-либо информация может представиться несущественной с точки зрения входного языка, это представление должно быть проверено сквозь призму выходного языка.

1.2. Способы представления лексикографического материала большого объема

Итак, идеальный двуязычный словарь получается не просто очень большой, но и «подвижный»: то есть он должен быть открыт для дополнений и

---

¹ Ср.: в России для называния мобильного телефона используются два выражения — *мобильный телефон* и *сотовый телефон*, второе из которых не используется в русском языке диаспоры в Эстонии. Соответственно, двуязычный словарь должен предупредить об этом эстонского пользователя.

уточнений. Очевидно, что печатный формат плохо подходит для такого издания, однако идеальный словарь может стать вполне реальным, если обратиться к электронному формату.

С 1996 года в Интернете функционирует «Русско-эстонско-русский онлайн-словарь» (<http://vene-eesti.ase.ee/>), который воспроизводит печатные версии русско-эстонских словарей¹. Этот словарь воспроизводит и все особенности (если не сказать, недостатки) печатного издания, однако он очень популярен и им постоянно пользуются многие группы лиц, в том числе и переводчики. Популярность онлайн-словаря объясняется очень просто: для всех пользователей, в том числе для тех, кто профессионально занимается переводами (естественно, за компьютером), этот словарь оказывается всегда легкодоступным². **Доступность** электронного издания — одно из его существенных достоинств.

Другое, гораздо более серьезное преимущество компьютерной лексикографии заключается в том, что она решает вопрос **объема**: «После широкого распространения компакт-дисков, не говоря уже о доступе к данным Интернета, все мыслимые ограничения на размер электронных словарей и их сложность в части демонстрации текстов на экране были сняты» [Большаков и др. 1999].

И последнее, самое существенное достижение компьютерного формата словаря — его **интерактивность**³. Оказываясь в среде электронного издания, мы попадаем в такую систему, в которой вся факультативная, дополнительная, уточняющая информация может быть свернута, скрыта до того момента, когда она понадобится. Все связи между разными элементами словаря (которые являются отражением реальных языковых связей) могут быть эксплицированы (просмотрены) без удаления от исходной леммы, как это обычно происходит в печатном издании⁴. Показ многозначности

---

¹ Более точная информация отсутствует, но простое сравнение электронной и печатной версий подтверждает это предположение.

² Минимальную корректировку результатов при переводе на родной язык может сделать, в общем-то, каждый пользователь. Другое дело, что писать текст на неродном языке этот словарь не поможет, не говоря уж о том, что в нем встречаются ошибки, да и лексический запас не очень большой.

³ В качестве примера такого словаря, по-видимому, можно назвать «Большой электронный словарь словосочетаний и семантических связей в русском языке», который был представлен в докладе И. А. Большакова на III Международном конгрессе исследователей русского языка (МГУ) в 2007 году. См. об этом в [Большаков 2007: 615].

⁴ Так, например, в «Ортологическом словаре эстонского языка» („Eesti õigekeelsussõnaraamat ÕS 2006“), размещенном в Интернете (<http://www.eki.ee/dict/qs2006/>), связь между грамматическим комментарием (который в бумажном варианте расположен в начале словаря) и конкретным словом свернута в виде интерактивной ссылки, и при необходимости грамматические сведения о слове выводятся в отдельном окне. Для двуязычного словаря такая схема также под-

слова может представлять собой «синописис лексических значений данной вокабулы¹» (термин Ю. Д. Апресяна), который для одного пользователя (носителя языка) окажется информативным сам по себе, а для другого может быть раскрыт в каждом конкретном случае, и т. д.

Однако перспектива развития электронной лексикографии никак не отменяет существование привычных нам бумажных словарей, и принципы, предложенные в настоящей исследовании, могут быть реализованы и в печатном издании.

1.3. Источники словаря

Вопрос об источниках отбора лексики для общего словаря неоднократно обсуждался в специальной лексикографической литературе². Здесь можно найти классическое описание того, какие тексты отбираются в качестве источников для создания словника: «Источниками словарной картотеки СЛЯ являются прежде всего массовые печатные тексты, л и т е р а т у р - н о о б р а б о т а н н ы е и потому характеризующиеся разнообразием лексики и преимущественной нормативностью словоупотребления. В них находят отражение не только письменная традиция, но и устная разговорная речь» <разрядка моя. — О. П.> [Левашов, Рогожникова 1984: 4].

И далее: «Не подвергаются картографированию источники: а) идеологически не выдержанные³, б) являющиеся переводными, в) неудовлетворительные в языковом отношении, г) имеющие узкоспециальное назначение» [там же: 5].

Предпосылки такого подхода очевидны. Для нормативного словаря литературного языка не может быть хорошим источник, который содержит ошибки, восходит к иноязычному источнику (и поэтому в нем может проявиться нежелательная интерференция), а также относится к языку специальности (так как в словарь общего языка узкоспециальная терминология не включается). Однако названный подход, хотя и является наиболее аргументированным и распространенным, не единственный из возможных. Приведу два примера.

1. Тексты, неудовлетворительные в языковом отношении. В «Опыте общей теории лексикографии» Л. В. Щерба, говоря о недопустимости ошибок в словарях живого языка «даже и ненормативного типа», касается

ходит, единственное необходимое изменение в этом случае касается самого комментария: его язык должен быть родным для пользователя, а сам комментарий должен иметь большую объяснительную силу.

¹ «Это своего рода оглавление, или путеводитель по словарной статье, облегчающий поиск новой информации» [Апресян 1995-б: 6].

² См., например: [Вопросы практической лексикографии 1979; Теория и практика современной лексикографии 1984].

³ Данный параметр морально устарел, поэтому обсуждаться не будет.

этой проблемы и под другим углом зрения: «“Отрицательный языковой материал”, искусно подобранный и снабженный соответственным знаком, мог бы быть очень полезным в нормативном словаре (особенно для борьбы с естественными, но неупотребительными словосочетаниями)» [Щерба 1974-б: 288].

Вообще говоря, движение *от неправильного к правильному* часто имеет объяснительную силу. Так ошибочный пример¹ употребления **Череп бурого медведя — пулевая травма* <подпись к фотографии> помогает увидеть «прототипическую» разницу в значениях слов *травма* и *рана*, которую условно можно свести к следующему²:

рана = ‘повреждение <...> с нарушением целостности кожных покровов’,

травма = ‘повреждение <...> без нарушения целостности кожных покровов’ (или: ‘повреждение <...>, при котором нарушение целостности кожных покровов не имеет значения’).

Но, наверно, ни одна другая ситуация не даст столько «образцов» отрицательного языкового материала, как ситуация перехода с языка на язык.

Ошибки, обусловленные выбором неправильного соответствия и нарушением системных связей слова, встречаются не только при переводе на неродной язык, но и в переводах на родной. Часто они вызваны влиянием системы другого языка. Ошибка может свидетельствовать о наличии межъязыковых несоответствий.³ Так, в следующем примере переводчик не только нарушил правило семантического согласования — не учел, что пресуппозицией значения слова *отпуск* является понимание его относительной длительности, — но и оказался под влиянием языка-источника (эст. *puhkus* имеет оба значения: ‘отдых’ и ‘отпуск’):

---

¹ Найти такой отрицательный пример бывает довольно сложно. Так, на 150 просмотренных контекстов употребления слова *травма* пришелся только один ошибочный. Контексты извлекались непосредственно из Интернета, без предварительного отбора, что, в свою очередь, свидетельствует в пользу того, что источником для словаря может служить не только специально обработанный лингвистический корпус языка, но и общедоступные Интернет-ресурсы. Конечно, при условии, что анализ собранного материала производится квалифицированным специалистом, носителем соответствующего языка.

² Ср. со словарными толкованиями, которые указанное различие проводят менее заметно: *травма* 1. Повреждение организма или отдельных его частей, вызванное внешним воздействием; *рана* 1. Повреждение ткани живого организма, при котором нарушается ее целостность.

³ Ср.: «Ведь надо иметь в виду, что в “текстах” лингвистов обыкновенно отсутствуют неудачные высказывания, между тем как весьма важную составную часть языкового материала образуют именно <они>» [Щерба 1974-б: 32–33].

*Активный отпуск. Продолжительность: 2 дня. Время проведения: май – сентябрь. Цена: 690 ЕЕК / чел. (величина группы; 15–20 чел).*¹

Каким же образом автор словаря может учесть отрицательный языковой материал? В идеале хорошо было бы иметь корпус отрицательных примеров, который позволил бы предупредить потенциальную ошибку уже на уровне словаря. Например, при лексикографической разработке той или иной языковой единицы автор словаря мог бы обратиться к корпусу отрицательных языковых примеров, чтобы проверить, какие ошибки допускаются изучающими этот язык при использовании данного слова или данного типа² слов. Конечно, предлагаемый корпус отрицательных примеров должен быть национально-ориентированным, то есть отдельным для каждой пары языков.

Поскольку такого корпуса не существует, автор словаря должен предполагать ситуацию ошибки целенаправленно, когда обрабатывает каждое конкретное слово. При этом надо учитывать парадигматические связи лексемы в обоих языках. Например, таким образом можно предупредить эстонского пользователя относительно ситуации со словами *otpusk / отдых* в русском языке: дать отсылку к терминологическому синониму (*отдых – рекреация*) и привести семантизацию на эстонском языке (во втором случае в качестве толкования используется малоупотребительный синоним), ср.:

отдых puhkus, -e, -t, *vrđ oskussõna* рекреация, *vt ka* отпуск
отпуск (*ametipuhkus*³) puhkus, *vt ka* отдых

2. **Тексты, являющиеся переводными.** Так же, как и тексты, неудовлетворительные в языковом отношении, переводы традиционно считаются неподходящими источниками для словаря. В одном случае, однако, находим «оправдание» обращению к текстам переводов. Так, Е. Э. Биржакова, обсуждая проблемы составления словаря русского языка XVIII в., замечает: «Наглядную картину [языковых] изменений дают такие одновременные тексты, которые восходят к одному источнику и, следовательно, мо-

¹ Перевод с эстонского языка на русский цитируется (без изменений) из издания «Эстонский справочник путешествий. Отдых в деревне». 2003.

² Для того чтобы обнаружить ошибку, допускаемую при использовании однотипных лексем, такой корпус необходимо было бы подвергнуть морфологической и семантической обработке, аналогично тому, как это делается сейчас в корпусах национальных языков. Кстати, похожее предложение (создание картотеки отрицательных примеров) было высказано в контексте преподавания русского языка как иностранного с целью разработки материалов по предотвращению ошибок на сочетаемость у иноязычных учащихся, см. [Луцкая 1984: 121–128].

³ Где *amet* — служба, *puhkus* — отдых.

гут быть сопоставлены друг с другом или “наложены” на первоисточник, а именно: 1) п е р е в о д ы, сделанные со значительным разрывом во времени; 2) тексты, подвергшиеся правке и редактированию при переиздании; 3) словари, дополненные и исправленные при последующих изданиях» <разрядка моя. — О. П.> [Биржакова 1979: 11].

В случае со словником двуязычного словаря, который обычно восходит к одноязычному толковому словарю¹, обращение к переводам порой просто необходимо. В первую очередь тогда, когда мы имеем дело с существованием языка в диаспоре, то есть там, где неизбежно появляется целый ряд лексических явлений, которые не имеют соответствия (и не могут его иметь) в языке метрополии. Так, например, в предисловии к упоминавшемуся уже «Новому эстонско-русскому юридическому словарю» О. Оттенсон (2007) читаем: «Поскольку до 2006 г. важнейшие законы и кодексы законов Эстонии переводились на русский язык переводчиками издательства “Riigi Teataja” (в их число входил и автор-составитель Словаря) и публиковались в издании “Правовые акты Эстонии” под грифом *Неофициальный перевод с издания “Riigi Teataja”*, то основным источником русских эквивалентов эстонских терминов послужили вышеупомянутые переводы» [НЭРЮС: 7–8].²

2. СТРУКТУРА СЛОВАРЯ

Слова в академическом (нормативном) словаре, как отмечал Л. В. Щерба, «составляют единую сложную ткань, единую систему, которая, к сожалению, бывает обыкновенно очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях этого типа» [Щерба 1974-б: 270]. Языковая система может и должна быть отражена в двуязычном словаре, и этому способствует структура самого словаря. Традиционная структура словарной статьи демонстрирует переход от одного языкового уровня к другому, пользователь «научен» многочисленными словарями воспринимать этот переход как вполне закономерный: от лексемы (вокабулы) к ее фонетическим, грамматическим и семантическим характеристикам, от этих харак-

¹ Или к какому-либо другому двуязычному словарю. Так, например, при составлении словника VES «за основу был взят двухтомный “Большой русско-польский словарь”» [Леэметс 2000: 19–20].

² К сожалению, автор словаря далеко не всегда может опираться на тексты переводов: с одной стороны, они могут оказаться неудовлетворительными, с другой стороны, их может попросту не существовать. Так, например, произошло, когда в «Русско-эстонском словаре по туризму и отдыху» возникла необходимость найти русский эквивалент эстонскому неологизму *kiiking*, — авторам пришлось передать его заимствованием (попросту транслитерировать) и сопроводить объяснением: **кийкинг** (эстонский вид спорта: раскачивание на качелях с перелетом через верхнюю перекладину) *kiiking*.

теристик к сверхсловному единству — словосочетаниям и предложениям, от относительно свободных значений к связанным, от относительно свободной сочетаемости к идиоматике и т. д.

В следующих трех разделах будут рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся трех составляющих структуры (двуязычного) словаря: **макроструктуры, микроструктуры** и **медиаструктуры** словаря. В качестве вступления процитирую С. В. Гринева, который в своем «Введении в терминологическую лексикографию» (1986) определяет эти параметры следующим образом:

«К макроструктуре <словаря> принято относить вопросы общей структуры словаря и определения характера лексических единиц, подлежащих включению в словарь. К микроструктуре относятся проблемы формата словарных статей и характера его заполнения. Некоторые исследователи выделяют также и медиаструктуру, что связано с особенностями построения идеологических¹ /систематических/ словарей, где переход от общего указателя лексики к отдельной статье имеет характер нескольких последовательных переходов к подразделениям все уменьшающегося объема» <подчеркнуто автором. — О. П.> [Гринев 1986: 16–17].

2.1. Макроструктура словаря

Из всех вопросов, касающихся макроструктуры словаря, здесь будут затронуты два: вопрос о языке словарного описания в двуязычном словаре и вопрос о порядке расположения словарных статей.

1. **Язык словарного описания**². С. В. Гринев, обсуждая требования, предъявляемые к специальным (терминологическим) двуязычным словарям, писал: «Все пометы должны даваться на родном языке переводчика». [Гринев 1986: 57]. Сразу встает вопрос, какой переводчик имеется в виду? Если перевод делается на родной язык (он же — язык выхода), то нужны пометы, относящиеся к языку входа, если на неродной — наоборот. По-

---

¹ Идеографические словари.

² Вопрос о формализованном языке описания, который используется в некоторых словарях и исследованиях, здесь обсуждаться не будет. В свое время А. Вежицкая в книге „Lexicography and Conceptual Analysis“ (1985) достаточно определенно доказала, что «значения обыденных слов не только могут быть описаны теоретически оправданным путем, но и что это можно сделать простыми словами без технического жаргона или эзотерических способов описания» <перевод мой. — О. П.> [Wierzbicka 1985: 7]. Чтобы оставаться на позициях ориентированности словарного описания на пользователя, надо учитывать и то, насколько понятно пользователю все, что хочет сказать лексикограф. Поэтому здесь и в дальнейшем под языком описания подразумевается какой-либо естественный язык.

сколькx до сих пор мы не имеем для каждой пары языков словарей активной и пассивной направленности, постолькx надо думать о словаре, пригодном для обоих типов пользователей. Выше (в разделе 1.5 первой главы) уже говорилось о том, что «активизировать» словарное описание в двуязычном словаре позволяет система помет на двух языках, которая учитывает то, для какого пользователя металексикографический комментарий важнее.¹ Ниже, в разделе 2.2. «Микроструктура словаря» (пункт 2.2. «Объяснительный эквивалент») этот вопрос будет еще раз рассмотрен на конкретных примерах.

2. Порядок расположения словарных статей. В упомянутой выше монографии С. В. Гринева перечисляются разновидности порядка следования словарных статей, использующиеся в лексикографии [Гринева 1986: 32–36]. Для краткости можно обобщить их в виде таблицы:

Разновидности порядка расположения словарных статей в словаре По: [Гринева 1986: 32–36].				
Тематический	Формальный:			Тематическо-алфавитный
Лексика распределена по тематически группам (наиболее древний порядок).	1. Потекстовый			Представлен в современных идеографических и под. словарях.
	Глоссарии из подстрочных переводов в средневековых текстах; сейчас в виде поурочных словариков к урокам в учебниках иностранных языков.			
	2. Алфавитный			
	Алфавитный сплошной (в том числе обратный).	Гнездовой: словарная статья объединяет информацию о нескольких связанных вокабулах.	Пермутационный: все словосочетания представлены столько раз, сколько слов в них входит.	

Обобщенно разновидности порядка расположения слов в словаре можно свести к двум принципам: либо лексикограф исходит из языковых, содержательных параметров и в этом случае использует тематический порядок, либо он ориентируется на пользователя, который заинтересован в быстром нахождении нужного слова, и применяет алфавитный порядок.

Алфавитный порядок является наиболее распространенным и, при этом, часто критикуемым. Еще В. И. Даль высказывался о нем неодобрительно:

¹ Кстати говоря, можно сделать такой электронный словарь, который позволит пользователю выбирать разные настройки, в зависимости от того, какой язык для него является родным, а какой иностранным. Например, заранее определить, показывать произношение или нет и т. п.

тельно: «Первый способ <азбучный порядок> крайне туп и сух. Самыя близкия и сродныя речения, при законном изменении своем на второй и третьей букве, разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве» [Даль <1862>]. Надо заметить, что говорил он это применительно к одноязычному словарю, как и Х. Касарес, который считал, что в словарях алфавитного типа наблюдается «узаконенный беспорядок» (цит. по [Степанов 1958: 7]). Причины недовольства, однако, у Даля и Касареса разные.

Х. Касарес хотел, чтобы словарь давал возможность идти от смысла к слову, а не наоборот, так как при алфавитном порядке, «чтобы найти нужное слово, надо предварительно на него натолкнуться» [Степанов 1958: 7]. И как решение проблемы он создает идеологический словарь испанского языка (1942), который «содержит 2000 словарных рубрик, в которых группируются связанные по значению слова» [там же]. В настоящее время такие словари продолжают издаваться, см., например, обзор проблематики и литературы в [Русский идеографический словарь 2004]. В двуязычном словаре названная проблема редуцируется, так как пользователь идет либо от плана выражения к плану содержания, когда переводит на родной язык незнакомое слово, либо от плана содержания, маркером которого выступает слово родного языка, к плану выражения (то есть к иноязычному эквиваленту).

Более существенным не только для одноязычного, но и для двуязычного словаря представляется вопрос о расположении однокоренных слов, который беспокоил В. И. Даля: «Второй способ, корнесловный, очень труден на деле, потому что знание корней образует уже по себе целую науку» [Даль <1862>]. Гнездовой способ подачи слов в словаре русского языка в несколько модифицированном виде дожил до сегодняшних дней: отказаться от него невозможно, так как русский язык исключительно богат на словообразовательные связи. Но поскольку «чисто гнездовой» способ не только трудно реализовать в словаре, но и таким словарем довольно неудобно пользоваться¹, в русской лексикографии был разработан полугнездовой порядок подачи лексики (по-видимому, впервые в словаре русского языка С. И. Ожегова, затем в МАС и сейчас в БТС). Рассмотрение того способа можно продолжить в разделе, посвященном микроструктуре словаря, то есть словарной статье.

2.2. Микроструктура словаря

Проблемы, связанные со структурой словарной статьи, неоднократно обсуждались в металексикографической литературе, см., например [Берков 1977; Теоретическая лингвистика и лексикография 1995], а также разделы

---

¹ Даль сетовал, что «корнесловный» словарь «как противоположная азбучному словарю крайность, <...> для обихода также не удобен» [Даль <1862>].

«Словарная статья» в [Берков 1996: 82–214], «Микроструктура словаря» в [Гринев 1986: 42–49], «Систематизация материалов словарных картотек» в [Вопросы практической лексикографии 1979]. Рассмотрим только несколько моментов: полугнездовой принцип построения словарной статьи, зону семантизации, использование графических иллюстраций и единицу описания.

1. **Словарная статья полугнездового типа.** Итак, при полугнездовом порядке в одной словарной статье располагаются слова с производящими основами и их производные. Можно было бы провести следующую «демаркационную линию»: в статью с производящим заголовочным словом включать только его синтаксические дериваты, а лексические подавать отдельными статьями. К сожалению, этот способ невозможно применять последовательно не только в силу сложности отнесения некоторых производных к лексическим или синтаксическим дериватам, но и потому что а) многие производные, являясь синтаксическими дериватами соответствующих производящих слов, приобретают новые лексические значения, б) могут относиться к разным производящим основам, в) производные могут менять комбинаторные свойства, характерные для производящих, и т. п., например:

перезапись 1. к Перезаписать — Перезаписывать и Перезаписаться — Перезаписываться. *Сделать п.* 2. То, что перезаписано. *Некачественная п.* *Стереть п.*

В целом двуязычный словарь должен быть способен показывать своему пользователю информацию словообразовательного плана, особенно в случае с парами таких языков, как русский и эстонский, в которых словообразовательная система значительно различается. Причем словарная статья должна иметь отсылку не только к производным, образованным от заголовочного слова (как это обычно делается), но и к производящим основам. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в третьей главе, в разделе, посвященном деривационным связям слова.

2. **Зона семантизации.** Рассмотрение вопроса представления семантической информации в двуязычном словаре можно совместить с обсуждением проблемы эквивалентности. Л. Згуста в своих статьях¹, посвященным этим вопросам, различает три вида эквивалентности.

2.1. Преимущество **переводного эквивалента** (*a translational equivalent*) в том, что он может быть помещен непосредственно в контекст [Zgusta 2006: 233]. Однако, поскольку ситуация абсолютной лексической эквивалентности (когда слова в двух языках совпадают во всех своих зна-

---

¹ Имеются в виду статьи „Equivalentes and Explanations in Bilingual Dictionaries“ [Zgusta 2006: 230–235] и „Translational Equivalence in a Bilingual Dictionary“ [там же: 236–257].

чениях и контекстных реализациях), — явление довольно редкое, постольку возрастает значимость объяснительного эквивалента. Ценность же переводного эквивалента корректируется тем обстоятельством, что он, не имея объяснительной силы (в случае перевода на неродной язык), ограничен контекстом и коллокациями, в которых встречается (то есть пользователь полностью зависит от того набора контекстов, который предложен ему словарем, во всех остальных контекстах он должен делать выбор сам) [Zgusta 2006: 252]. Поэтому, даже в «идеальной» лексикографической ситуации, когда кажется, что слова двух языков полностью эквивалентны, объяснение бывает необходимым.

Так, например, русское прилагательное *дешевый* и эстонское прилагательное *odav* имеют одинаковую денотативную область, но несколько различающуюся контекстную сочетаемость. Оба прилагательных означают ‘такой, который имеет низкую цену’, поэтому названия всех предметов, которые могут иметь цену, сочетаются с ними одинаково свободно в обоих языках (*дешевое лекарство* — *odav ravim* и т. п.). Однако в эстонском языке возможны такие сочетания, которые по-русски будут передаваться с использованием иных лексем или в сочетании с *дешевый* окажутся не совсем корректными. Имеются в виду выражения типа *odav hind* — ‘дешевая цена’. В силу своего значения русское прилагательное в сочетании со словом *цена* представляет собой неоправданный плеоназм, в эстонском же он закрепился в узусе¹, что подтверждается наличием производного *odavahinnaline* (букв. ‘дешевоценный’) и широким использованием выражений, подобных приведенным ниже², ср.:

<i>Odava raha eest ostma.</i>	‘покупать за дешевые деньги’
<i>Odava hinnaga müüma.</i>	‘продавать по дешевой цене’
<i>Nii odava palgaga ei saa ära elada.</i>	‘на такую дешевую зарплату не прожить’
<i>Minutihind on odav igasse võrku.</i>	‘цена минуты дешевая в любую сеть’
<i>Müüa arvuti: hind odav + hinnik lisaseadmeid.</i>	‘продается компьютер: дешевая цена + куча дополнительных устройств’
<i>Mopeedid: miks nii odav hind?</i>	‘мопеды: почему такая дешевая цена?’

Итак, сочетаемость эстонского *odav* шире, чем русского *дешевый*, что должно быть ясно показано в двуязычном словаре. Причем лучше всего, если это различие будет демонстрироваться не только примерами употребления (напр., *odav palk* = *маленькая зарплата*), а высказано словесно. Только в этом случае лексикограф может быть уверен, что пользователь

¹ Наряду с «привычными» для русского глаза сочетаниями *madal hind* ‘низкая цена’, *väike palk* ‘маленькая зарплата’.

² Первые три примера приводятся из толкового словаря эстонского литературного языка [EKKSS IV, 1: 8–9], остальные взяты из Интернета.

действительно предупрежден о разном узуальном статусе русского и эстонского прилагательных.

2.2. **Объяснительный эквивалент** (*an explanatory equivalent*) работает хорошо в тех случаях, когда язык правой части является родным для пользователя [Zgusta 2006: 233]. Иначе говоря, в том случае, когда слово левой части словаря не имеет эквивалента в языке правой части, может использоваться объяснительный эквивалент. Например, в эстонском языке в последнее время получили распространение сложные прилагательные¹ *kliendisõbralik* ('дружественный к клиенту'), *kasutajasõbralik* ('дружественный к пользователю'), *keskkonnasõbralik* ('дружественный к [окружающей] среде') и т. п., которые по-русски могут передаваться только описательно, ср.:

kliendisõbralik удобный для клиента / благоприятный для клиента (*nt* условия, время), дружественный к клиенту (*nt* отношение)

kasutajasõbralik удобный для пользователя / благоприятный для пользователя (*nt* условия, время), дружественный к клиенту / дружественный к пользователю (*nt* отношение)

keskkonnasõbralik экологически безопасный / безвредный для окружающей среды

В этом случае русский пользователь сам сможет выбрать подходящий для контекста объяснительный эквивалент (например, он знает, что выражения *экологически безопасный / безвредный для окружающей среды* в целом синонимичны и т. д.). Не знает этого эстонский пользователь, для которого все условия употребления приведенных выражений должны быть эксплицированы на эстонском (!) языке. Аналогичный случай наблюдаем, когда слово в левой части словаря относится к разряду безэквивалентной лексики, например:

sundija (*isik, kes sunnib; kubjas*) кубьяс, бурмистр, повелитель; *mõisa-* бурмистр [EVS IV: 655].

Недостатки приведенной словарной статьи заключаются в том, что а) слово *sundija* (букв. 'принудитель') должно семантизироваться на русском (!) языке, так как переводные эквиваленты *kubjas* и др. не имеют объяснительной силы; б) *кубьяс* и *бурмистр*, как слова малоизвестные (особенно первое из них), должны сопровождаться полным описанием значения; в) поскольку эстонское слово имеет прозрачную внутреннюю форму и сильный оценочный компонент, правильнее было бы перевести его на

---

¹ По-видимому, кальки из английского, ср.: *environmentally-friendly, user-friendly* и т. п.

русский язык словом *надсмотрщик*, которое характеризуется примерно тем же набором смысловых частей, ср.:

*On oluline, et tunnid oleksid huvitavad <...>, et õpetaja poleks **sundija**, vaid partner. — Важно, чтобы уроки были интересными <...>, чтобы учитель был не **надсмотрщиком**, а партнером.*

В результате наша статья выглядит примерно следующим образом:

sundija < sundima 'принуждать' тот, кто принуждает кого-л., надсмотрщик; [раньше так называли] кубьяс[а] (человека, наблюдавшего за выполнением полевых работ на мызе)

2.3. Если нет возможности дать даже объяснительный эквивалент, лексикограф может использовать **объяснение** (*an explanation*), которое близко к лексикографической дефиниции или совпадает с ней [Zgusta 2006: 235]. Здесь, опять же, можно привести пример словарной статьи, описывающей заголовочное слово из разряда безэквивалентной лексики:

suurrätik <...> *etn* плат *van*, плед, наплечный платок, наплечное покрывало, [дорожная] шаль <...> [EVS IV: 700].

Очевидно, что русский пользователь, прочитав такую статью, решит, что референтная область эстонского *suurrätik* очень широка, а эстонский пользователь подумает, что в русском языке известную ему этнографическую реалию называют по-разному. В реальности же мы имеем дело со словом, которое не имеет русского эквивалента и поэтому должно сопровождаться лексикографическим определением, приближающимся к энциклопедическому описанию (приведенное объяснение является переводом толкования из [EKKSS V, 4: 677]):

suurrätik *etn* большой платок (в Эстонии: шерстяной четырехугольный тканый платок большого размера, длина стороны 1,5–2 метра, с кистями, который носили сложенным по диагонали)

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что лексикограф не должен бояться «лишних» объяснений, ведь если в словарной статье приводится эквивалент, который никак не комментируется, пользователь остается в убеждении, что перед ним полностью эквивалентные языковые единицы. Поэтому даже в ситуации, когда имеется переводной эквивалент, стоит задуматься, не нужно ли семантизировать его значение для одного из пользователей (носителя языка левой или правой части). А для этих целей в разных ситуациях может использоваться или объяснительный эквивалент, или лексикографическая дефиниция.

3. **Графическая иллюстрация.** В продолжение сказанного добавлю, что описание значения слова, называющего этнографическую или другую специфическую реалию, можно сопровождать графической иллюстрацией (например, объяснить пользователю, незнакомому с русской культурой, как выглядит *русская печь* проще, показав ее, чем описав словами).

Вообще же в русской металексикографической литературе при обсуждении проблем графического иллюстрирования обычно считается, что оно уместно и необходимо в учебных словарях. Называются типы наименований, которые обычно сопровождаются рисунками, а также перечисляются требования к этим рисункам¹. Однако, с одной стороны, графическое иллюстрирование в учебных словарях довольно специфично², с другой стороны, необходимость в нем, как представляется, не исчерпывается методическими задачами, которые в них ставятся. Часто визуальное сопровождение лингвистической информации в учебном словаре носит попутный характер, не имеет объяснительной силы. Так, например, в словаре английского языка для учащихся продвинутого этапа [MEDAL] имеются иллюстрации (размещены в виде страниц-вкладышей с отдельной нумерацией страниц), на которых изображены: типы объектов и их части (например, здания, автомобили) с названиями; некоторые виды действий и их наименования ([*to slice* — *резать ломтиками*, [*to dice* — *резать кубиками*, [*to chop* — *резать, крошить* и т. п.); предметы одежды с наименованиями и т. д. Эти иллюстрации имеют объяснительную силу, так как в разных языках эти семантические области могут делиться по-разному³. В общем двуязычном словаре графические иллюстрации могут использоваться, как минимум, в трех случаях.

1. При группах слов, называющих конкретные предметы, устаревшие или не имеющие повсеместного распространения: наименования видов оружия (*бердыш*, *алебарда*), предметов одежды (*кринолин*, *капор*, *кивер*), объектов сельского быта (*сноп*, *стог*, *скирда*), архитектурных деталей (*шпиль*, *купол*, *башня*) и т. д.

2. При группах слов, называющих части целого: с изображением целого объекта и указанием названий его частей. Например, так можно иллюстрировать названия частей скелета и тела человека и животного (*шейные позвонки*, *череп*; *круп* <обычно у лошади>, *холка*), а также названия частей самих этих частей тела (*ухо*: *мочка*, *ушная раковина*, *барабанная перепонка*).

---

¹ См., например: [Денисов 1980: 176–179; Шукин 1979: 225–239].

² См., например, словари [Картинный русско-эстонский словарь 1962; Картинно-ситуативный словарь 1988].

³ Однако другой тип иллюстраций, например, изображения широко распространенных фруктов, ягод и овощей, животных и насекомых, может быть не столь необходим, так как, во-первых, их подборка достаточно случайна, а во-вторых, они, как правило, имеют простые точные эквиваленты в других языках.

3. При словах, которые в паре языков по-разному делят семантическую область, например, в эстонском языке имеется общее название для верхней части головы — *pealagi*¹, а в русском она делится на *темя* ‘верхняя часть головы от макушки до лба’ и *макушку* ‘самая верхняя, выпуклая часть головы’. Семантизация этих слов с обращением к графической иллюстрации удобна как для русских, так и для эстонских пользователей.

Иначе говоря, если в толковании значения слова информация о внешнем виде именуемого объекта занимает большой удельный вес, стоит подумать об уместности в словаре графической иллюстрации.

4. **Единица описания.** Как представляется, одним из самых сложных вопросов теоретической лексикографии является вопрос о том, что является единицей описания в двуязычном словаре.

В том случае, если единицей описания признается слово или лексико-семантический вариант (как это чаще всего происходит), неизбежно реализуется «диверсивны[й] принцип построения <словарной статьи> (ср. лат. *diversus* — расходящийся в разные стороны), когда заголовочное слово <...> исходного языка эквивалентно соотносится с несколькими словами целевого языка» [Фефилов 1992: 40]. Это приводит ко многим негативным последствиям, в частности к тому, что «ключевое слово-эквивалент интерферентно подгоняется под систему значений ключевого переводимого слова, однако его семантическая структура предстает не целостно, а выборочно. Слова-переводы ориентированы в данном случае прежде всего на <...> раскрытие смысла исходного слова, а не на <...> узувальную коммуникативно-информативную эквивалентность, так необходимую переводчику или изучающему иностранный язык» <разрядка моя. — О. П.> [там же: 41]. В подтверждение можно привести массу примеров, ограничусь одним.

В русско-эстонском словаре для первого значения² слова *горький* указано три соответствия: *mõru, kibe, viha*. В приведенных следом словосочетаниях используются два из них (*mõru, kibe*), причем в двух случаях *mõru* выступает не как отдельное слово, а в составе сложного слова (что в эстонском языке может означать реализацию другого оттенка значения). Кроме того, в иллюстративную часть попадают два русских устойчивых сочетания (*горькая соль, горький пьяница*), в которых наблюдается реализация лексически связанного значения слова *горький* (в МАС они приводятся в «заромбовой» части):

---

¹ Имеющееся эстонское соответствие слову *темя* — *kiird* в словаре сопровождается пометой *ka anat*, то есть встречается скорее в специальных текстах, чем в общем языке.

² С некоторыми искажениями (на уровне языковых примеров) это значение соответствует тому, которое в МАС объясняется как ‘1. имеющий особый неприятный едкий вкус (вкус хины, полыни)’ [МАС I: 337].

горький
горькое лекарство
горький миндаль
горькая соль
горький пьяница

1. **mõru, kibe, viha**
mõru v kibe ravim
mõrumandel
farm. mõrusool
kõnek. viinanina¹

Однако главным недостатком такой подачи эквивалентов² является искажение структуры значения эстонских слов. Так, если *mõru*, которое в целом кажется более близким русскому *горький*, имеет (по данным EVS) 2 значения и одну реализацию в составе сложного слова (оформляется в отдельную словарную статью как *mõru+*), то *kibe*, по данным того же EVS, имеет 9 (!) значений, лишь малая часть которых может быть переведена на русский язык словом *горький*. Слово же *viha* вообще реализует значение *горький* только как переносное в ограниченном числе случаев.

Преодолеть противоречия, возникающие в такой словарной статье, можно, если использовать предложенную А. И. Фефиловым словарную статью «конфронтативного типа». Ее особенность заключается в том, что ключевое (заголовочное) слово оказывается только отправным пунктом для раскрытия всей статьи: в левую часть включаются его синонимы, которые в правой части могут переводиться основным эквивалентом, а правая часть включает такие узуальные реализации основного переводного эквивалента, которые на языке входа не могут передаваться заголовочным способом. Для того чтобы избежать мнимых лакун и ненужной интерференции (теперь со стороны правого языка), надо вводить «в левую часть словарной статьи эквивалентные слова, не совпадающие по форме с исходным заголовочным словом» [Фефилов 1992: 42].

В целом этот подход напоминает тот, который мы видели в словарной статье эстонско-русского разговорника Асты Ыйм „Kuidas öelda“ (раздел 1.5 первой главы). Попробую представить фрагмент³ статьи фронтативного типа для слов *горький* и *mõru, kibe*.

¹ Не самое удачное эстонское соответствие, так как *viinanina* ‘водка + нос’ имеет другую эмоциональную оценку, чем *горький пьяница* (более удачный перевод — *raadunud joodik* ‘законченный пьяница’).

² Приведу характерный пример абсурдной ситуации, в которую может попасть пользователь такого словаря. На одном из занятий по практическому русскому языку эстонская студентка, которая при помощи словаря подготовила рассказ о подруге, севшей на диету, сказала: «Она так сделала, потому что была очень *густая*» (одному из значений эстонского слова *paks* ‘1. толстый’, как раз соответствует русское слово *густой*).

³ Предлагаемая схема соотношения русских и эстонских эквивалентов никак не претендует на полноту. Например, остается не учтенной часть переносных значений эстонского *kibe*. Примеры частично взяты из [ЕККСС II, 2: 239–240], частично из других словарей и Интернета.

ГОРЬКИЙ горькое лекарство горький шоколад чёрный кофе горький вкус (чего-л.) горький вкус во рту	MÕRU (чаще с названиями объектов, которые обычно имеют горький вкус) mõru ravim / rohi mõru šokolaad mõru kohv mõru maik mõru maitse suus
ГОРЬКИЙ горький привкус во рту очень горькое лекарство Плоды дикой яблони обычно горькие и кислые.	KIBE (очень горький, неприятно горький) kibe kõrvalmaitse suus kibe ravim / rohi Metsõunapuu õunad on enamasti kibedad ja hapud.
ПРОГОРКЛЫЙ, горчит Прогорклое масло не годится для еды. От постоянного курения во рту горчит.	KIBE Kibe räästunud või ei kõlba süüa. Rohkest suitsetamisest on suu kibe.
ГОРЬКИЙ <i>перен.</i> горькая жизнь горькое разочарование горькая правда горькое пробуждение Он повидал [на своём веку] много горьких дней.	KIBE <i>piltl.</i> kibe elu kibe pettumus kibe tõde kibe ärkamine Ta on küllalt kibedaid päevi näinud.
ГОРЬКАЯ [= водка] Корчмарь, полштофа горькой и шесть кваса!	KIBE [= viin] Kõrtsimees, pool toopi kibedat ja kuus kalja!

Итак, мы убеждаемся в необходимости отражения в двуязычном словаре не отдельных слов и их иноязычных эквивалентов, а целых фрагментов лексических систем двух языков, представленных в сопоставительном плане. Сложность создания словарной статьи такого типа очевидна, поэтому до сих пор образцов словарей, построенных по такому плану, не существует. Кроме того, в словаре с такой организацией возникнет много новых проблем, начиная от порядка следования лемм и их поиска, заканчивая объемом. Вполне возможно, однако, что и в этом случае на помощь придет электронный формат словаря.

2.3. Медиаструктура

Итак, хотя «каждое слово в словаре “вынуто” из лексической системы, <...> в то же время каждая словарная статья строится как определенное звено, клеточка в общем сложном многоярусном комплексе, строится на

основе системных отношений взятого слова» [Брагина 1981: 54]. И чтобы не потерять ощущение живой языковой системы в словаре, в котором мы вынуждены использовать формальный порядок расположения заголовочных слов, **необходимо активизировать его «третье измерение» — систему отсылок и указателей.**

Выше уже говорилось о том, что такой простой прием как алфавитный указатель слов языка правой части, позволяет сделать словарь двунаправленным. С другой стороны, многие внутриязыковые связи из-за алфавитного порядка также остаются скрытыми от пользователя. Например, если в эстонско-русском словаре прилагательные *томатный / помидорный* находятся в одной статье (с заголовочным словом *tomati-*), то в русско-эстонском словаре они окажутся далеко друг от друга. Если для понимания русского текста эта информация, в общем-то, необязательна, то для его создания, как и для овладения русской лексической системой, необходима, так как эти прилагательные имеют тонкие различия на уровне сочетаемости.

Также, например, русское слово *автостоянка* имеет несколько синонимов с разной степенью закрепленности в узусе и с некоторыми семантическими / стилистическими отличиями: *автостоянка, стоянка, парковка, паркинг*. Если мы размещаем все эти слова в алфавитном порядке, эстонский пользователь каждый раз находит им соответствие (*parkla*), не подозревая, что имеет дело с целым синонимическим рядом. Чтобы компенсировать недостатки такого («диверсивного») принципа построения словарной статьи, можно включить в левую часть статьи ссылку на все эти синонимы и, таким образом, предупредить пользователя об их существовании¹, ср.:

автостоянка (= стоянка-2, парковка-2, паркинг) parkla

Таким образом эстонский пользователь будет предупрежден, что заголовочное слово имеет синонимы, которые в тексте словаря расшифровываются в соответствующем месте. Русский же пользователь получит информацию о том, что в эстонском языке это значение передается одним словом.

Кроме явления синонимии при усвоении лексической системы неродного языка трудности представляют а) распределение семантической области между словами с близкими значениями (в том числе случаи пересе-

---

¹ Ту же ссылку необходимо повторить во всех четырех статьях с заголовочными словами из этого синонимического ряда. Порядок следования синонимов в ссылке учитывает степень распространенности слова и близость семантики к значению заголовочного слова (*стоянка-2* ближе всего по значению, *паркинг* является еще не совсем устоявшимся заимствованием, поэтому приводится последним).

чения значений), а также б) явление паронимии. И тут опять можно воспользоваться в словаре системой взаимных отсылок. Например, показывая в словаре лексему *отель*, которая входит в систему наименований *предприятий гостиничного типа*, недостаточно просто перевести ее на эстонский язык и показать сочетаемость. Необходимо в самой статье дать перечень аналогичных объектов номинации, ср.:

а) **отель** (= гостиница) hotell <...>, ср. мотель, пансион, предприятие гостиничного типа, хостел
мусор prügi <...>, ср. отходы
собор katedraal <...>, ср. храм, церковь

б) **kahekeelne** лицемерный, двуязычный *устар.* <...>, не путать с **kakskeelne!**
kakskeelne двуязычный, ~ *inimene* билингв <...>, не путать с **kahekeelne!**

Итак, возможности медиаструктуры словаря достаточно велики и, может быть, не оценены еще по достоинству. Развитие этой составляющей двуязычного словаря также может активизироваться при использовании электронного формата.

* * *

Наверное, работа над любым словарем начинается с разработки инструкции по его составлению. Таких инструкций, очень подробных и серьезных, достаточно много¹. И все равно, человек, для профессии которого когда-то придумали слово «выборщик»², часто оказывается перед выбором, который не предусмотрен инструкцией. В идеальном руководстве, казалось бы, должны быть перечислены все случаи, с которыми приходится сталкиваться, но это, к сожалению, невозможно. По-видимому, автор словаря может руководствоваться скорее общими принципами, чем конкретными указаниями.

Прежде чем обратиться к рассмотрению вопроса, поставленного в следующей главе, резюмирую некоторые идеи, наиболее важные, с точки зрения специфики двуязычного словаря.

1. Итак, цель двуязычного словаря заключается в том, чтобы способствовать успеху коммуникации в ситуации перехода с одного языка на другой. Успех подразумевает как адекватное **восприятие**, понимание ино-

---

¹ См., например: «Систематизация материалов словарных картотек (пособие для работников картотек)» в [Вопросы практической лексикографии 1979: 129–148].

² Тот, кто отбирает из текстов лексический материал для словаря, выписывает его на карточки.

язычного текста, так и **создание** правильного в языковом отношении текста на родном или неродном языке.

2. Соответственно задача двуязычного словаря заключается в том, чтобы **предоставить пользователю ту информацию о языковой единице, которой обладает носитель языка**. Сама постановка столь масштабной задачи может показаться делом утопическим, однако именно эта формулировка, на мой взгляд, позволяет правильно определить направление работы двуязычного лексикографа. Надо не столько подобрать наиболее точные переводные эквиваленты, сколько предоставить пользователю возможность оказаться в среде неродного языка и попытаться показать ему, как думает носитель другого языка.

Чтобы эксплицировать эту информацию, автор словаря не просто подбирает и компонуется известные ему сведения — он *анализирует* языковой материал. Существенный (если не важнейший) этап анализа языкового материала заключается в определении структуры языковых связей слова, разложении их на составляющие, нахождении возможных причин и условий производности, синонимичности, сочетаемости и т. д. Иначе говоря, словарь пытается эксплицировать то, что носитель языка знает «интуитивно», даже если не может сформулировать свое знание.

При этом словарь должен быть составлен так, чтобы его пользователь смог произвести обратную операцию, то есть *синтезировать* полученные сведения для перехода к языковой системе. Поэтому автор словаря решает задачу такого представления языкового материала, которое было бы адекватным самому этому материалу и способствовало бы достижению главной цели словаря.

Даже простое перечисление всех аспектов знания о слове, которыми обладает носитель языка, представляет собой сложную задачу. Так же непросто показать, что все они в разной степени могут влиять на жизнь слова в языке, то есть быть функционально значимыми.

С одной стороны, к функционально значимым параметрам существования слова можно отнести все его внутриязыковые связи: парадигматические, синтагматические, деривационные, эпидигматические, стилистические и др. С другой стороны, на функционирование слова могут оказывать влияние и такие факторы, которые либо не совсем системны (например, омонимия¹), либо вообще находятся вне языка (например, существование слова в языке диаспоры и метрополии).

---

¹ Омонимия, как явление случайного совпадения планов выражения двух языковых единиц, — явление не системное, однако на столкновении омонимов основаны многие случаи «языковой игры», когда текст строится так, что «на значение слова <...> проецируется ответ омонимического значения» [Шмелев 1973: 86], например: *Дети — цветы жизни. Не давайте им, однако, распуститься*. Такие явления, хотя и частотны, вряд ли могут быть как-то отражены

3. На процесс создания двуязычного словаря наибольшее влияние оказывают следующие экстралингвистические факторы:

- пользователь словаря,
- формат словаря,
- автор словаря.

Пользователем двуязычного словаря является носитель одного из пары языков или, несколько реже, носитель обоих языков¹. Условно объединим эти типы пользователей, так как и билингв, если обращается к двуязычному словарю, уподобляется первому типу пользователя, то есть тому, кто ищет неизвестное ему соответствие слову одного языка в лексической системе другого языка. Иначе говоря, двуязычный словарь, с точки зрения любого пользователя, содержит информацию на родном языке и информацию на неродном языке. Неродным языком пользователь может владеть в разной степени: от полного незнания языка до высокого уровня владения им. Словарь же должен в первую очередь ориентироваться именно на того, кто не владеет неродным языком вообще. То есть с точки зрения пользователя можно утверждать, что **в двуязычном словаре никакая языковая информация не избыточна** (ни на каком этапе обработки слова нельзя рассчитывать на то, что «носитель и так это знает»).

Разделение двуязычных словарей на словари активного и пассивного типов учитывает нужды пользователя в зависимости от того языка, который является для него родным, а какой — иностранным. Однако в идеале эти пары словарей, как мне кажется, должны **объединяться в один словарь**. И в этом случае необходимо обратить особое внимание на развитие медиаструктуры словаря, в частности, принять такую **двуязычную систему помет**, которая также учитывала бы оба типа пользователей, как и сам словарь. Основное препятствие к такому объединению словарей — объемность подобного издания — в дальнейшем условно будет исключено из обсуждения как внешнее по отношению к собственно лингвистическим параметрам.

И от третьего экстралингвистического фактора — автора словаря — более всего зависит представление в словаре языковой информации: он отбирает эту информацию и определяет способ ее подачи. Он же учитывает и потенциального пользователя, и формат словаря. Кроме того,

---

в двуязычном словаре. Однако в их свете становится ясно, что вопрос о разграничении многозначности / омонимии в двуязычном словаре — вопрос отнюдь не праздный.

¹ Возможна факультативная ситуация, в которой родной язык пользователя словаря — «третий» по отношению к словарю. Например, носитель польского языка может обратиться к немецко-русскому словарю, чтобы сопоставить перевод с немецкого на русский с имеющимся переводом с немецкого на польский и т. п. Конечно, такой пользователь в какой-то степени все равно владеет этими двумя языками, но, что важно, не является носителем ни одного из них.

автор руководствуется своими принципами обработки языкового материала. Ниже будет рассматриваться в основном эта сторона вопроса: **как автор может наиболее успешно решить свою задачу по созданию двуязычного словаря, позволяющего пользователю не только понимать, но и продуцировать свои тексты на неродном языке.**

Для этого в третьей главе будет предпринята попытка анализа некоторых типов внутриязыковых связей слов и поставлен вопрос о способах их представления в двуязычном словаре. При этом будут разбираться конкретные примеры с привлечением словарных статей из разных существующих словарей¹ и обсуждаться способы лексикографической экспликации этих сведений.

---

¹ Напомню, что обращение к словарям производится не в целях их критики, а в надежде найти оптимальное решение поставленных задач.

Глава III.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ СЛОВА В ЯЗЫКЕ И В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

Пользователь, для которого родным является язык правой части словаря, обращается к словарю за поиском полного списка соответствий, причем он заинтересован в максимальной полноте этого списка, так как, скорее всего, имеет дело с конкретным контекстом. Список соответствий далеко не всегда оказывается полным хотя бы потому, что двуязычные словари почти не передают случаи разноуровневой эквивалентности. «Не случайно поэтому при обучении переводчиков им советуют: чтобы найти точный перевод, совершенно необходимо посмотреть в словарь, но лучшим окажется тот перевод, которого нет» [Гак 1995: 53].

В случае если язык правой части не является для пользователя родным, происходит «смещение фокуса»: теперь уже важно не столько узнать обо всех возможных соответствиях, сколько понять, как их использовать. Хотя, как неоднократно отмечалось в металексикографической литературе, подача не комментируемого списка соответствий в двуязычном словаре недопустима, ее можно встретить во многих двуязычных словарях. Так, например, в [VES] к слову *сочетаемость* приводится список в 13 эстонских соответствий, который не сопровождается дополнительной информацией. Поэтому список соответствий должен сопровождаться лингвистической информацией.

Объединение двух задач в рамках одной словарной статьи может осуществляться способом, подобным тому, который был предложен для интегрального толкового словаря Ю. Д. Апресяном, см., например [Теоретическая лингвистика и лексикография 1995]. Заголовочное слово в этом случае сопровождается морфологической информацией, а все его значения располагаются сначала простым списком («синописис лексических значений данной вокабулы¹»), затем уже приводятся словарные статьи для каждого значения. В двуязычном словаре такая статья может иметь следующую структуру:

---

¹ Синописис лексических значений вокабулы — это «набор строк, каждая из которых начинается цифровым индексом значения <...>, за которым следует краткая и весьма приблизительная формулировка значения (в марровских ка-вычках) и один-два примера» [Апресян 1995-б: 6].

1. После многозначного заголовочного слова перечисляются его значения, которые семантизируются на языке входа¹. Семантизация сообщает носителю языка левой части о том, какое из значений переводится на язык правой части.

2. Каждое значение сопровождается списком соответствий в языке правой части без дополнительных комментариев, что дает носителю целевого языка возможность осуществить перевод на родной язык.

3. Словарные статьи к каждому представленному значению заголовочного слова приводятся после синописа (в «бумажном» словаре) или остаются скрытыми до тех пор, пока пользователь их не активизирует (в электронном словаре). Содержание этих статей как раз должно отражать внутриязыковые связи заголовочного слова в каждом из значений, только пользователь получит возможность продуцировать текст, например:

<СИНОПСИС>

НАЗЕМНЫЙ

1. (действующий на земле, суше) maapealne, pealmaa

2. (существующий на земле, суше) maismaa

<словарные статьи>

НАЗЕМНЫЙ 1. (действующий на земле, суше)

наземные сооружения

наземная часть растения

наземный взрыв

наземная станция метро

авиа. наземное обслуживание

наземные сооружения шахты

шахт. наземные работы

наземный транспорт

НАЗЕМНЫЙ 2. (существующий на земле, суше)

наземные животные

наземная растительность

сухопутные границы / разг.

наземные границы [напр. государства]

МААРЕАЛНЕ

maapealsed rajatised

taime maapealne osa

maapealne plahvatus

maapealne metroojaam

maapealne teenindus

РЕАЛМАА-

kaevanduse pealmaaehitised

mäend. pealmaatööd

МААРЕАЛНЕ / РЕАЛМАА-

maapealne transport / pealmaa-

transport

МАИСМАА-

maismaaloomad

maismaataimestik

[nt riigi] maismaapiirid

¹ Для однозначных вокабул семантизацию давать не надо, так как один пользователь знает это единственное значение, а другой поймет, прочитав соответствие на родном языке.

1. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛОВА

Как известно, порождение текста — отнюдь не механическое соединение «точных соответствий». Перед говорящим стоит задача создать текст с правильной сочетаемостью слов, так как любой носитель того или иного языка должен быть способен «соединять слова друг с другом и д и о м а - т и ч н о, то есть в соответствии со сложившимися в данном языке и подчас трудно мотивируемыми нормами синтаксической, семантической и лексической сочетаемости» (разрядка моя. — О. П.) [Апресян 1974: 11].

Нарушение сочетаемости — наиболее устойчивая и трудноустраняемая ошибка как в переводах разных типов, так и при порождении текста на неродном языке без предварительного варианта на родном языке. Например, в справочнике, который рассказывает о возможностях летнего отдыха в Эстонии, находим следующий текст (исправлена только орфография):

Вдобавок прекрасной местности и природе, есть возможность посетить близлежащие достопримечательности вместе с гидом. Также в созданном пакете и ознакомительных материалах занесены природные походные тропинки. <...> В природный отпуск входит также поход за грибами или ягодами. Есть возможность прямо на месте приготовить консервы (если сами точно не знаете рецепта, можете спросить у хозяев, можете получить банки, бутылки и руку помощи) [«Эстонский справочник путешествий. Отдых в деревне»¹, 2003].

В этом переводе есть нарушения всех типов сочетаемости: синтаксической (напр., *вдобавок местности; в материалах занесены* и др.), лексической (напр., *природный отпуск; в пакете занесены* вместо *включены; занесены тропинки* вместо *указаны маршруты; получить руку помощи* и др.) и семантической сочетаемости (*приготовить консервы*² и др.).

Чтобы помочь пользователю избежать всех этих ошибок, словарь должен указывать на сочетаемость лексемы (ее языковое поведение), хотя очевидно, что простое перечисление всех контекстов, в которых слово может встречаться в языке, невозможно и ненужно. В словаре производится отбор наиболее значимых (с точки зрения его автора) примеров сочетаемости, который, впрочем, может оказаться достаточно субъективным, даже если производится по некоторой схеме. Так, чаще всего, в дву-

¹ В дальнейшем: «Эстонский справочник путешествий».

² Так как слово *консервы* в русском языке используется обычно для обозначения пищевых продуктов, предназначенных для хранения, но обработанных фабричным способом, в таком контексте следовало сопроводить это слово определением *домашние* или предложить вариант перевода с использованием синонимов, напр.: *Есть возможность прямо на месте заняться консервированием / заготовить соленья и варенья.*

язычных словарях существительные иллюстрируются примерами с прилагательными, при глаголах приводятся примеры с управляемыми существительными¹ и т. д. Попробуем рассмотреть то, как каждый тип сочетаемости должен отражаться в двуязычном словаре.

1.1. Семантическая и синтаксическая сочетаемость

Как известно, одна из распространенных ошибок при переводе или продуцировании текста на неродном языке — область грамматического управления, напр.:

Отсюда получите также информацию о транспорте автобусного и судового движения <...> [«Эстонский справочник путешествий»].

Здесь оба языка (русский и эстонский) демонстрируют совпадение семантической сочетаемости при расхождении синтаксической. Поскольку семантика глагола *получать* (в его основном свободном значении) может быть несколько условно истолкована как ‘начать иметь в своем владении некий объект, который до этого был чужим / не был своим’, постольку логичной оказывается заполнение валентности ‘источник, откуда объект появился’. Иначе говоря, природа семантической сочетаемости близка предметно-логическим связям, отражающим естественный порядок вещей². Что предлагает в этой ситуации двуязычный словарь? В комментарии к переводу многозначного глагола *saama*, основным³ соответствием которого в русском языке является глагол *получать*, находим:

saama 1. получать / получить* *что, за что, от кого-чего, у кого*

---

¹ Ср.: «[С]овременные двуязычные словари довольно последовательно показывают “правое” управление слова» [Берков 1996: 123].

² Хотя она несколько «тоньше» интерпретирует сочетаемость: так, предметно-логические связи обуславливают невозможность сочетания типа *беговая кошка*, а семантические связи объясняют, почему сочетание *теплая кошка* воспринимается как неестественное (потому что один из «ведущих» компонентов в семантике слова *кошка* — ‘живое существо’, которое, в свою очередь, «нормально» включает сему ‘теплый’ и не требует повторной экспликации этого признака; ср. признак *холодный, остывший* для неживого / мертвого объекта).

³ Под основным соответствием здесь понимается такое слово в языке правой части, которое с наибольшей вероятностью может выступать как переводной эквивалент заголовочного слова, если последнее используется вне контекста.

Указание на сочетаемость *получить где* можно найти только в контекстуальных примерах к статье¹, да и там она приводится как вариативная, что неверно:

kust võiks selle kohta infot saada? где *v* откуда можно получить об этом информацию?

Все условия синтаксической сочетаемости должны быть **обязательно указаны в начале словарной статьи** (а в случае расхождений, при каждом значении многозначного слова), причем не всегда бывает достаточно просто перечислить вопросительные слова. Так, в ситуации с *получить* эстонскому пользователю надо сообщить, чем же отличается управление *где* и *откуда*, так как в эстонском языке этого различия нет, ср.:

получить где = местонахождение субъекта и получаемого объекта совпадает: *получить в кассе, в библиотеке, на почте, у шофера, дома*

получить откуда = местонахождение субъекта и исходное местонахождение получаемого объекта не совпадают: *получить из Эстонии, из деревни, издалека*

Как видно из приведенного примера, смысловой вопрос обстоятельства места должен «расшифровываться» указанием на возможные его предложно-падежные реализации, так как они, в свою очередь, также неизвестны эстонскому пользователю.

Следующий, на первый взгляд, немного странный вопрос, касается того, в какой словарной статье надо помещать информацию о сочетаемости. Иначе говоря, если пользователь хочет перевести на неродной язык выражение *он поехал в командировку*, то (теоретически) он может найти нужную информацию об управлении в трех статьях: при слове *в*, при *ехать / поехать* и при *командировка*². Поскольку существительное в этой конструкции является зависимым словом, то, скорее всего, информация об управлении будет располагаться при статьях с предлогом или / и глаголом. Однако очевидно, что в таком случае объем каждой из этих статей должен быть практически необъятным: невозможно перечислить все предложно-падежные варианты управляемых существительных при глаголе *ехать* или при предлоге *в* (*в город, в деревню, на море, на природу* и т. п.). В действительности в русско-эстонском общем словаре [VES] сведения об управлении находим

---

¹ Не поможет эстонскому пользователю и обращение к VES, так как в нем вообще указано только управление *получить что*.

² Этот вопрос, опять же, несколько теряет свою актуальность применительно к электронному формату словаря, в котором можно запрограммировать возможность перекрестных отсылок к необходимому словосочетанию (*поехать в командировку*) для каждого из трех слов.

только в статье *ехать*, при этом иллюстрации с *командировка* эта статья не содержит, ср.:

ехать в экспедицию *ekspeditsoonile sõitma*

Такая словарная иллюстрация не поможет русскому пользователю правильно перевести требуемое предложение на эстонский язык, так как в случае с *командировкой* используется иное окончание (ср. *lähetusse – ekspeditsoonile*). Необходимые сведения о сочетаемости слова *командировка* находим в учебном русско-эстонском словаре [VEÕS]:

командировка <...> **ехать в командировку** *lähetusse / komandeerin-gusse sõitma*

Понятно, что поместить все возможные слова, называющие цель или направление поездки в статье при глаголе *ехать* практически невозможно. Поэтому при показе сочетательного потенциала слова в двуязычном словаре необходимо пользоваться некоторым **содержательным** критерием. Одним из таких критериев может послужить разграничение собственной и несобственной сочетаемости слова, которое было предложено В. В. Морковкиным¹ и строится с учетом семантики анализируемой лексемы.

К собственной сочетаемости слова относятся такие словосочетания с ним, «в которых актуализируются семы, отражающие специфику именно его денотата» [Морковкин 1984-а: 11]. Например, сочетания со словами *поехать, отправить, направить, оформить* и т. д. входят в зону собственной сочетаемости слова *командировка*, так как в его значении имеются семы ‘поручение’ (*отправить, направить*), ‘служебное’ (*оформить*), ‘поездка’ (*поехать, отправить, направить*).

В зону несобственной сочетаемости попадают сочетания заголовочного слова со словами, которые актуализируют те составляющие его семантики, которые служат «для отражения любых других (кроме самых специфических) сторон его денотата» [Морковкин 1984-а: 12]. Так, в зону несобственной сочетаемости слова *командировка* попадают сочетания с такими словами как *длительный, заграничный, вернуться*, которые актуализируют не самое специфическое значение этого слова (иначе говоря, не дифференциальные семы, а интегральные). Словосочетания из зоны несобственной сочетаемости слова *командировка* оказываются общими со словами *поездка, путешествие*. Еще более далекими окажутся сочетания

---

¹ См. [Морковкин 1984-а: 11–12].

со словами типа *успешный, утомительный*, которые могут сочетаться и с наименованиями других видов деятельности¹.

В идеале **все сочетания со словами, которые оказываются в зоне собственной сочетаемости слова, должны перечисляться в его словарной статье**². Поэтому все-таки управление *поехать, направить* и т. п. должно быть включено в статью слова *командировка* (добавим сюда пример на ограничения в лексической сочетаемости со словом *находиться* как такой, который отличает *командировку* от, например, *путешествия* и *поездки*). С другой стороны, для пользователя будет удобно здесь же получить сведения о сочетаемости, которая характеризует всю группу слов со значением *поездка*, то есть информацию, которая является переходной от зоны собственной сочетаемости к зоне несобственной сочетаемости. В этом случае надо говорить не об обязательности включения всех сочетаний в статью, а о необходимости перечислить наиболее вероятные сочетания типа *вернуться из*, например:

**командировка: в командировку — (по)ехать, направить, послать;
на командировку — расходы; в командировке — находиться; из командировки — вернуться; о командировке — отчёт; командировка (куда) в Сочи <...>**

Таким образом, благодаря учету семантической сочетаемости появляется возможность продемонстрировать синтаксическую сочетаемость заголовочного слова, основываясь не на случайных или интуитивных критериях, а на более или менее рациональном подходе.

1.2. Лексическая сочетаемость

Как известно, на семантическую и синтаксическую сочетаемость слова могут накладываться ограничения, обусловленные его лексической соче-

---

¹ Соответственно информация о сочетательном потенциале слов типа *длительный, успешный* и т. п. должна помещаться в их собственных словарных статьях. Хотя, кажется, что в этом случае (при словах с абстрактной семантикой) определить зону собственной и несобственной сочетаемости будет сложнее, чем у слов конкретной семантики, которые в силу своей специфики содержат много индивидуальных сем.

² В отличие от этого В. П. Берков предлагает, например, **не** указывать информацию о пространственных предлогах при географических названиях, сосредоточив ее в словарной статье при соответствующем предлоге. Специально при этом (в соответствующих статьях) указываются только случаи отклонений «от типового “левого” управления» [Берков 1996: 124]. Однако для любого топонима сочетание с пространственным предлогом относится к зоне собственной сочетаемости и должно быть эксплицировано в двуязычном словаре.

таемостью. Так, каждый в ряду синонимов *конфликт, разногласие, столкновение* имеет собственную лексическую сочетаемость при сходной семантической, ср.:

урегулировать конфликт — устранить разногласия — не допустить столкновения / нейтрализовать последствия столкновения

Эти ограничения оказываются такими же непредсказуемыми, как и правила синтаксической сочетаемости слова¹. Иногда, правда, лексическая сочетаемость выступает на фоне вполне обычного семантического и синтаксического «поведения» лексемы. Так, например, значение и условия образования сочетаний *простой карандаш* — *harilik pliiats* в русском и эстонском языках строятся по стандартным грамматическим правилам, имеют практически одинаковое значение частей, но должны быть отнесены к области межъязыковой идиоматичности в силу определенной непредсказуемости на уровне лексической сочетаемости². Ср.: основное эстонское соответствие русского слова *простой* ('несложный') — *lihtne*, а русское основное соответствие эстонского *harilik* — *обычный*³. Ср. аналогичный случай, когда в эстонском языке более употребительным⁴ в последнее время является обращение *Head kolleegid!* (букв. *хорошие / добрые коллеги*), а в русском — *Дорогие коллеги*.

Итак, все, что не является предсказуемым и, следовательно, относится к области межъязыковой идиоматичности, должно быть отражено в переводном словаре.

Основное недоразумение, как кажется, в результате которого языковые иллюстрации использования заголовочного слова оказываются часто несколько случайными, можно объяснить, в числе прочего, противоречивостью самого термина «словарная иллюстрация». Такое наименование позволяет предположить, что языковые примеры в словарной статье нужны,

---

¹ Ср. ошибку на уровне лексической сочетаемости, которую под влиянием эстонского языка допускает студентка, когда говорит, что *Через несколько лет мы получили собаку* вместо *завели*. Здесь, однако, влияет не только внешнеязыковая интерференция (эстонская сочетаемость), но и внутриязыковая (ничто, казалось бы, не должно мешать на уровне семантики такому сочетанию, однако оно неправильно).

² Это хорошо чувствуют лексикографы, поэтому сочетание *простой карандаш* — *harilik pliiats* в русско-эстонских и эстонско-русских словарях представлено и в статьях с прилагательным, и в статьях с существительным.

³ Не помогает и знание предметно-логических связей, то есть того, что *простому карандашу* противопоставляются *цветные*, так как для этого противопоставления в языке нет устойчивой пары, ср.: *цветной* — *черно-белый*, *цветной* — *бесцветный* и т. п.

⁴ Параллельно существует возможность использовать и сочетания *kallid* (*дорогие*), *lugipeetid* (*уважаемые*) *kolleegid*.

чтобы проиллюстрировать самые интересные «моменты жизни слова», показать функционирование заголовочного слова в одном из его значений, в общем, чтобы «украсить» сухую информацию (ср. стремление иллюстрировать значения слов цитатами из произведений классической литературы¹). В чем-то этот подход свойственен толковым словарям, в которых, как уже говорилось, можно рассчитывать на лингвистические знания носителя языка. Однако в двуязычном словаре иллюстрации **не иллюстрируют** (в прямом значении этого слова), а **информируют, инструктируют пользователя.**

2. ДЕРИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ СЛОВА

При лексикографировании такой пары разносистемных языков, как эстонский и русский, вопрос о сочетаемости слова тесно перекликается со словообразовательным аспектом существования лексем. В первой главе уже упоминалось, что эквивалентом русского словосочетания в эстонском языке часто является сложное слово, например:

грибной год seeneaasta, **корзина для грибов / с грибами** seenekorv, **выставка грибов** seenenäitus, **поход за грибами** seeneleminek / seenelkäimine и т. д.

Иначе говоря, там, где русский язык при помощи служебных слов и морфологических категорий стремится эксплицировать отношения, связывающие значения разных слов, эстонский язык имплицитно включает эту информацию в семантику сложного слова. Причем предсказуемость семантики при этом достаточно высока, так как имплицитные связи остаются в пределах «стандартных» предметно-логических связей.

Эстонской основе, входящей в состав сложных слов, в русском языке могут соответствовать разные производные, восходящие к общей основе, например:

---

¹ Конечно, такая лексикографическая разработка языкового материала представляет высшие достижения литературного языка и сам по себе такой словарь очень интересен как своеобразный памятник слову. Однако никто не спорит, что двуязычный словарь (как и одноязычные толковые) преследует прикладные цели, поэтому и основания для подбора иллюстраций должны быть иными. Ср., Д. Н. Ушаков в свое время говорил: «Ценность громадного словаря в цитатах, а ценность обычного словаря в том, чтобы были формулы. По-русски говорится *внушать страх*. Вот для подтверждения этого не нужно мне ни Горького, ни Пушкина, ни кого другого» (из стенограммы выступления) [Ушаков 1983: 152].

mängu+: **mänguautomaat** игровой автомат, **mängukaart** игральная карта, **mänguasi** игрушка, **mänguauto** игрушечная машинка, **mängulaud** игорный стол и т. п.

Ориентация словарного описания на представление в двуязычном словаре той информации о слове, которой обладает носитель соответствующего языка, подразумевает **обязательный учет словообразовательного параметра**. Если слово обладает прозрачной внутренней формой, ощущается носителями как такое, которое образовано от другой основы, это не может не влиять на его функционирование в языке (даже если на первый взгляд такая связь не прослеживается). В свое время Д. Н. Шмелев, анализируя семантику русского слова, большое внимание обращал на его словообразовательные связи и метко назвал деривационные отношения «третьим измерением лексики» [Шмелев 2002].

В современной русской лексикографии осознание важности этого параметра для семантики слова проявилось в издании толковых словарей, содержащих информацию словообразовательного плана, см., например, «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (2000), «Комплексный словарь русского языка» под ред. А. Н. Тихонова (2001), «Толковый словообразовательный словарь русского языка» И. А. Ширшова (2004). Справедливо считается, что «[т]олкования мотивированных слов с опорой на их внутреннюю форму характеризуются их более высокой информативностью, вскрывают словообразовательные связи лексических единиц, а также выражают этнокультурные особенности наименования тех или иных реалий» [Кикинежди 1992: 16]. Встает, однако, вопрос о том, как и в каком объеме нужно отражать этот аспект в двуязычном словаре.

Отражение деривационных связей слова в двуязычном словаре может рассматриваться в двух аспектах: лексикографическое представление производного слова, являющегося заголовочным, и лексикографическое представление слов, которые являются производными соответствующего заголовочного слова.

2.1. Заголовочное слово как производное

В «Двуязычной лексикографии» В. П. Берков говорит о необходимости включения в словник в качестве самостоятельных лемм продуктивных словообразовательных аффиксов [Берков 1996: 37–40]. Таким образом он предлагает добиться компрессии словаря за счет определенной подачи производных, образованных по регулярной модели с выводимым значением [там же: 34–35]. Данный подход, однако, не исчерпывает всю проблематику.

1. Так, например, в следующем случае русско-эстонский словарь должен представить информацию об эстонском соответствии таким образом, чтобы русский читатель смог понять, что эстонские соответствия имеют **внутреннюю форму**, ср. словарную статью без словообразовательного комментария (как она дается в словаре):

ГНОМ *rõialpoiss, päkapikk, härjarõlvlane, gnoom*

и ту же статью с эксплицированными словообразовательными связями¹, ср.:

ГНОМ	РÄКАРІКК < <i>päkk</i> диал. 'большой палец руки' + <i>pikk</i> 'длинный'
	<i>härjarõlvlane</i> устар., нар.-поэт. < <i>här</i> 'бык' + <i>rõlv</i> 'колено'
	<i>gnoom</i> малоупотр., обычно в переводах
	<i>rõialpoiss</i> < <i>rõial</i> 'большой палец руки' + <i>poiss</i> 'мальчик'

В данном случае яркая внутренняя форма эстонских лексем раскрывает фрагмент картины мира, представленной в эстонском фольклоре.

2. С другой стороны, внутренняя форма слова может накладывать ограничения на использование его в тех или иных контекстах. Так, для слова *nahatäis* в [EVS III: 386] приводится несколько русских соответствий без словообразовательного комментария (*порка, побои, трéпка* и др.). Очевидно, что показ деривационных связей необходим, чтобы показать эстонскому пользователю различия в семантике этих лексем и, соответственно, предупредить о «ситуативной уместности» их использования:

НАНАТÄІS	ПОРКА < <i>porot</i> -2 'rooskama, naha peale andma'
	ПОБОИ < <i>poibit</i> 'peksuma'

3. Так же необходимо предупреждать в двуязычном словаре и эстонского пользователя о том, что перед ним русское **производное** слово. Особенно важно давать словообразовательный комментарий при тех словах, **структура которых очевидна только для носителя языка**.

Так, для эстонского пользователя особую сложность могут представлять русские префиксальные образования: в эстонском языке префиксация — нетипичный способ образования слов, и поэтому эстонский пользователь далеко не всегда может определить, что слово содержит префикс, и найти ту границу морфем, которая позволит опознать производящую

---

¹ Статья дополнена некоторыми сведениями: слово *härjarõlvlane* является несколько устаревшим и народно-поэтическим, а слово *gnoom* в эстонском малоупотребительно, и поэтому оба они имеют соответствующие пометы; внутренняя форма слова *rõialpoiss* свидетельствует, что более точным его русским соответствием является *мальчик с пальчик*.

основу. Поэтому даже в очевидных, на первый взгляд, случаях в интересах пользователя полезно приводить словообразовательную структуру заглавного слова, например:

ИЗМОРОЗЬ < из- + мороз 'pakane'	1. kahu, härm(atis) 2. jäide <...>
ИЗМОРОСЬ < из- + моросить 'udutama'	uduvihm, <i>реже</i> pihuvihm

В данном случае словообразовательный комментарий раскрывает внутреннюю форму слова и помогает разграничить паронимы. (Разумеется, для русского пользователя приведенные словарные статьи необходимо дополнить, включив в них информацию относительно семантики и словообразовательной структуры эстонских эквивалентов.)

3. Еще один случай, когда заголовочное слово нуждается в экспликации его словообразовательной структуры, наблюдаем, если **объем значения производного слова входного языка шире объема значений эквивалентов выходного языка**. Как указывает В. П. Берков, «здесь важна семантизация и желательна экзemplификация» [Берков 1996: 163]. Кажется, что семантизацию хорошо дополняет словообразовательный комментарий, ср.:

KAASLANE < kaasa 'с собой, вместе' + -lane суф. 'лица'	(СО)ТОВАРИЩ, компаньон, спутник

Эстонскому пользователю необходимо также показать, что приведенные русские соответствия являются частичными эквивалентами эстонского слова, и дать рекомендации по их выбору. Здесь и появляется необходимость в экзemplификации. Обратившись к толковому словарю эстонского языка, получим, во-первых, 11 контекстов употребления лексемы *kaaslane*, во-вторых, 49 (!) сложных слов, в которых основа *kaaslane* является второй частью [EKKSS II, 1: 21]. Перевод на русский язык приведенных в толковом словаре иллюстраций может быть осуществлен при помощи нескольких русских лексем (*товарищ по...*, *спутник*, *(со)участник* и нек. др.), что же касается сложных слов с основой *kaaslane*, то здесь список значительно расширяется, ср.:

KAASLANE < kaasa 'с собой, вместе' + -lane суф. 'лица'	(СО)ТОВАРИЩ, компаньон, спутник
ametikaaslane	коллега
elukaaslane	спутник жизни
joomakaaslane	собутельник
kajutikaaslane	сосед по каюте
treeningukaaslane	товарищ по тренировкам

Такая ситуация (когда производное слово входит в целый ряд сложных слов) типична для эстонского языка, поэтому при перечислении русских эквивалентов необходимо учесть максимальное количество сложений, в которых данная лексема встречается.

4. Хотя деривационные связи являются таким типом межсловных отношений, который меньше всего отражается в двуязычных словарях, именно прояснение внутренней формы слова зачастую оказывается лучшим способом **различения нескольких близкозначных (или синонимичных) соответствий**.

В приведенном ниже примере одно слово входного языка имеет два значения (которые сопровождаются толкованиями), в языке правой части ему соответствует три эквивалента. Слова в обоих языках имеют прозрачную внутреннюю форму, которая **неочевидна для носителя противоположного языка**. Информация о деривационных связях описываемых лексем могла бы приводиться в словарной статье примерно так, как это сделано в следующем примере. Поскольку словообразовательный комментарий сопровождает как русские, так и эстонские слова, и при его подаче используются оба языка (например, семантика эстонской производящей основы толкуется по-русски, и наоборот), постольку данную статью можно считать примером совмещения активной и пассивной направленности словаря. Значения русских префиксов не толкуются, так как формулировка их значения достаточно сложна, в том числе для понимания:

ПРОГУЛКА < про + гулять 'jalutama'

1. (пешая)

прогулка по городу

2. (лёгкое путешествие)

прогулка на каноэ

морская прогулка

JALUTUSKÄIK < jalutama 'гулять' + käima 'ходить'

jalutuskäik linnas

(LÜHI)MATK < lühi- 'короткий' + matk 'поход'

kanuumatk

LÕBUSÕIT < lõbus 'веселый' + sõitma 'ездить'

lõbusõit merel

Ср., в тексте приведенного ниже русского перевода ошибка допущена под влиянием эстонского оригинала, в котором, по-видимому, использовалось слово *sõit*:

*В ходе нескольких 10-минутных **поездов** у вас есть возможность испытать чувство, как будто сплавляеься по настоящей с пенящейся водой горной реке [«Эстонский справочник путешествий»].*

Таким образом, словообразовательную структуру производного слова в двуязычном словаре желательно эксплицировать в следующих случаях:

1. Если слово в языке правой части словаря обладает живой внутренней формой, так как эта внутренняя форма а) является отражением определен-

ной картины мира, б) может влиять на использование слова в тех или иных контекстах.

2. Если внутренняя форма лексем в языке левой и правой части словаря не совпадает и «опознание» производящей основы производного слова затруднено из-за чередования (*härg – härja*) или, например, префиксации (*изморось*).

3. Если объем значения лексемы входного языка и ее эквивалентов в выходном языке не совпадает, семантизация может сопровождаться раскрытием словообразовательной структуры слова, которая помогает понять различия в значениях эквивалентов.

2.2. Заголовочное слово как производящее

Выше¹ уже говорилось о словарных статьях полугнездового типа, используемых в толковых словарях русского языка. В таких статьях после информации о заголовочном слове (грамматической, семантической) приводятся его производные². Принципы гнездования, которые используются в одноязычных словарях, в целом совпадают у разных авторов. В БТС они формулируются следующим образом: «Гнездование распространяется на все производные слова, которые образованы с помощью продуктивных суффиксов и имеют формально обусловленную семантическую структуру» [БТС: 18]. Иначе говоря, в толковых словарях гнездуются такие производные, лексическое значение которых или совпадает со словообразовательным, или получает регулярную сему (напр., отглагольные существительные с суффиксами *-ние, -ение* и под., отадъективные существительные с суффиксами *-ость* и под., существительные со значением женскости, мотивированные существительным мужского рода со значением лица: *библиотекарь < библиотекарша* разг., и т. д. [там же]). Такое размещение производных в толковом словаре, с одной стороны, может экономить объем, с другой стороны, избавляет лексикографа от необходимости много раз повторять однотипные толкования.

С развитием русской лексикографии толковые словари все больше обращают внимание на экспликацию регулярных производных. Так, если в свое время Р. П. Рогожникова писала, что, например, большое количество наречий и предикативов на *-о, -е*, образованных от прилагательных, выпадает из поля зрения лексикографов и не включается в словари [Рогожникова 1984: 74], то в БТС (1998) многие из таких производных уже представлены отдельными статьями, как и, например, прилагательные с суф-

¹ См. раздел 2.2 второй главы.

² Конечно, речь не идет о том, чтобы воспроизводить словообразовательные гнезда полностью. Этот материал не только слишком объемен (ср., например, в ССРЯ для слова *снег* приводится 92 производных), но и труден для восприятия.

фиксом *-еньк(ий)*, что не было типично для предыдущих толковых словарей.

Что же касается современных двуязычных словарей (по крайней мере, русско-эстонских), такой полугнездовой способ представления русской лексемы, как правило, не используется. Считается, что, поскольку регулярность словообразовательного значения способствует предсказуемости значения производного слова, постольку значения многих производных, образованных по регулярным моделям, могут легко предугадываться и нет необходимости включать все такие слова в двуязычных словарь. Многие производные не приводятся ни в статьях при своем производном, ни отдельно (так, если слово *побольше* есть в словнике русско-эстонского словаря, то, например, слова *полегче* нет, и т. д.).

Можно задуматься, действительно ли слова, образованные по регулярной модели, всегда имеют предсказуемые значения (которые пользователь словаря может вывести самостоятельно) и поэтому могут не включаться в словник двуязычного словаря? Попытаюсь ответить на этот вопрос, обратившись к прилагательным с суффиксом *-еньк(ий)*.

В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка приводится 180 производных прилагательных с таким суффиксом [ГСЗ: 317–319]. Согласно данным «Русских грамматик» разных лет издания, суффикс *-еньк(ий)* имеет следующие значения:

суффикс *-еньк(ий)* <...> усилительного и уменьшительно-ласкательного значения <...> присоединяясь <...> к непроизводным основам имен прилагательных, придает им значение усиления признака с известным оттенком ласкательности, напр.: *аленький, беленький, бледненький* <...> [РГ-52 I: 363–364];

прилагательные с суффиксом <...> *-еньк(ий)* выражают некоторое усиление признака с оттенком ласкательности: *бледненький, молоденький* <...> [РГ-70: 206];

прилагательные <...> с *-еньк(ий)* <...> имеют ласкательное значение [РГ-80 I: 299].

Таким образом, самое общее значение, которое получает прилагательное с указанным суффиксом — значение *ласкательности*. Очевидно, что это значение скорее не лексического, а прагматического уровня. Если предположить, что суффикс приводится в двуязычном словаре отдельной статьей, в которой это его самое общее значение сформулировано, то можно надеяться, что пользователь сможет понять русское прилагательное с этим суффиксом, если оно ему встретится¹ (или оценить цель, с которой оно используется).

---

¹ При условии, что он представляет себе структуру русского слова. Но это условие вступает в противоречие с тем принципом, который выше был назван «презумпцией незнания», и поэтому автор словаря «не вправе» его ставить.

Но, во-первых, образовать такое прилагательное с достаточной степенью уверенности носитель не русского языка не сможет, а, во-вторых, не все значения производных с суффиксом *-еньк(ий)* сводятся к сумме «значение прилагательного + ласкательность». Производные с *-еньк(ий)* характеризуются:

- 1) ограничениями в лексической сочетаемости: *крупненький, шустренький* — о ребенке, маленьком зверьке;
- 2) ограничениями в выборе производящей основы (¹*абсолютненький*, ²*бравенький*, ³*прочненький*);
- 3) эвфемистичностью (*горбатенький*);
- 4) идиоматичностью (непредсказуемостью) семантики, которая проявляется в том, что:
  - а) не все перечисленные особенности одинаково характерны для всех производных с *-еньк(ий)*;
  - б) они могут образовываться и от основ, которые содержат «противоположную» (т. ск. «неласкательную») информацию (*мордастенький, скуластенький*);
  - в) они реализуют не все значения мотиватора (*тупенький, бедненький*);
  - г) они могут реализовать редкое значение мотиватора (*страшненький, хорошененький*).

Можно сделать следующий вывод: даже производные, образованные по регулярным моделям с помощью достаточно моносемантического деривационного аффикса, далеко не всегда имеют полностью предсказуемую семантику. Поэтому в двуязычном словаре их нужно либо включать в словарную статью производящего слова (и тогда пользователь будет видеть системные связи заголовочного слова), либо приводить отдельными статьями в сопровождении толкования и с отсылкой к производящей основе (или, что еще лучше, совмещать оба эти подхода).

Случаи образования производных на *-еньк(ий)* с относительно регулярными значениями позволяет сопровождать случаи типа *беленький, красненький, черненький, серенький, синенький* и т. д. отсылкой, например, к более общему семантическому комментарию (который, например, содержится в конце словаря или скрыт за электронной ссылкой), хотя в интересах пользователя можно краткий комментарий помещать в основной части словаря. При этом, поскольку в эстонском языке имеется свой уменьшительный суффикс *-ke(ne)* (хоть он и менее частотен, чем в русском), часть прилагательных на *-еньк(ий)* можно переводить соответствующим эквивалентом, а пояснять только те, которые в эстонском с таким суффиксом не сочетаются, например:

ТОЛСТЫЙ	PAKS
> толстенный	paksuke
СЛАДКИЙ	MAGUS
> сладенный	magus hellalt

В тех случаях, когда а) отношения производящее / производное не так однозначны, б) когда производящая основа является более редкой и ее трудно восстановить, в) когда производное имеет особые условия функционирования, зону комментирования надо расширять. Так, например, производное с *-еньк(ий)* от прилагательного *алый* может представлять сложность для эстонского пользователя, так как трудно догадаться, от какой производящей основы оно образовано¹ (*ал-ый*), надо знать, что в русском языке оно используется в составе устойчивого сочетания *аленький цветочек*. Логично было бы, поэтому, привести его дважды: в статье к слову *алый* и в собственной статье (с использованием взаимных отсылок).

3. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛОВА

Обращение к отрицательному языковому материалу, анализ синтагматических и деривационных связей слова внутри одного языка и на фоне других языков — все это неизбежно выводит нас на уровень парадигматических связей слова. Слово является членом многих парадигматических объединений и связано, таким образом, с большим числом языковых единиц (в том числе, относящихся к разным уровням языка). Любой лексикограф, автор одно- или двуязычного словаря, так или иначе сталкивается с вопросом представления в словаре синонимов и близкозначных слов, слов одной тематической группы и антонимов и т. п.

3.1. Синонимы в двуязычном словаре

Общая проблема отражения синонимии в двуязычных словарях может рассматриваться в нескольких частных аспектах. Наиболее заметен из них вопрос подачи переводных эквивалентов, являющихся синонимами. Всем, кто когда-либо пользовался словарем для перевода текста на неродной язык, знакома следующая ситуация: для заглавного слова входного языка словарь приводит ряд эквивалентов выходного языка без достаточного для их различения комментария. При этом пользователь должен сам выбрать подходящий именно для данного контекста вариант, ср.:

aisakell колокольчик, бубенец, бубенчик; ~ade helin звон колокольчиков [EVS I: 163]

---

¹ В словаре используется алфавитный принцип, и пользователь начинает искать перевод на *аленький*. Шанс, что он доберется до *алый* невелик, так как от предполагаемого места статьи *аленький* его отделяет несколько страниц.

kuljus бубенец, бубенчик, колокольчик; (lasteorkestris) бубенцы; ~te helin звон бубенцов v колокольчиков [EVS II: 576]

Такая словарная статья способна поставить в тупик как эстонского, так и русского пользователя. 1) Эстонский читатель словаря вправе решить, что три приведенных для слова *aisakell* русских эквивалента являются точными синонимами и не имеют существенных различий в употреблении, тогда как они вообще синонимами не являются. 2) Русский читатель может прийти к выводу, что в эстонском языке для названия двух разных предметов (*колокольчик, бубенчик*) используется одна лексема.

Встает вопрос о том, можно ли разработать словарную статью так, чтобы пользователь получил максимальную информацию и при этом не «заблудился» в приводимых эквивалентах. Рассмотрим возможность разработки оптимальной словарной статьи двуязычного словаря на примере перевода русского синонимического ряда (перевод с эстонского языка на русский, и наоборот) *ботинки – башмаки*.¹ В русско-эстонском словаре находим:

башмак I *tuhvel; van. king* [VES I: 157]

ботинок *poolsaapas; лыжные ~ки suusasaapad* [VES I: 186]

Встает закономерный вопрос: почему синонимичные в русском языке *ботинок* и *башмак* никак не пересекаются в двуязычном словаре, действительно ли слово *башмак* может быть переведено на эстонский язык словом *tuhvel*, правильно ли называть *ботинки* эстонским словом *saapad*, или надо использовать только *poolsaapad*, и т. д.

Словарь синонимов русского языка слова *ботинки* и *башмаки* различает по признаку частотности, но не денотативной отнесенности: «слово б а ш м а к и в современном языке употребляется реже, в XIX – нач. XX в. оно было преобладающим» [ССинРЯ I: 87]. В БТС находим:

БАШМАКИ 1. Закрытая обувь — ботинки или полуботинки (обычно грубые, тяжелые, большие). *Ходить в рваных башмаках. Таскать отцовские б. Лыжные, ортопедические б. <...>* ● В старину башмаками называлась преимущественно женская изящная (обычно с разрезом на подъеме) обувь из кожи или ткани (бархата, атласа и т. п.), иногда на каблуке, с застежками, бантами и другими украшениями² [БТС: 63].

¹ Ср.: *ботинки, башмаки, чеботы (разг.)* — синонимический ряд, который приводится в [ССинРЯ I: 87–88].

² Примечательно, что авторы словаря посчитали необходимым поместить в эту статью информацию энциклопедического характера (в БТС она отмечается знаком ●).

Итак, исторически слово *башмаки* не имело значения ‘тяжелая обувь’, а использовалось по отношению к такому виду обуви, который сейчас называется словом *туфли*, и поэтому использовалось в сочетаниях типа *бальные башмаки*.

Однако этой информации оказывается недостаточно, чтобы ответить на поставленные выше вопросы. Необходимо, во-первых, расширить круг лексем и рассмотреть эти слова на фоне всей лексико-семантической группы, чтобы определить их точную денотативную отнесенность, во-вторых, сделать то же самое для соответствующей группы лексем эстонского языка, чтобы сравнить объем семантики русских и эстонских слов и найти наиболее точные эквиваленты.

Дефиниции толковых словарей позволяют вычлени в семантике лексем данной группы дифференциальные семантические признаки, на основании которых можно сравнить объем значений эстонских и русских лексем. Анализ толкований¹ слов *king, poolsaabas, saabas, tuhvel* и др., с одной стороны, и слов *башмаки, ботинки, полуботинки, сапоги, туфли* и др., с другой, приводит нас к списку дифференциальных признаков в семантике слов данной группы в эстонском и русском языках².

1. Общим для эстонского и русского языков (и поэтому наиболее существенным) оказывается семантический признак ‘высота обуви относительно щиколотки’ (иначе этот признак можно сформулировать как ‘наличие / отсутствие голенища’). По этому признаку в эстонском языке противопоставлены *king* (ниже щиколотки³) и *saabas* (выше щиколотки). В русском противопоставляются *туфли* (ниже щиколотки) и *сапоги* (выше). Промежуточное положение занимают *ботинки* и *башмаки*: они скорее закрывают щиколотку, однако считаются невысокой обувью, так как не имеют *голешиц*⁴. В эстонском наиболее близким значением обладает слово *poolsaabas*, которое, однако, отличается от русских распространенностью — в современном языке оно почти не употребляется.

2. Признак ‘наличие шнуровки / застежки’ работает в русском языке и не является смыслообразительным в эстонском. Так, шнуровка обязательна для *ботинок, башмаков*, но ее нет у *сапог*. Отсюда обувь с голенищем и шнуровкой в русском языке называется *высокими ботинками* (не *сапогами*), без шнуровки с не очень высоким голенищем — *полусапожками*. Таким образом, эстонскому слову *saabas* может

---

¹ Учитывались толкования из толковых словарей (EKKSS, VESS; MAC, БАС, СРЯ 1891–1916) и словарей синонимов (SS; ССинРЯ).

² В предлагаемом анализе учитываются **прототипические** денотаты соответствующих слов.

³ Ср.: *king* — ... *ei ulatu pahkluuist kõrgemale* [EKKSS II, 2: 281].

⁴ Ср.: *ботинки* — *разновидность невысокой, не имеющей голенищ ... обуви* [БАС I: 592].

соответствовать четырем русским эквивалентам: *ботинки, башмаки, полусапожки, сапоги*.

3. Признак 'домашняя / уличная (обувь)'. Необходимо учесть, что русские слова *башмак, ботинок* называют исключительно уличную обувь, поэтому приведенный выше перевод *башмак* — *tuhvel* является ошибочным.

Последний признак является факультативным и дифференцирует семантику лишь нескольких слов группы (в обоих языках).

4. Семантический признак 'тяжелая / легкая обувь' различает синонимы *башмаки* и *ботинки*: первые скорее тяжелые, для вторых это несущественно.

Такой анализ позволяет выявить денотативное значение слов рассматриваемой группы. Поскольку объем значений эквивалентов пересекается, но не совпадает полностью, в словарной статье необходима семантизация:

1) внимание эстонского пользователя надо обратить на признак 'наличие шнуровки';

2) внимание русского пользователя — на нерелевантность этого признака и на то, что значение эстонского эквивалента шире.

Семантический анализ показывает денотативную (иначе — абсолютную) ценность значения слова, которая в словарной статье должна дополняться сведениями из области относительной (стилистическая характеристика слова, мотивированность, частотность, способность к синонимии и т. п.) и сочетательной ценности¹. Обобщая все эти сведения, получаем примерно такие словарные статьи:

БОТИНКИ

(*lühema säärega, paeltega*)

высокие ботинки
защитные ботинки
горные / лыжные / слаломные / футбольные ботинки

SAAPAD,

poolsaapad *малоупотр.*

saapad (*paelttega*)
turva saapad
mäesaapad, suusasaapad, slaalomisaapad, jalgpallisaapad

vrđ башмаки

БАШМАКИ

1. (*paksu tallaga*)

деревянные башмаки
// kõnek. (*грубая, неудобная обувь*)

2. *van.* (*туфли*)

бальные башмаки

SAAPAD,

kingad *контекст[уальный эквивалент]*

puukingad
rohmakad saapad; разг. kotad

ballikingad

vrđ ботинки

¹ Понимание значения слова как трехчленной идеальной структуры по [Морковкин 1984-б: 23].

Итак, если исходить из положения, что любые два синонима различаются хотя бы по одной из трех составляющих значения: по его денотативной, относительной или сочетательной ценности (разумеется, эти составляющие могут комбинироваться), то можно получить удобный инструмент различения синонимов и в двуязычном словаре.

3.2. Коннотация в двуязычном словаре

Еще один параметр, отражающий системные связи слова и требующий словарной фиксации, — это коннотативный компонент лексической семантики. Понятие коннотации вошло в научный обиход в XIX в. и первоначально было распространено в логике. При этом уже тогда *коннотация* противопоставлялась *денотации*. И хотя позднее в лингвистике термин «коннотация» получает несколько иное наполнение, это противопоставление до сих пор остается основным критерием, по которому вычленяется коннотативное содержание значения слова. В лингвистике к коннотации относят все дополнительные семантические элементы значения слова — то, что остается после вычитания из значения слова его денотативного (предметно-понятийного) содержания; причем сюда разными лингвистами относятся такие компоненты как:

1. историко-культурные — например, слово *береза* для носителя русского языка обладает такими семантическими ассоциациями, которых у этого слова нет в немецком, английском и др. языках¹;

2. коммуникативно-ситуационные (по Г. Н. Складневской²) — например, использование слов типа *лодырь* возможно только в разговорном стиле речи и сигнализирует о том, что говорящий находится на одной ступени со слушающим или выше его;

3. экспрессивно-оценочные, например: *намалеваться* — *разг. накраситься* <денотативное значение> + *говорящий считает, что это плохо* <коннотативное значение>.

Очевидно, что наиболее внешним по отношению к языку оказывается первый из перечисленных типов коннотаций, который предпочтительнее было бы называть *семантическими ассоциациями*³, связанными в сознании носителей языка с определенным словом. Этот тип значений традиционно рассматривался, например, при преподавании иностранного языка как лингвострановедческий компонент в значении слова. Что касается

---

¹ Такие ассоциации отнюдь не всегда ограничены рамками одного языка, ср., например, историко-культурный «ореол» слов типа *фашист*.

² См. [Складневская 1995: 65].

³ В данном случае речь идет об ассоциациях узуальных, релевантных для подавляющего большинства носителей языка, а не об индивидуальных ассоциациях, диапазон которых необъятен.

фиксации в словаре, то первая попытка последовательного описания семантических ассоциаций (и историко-культурных моментов в семантике слова) была предпринята в «Толково-комбинаторном словаре» И. А. Мельчука, А. К. Жолковского (1989). Но, во-первых, этот словарь является одноязычным толковым, во-вторых, хоть он и создавался как словарь активного типа, адресован он в первую очередь лингвисту, а не обычному пользователю.

Экспрессивно-оценочные компоненты лексического значения фиксируются, как правило, также при помощи помет (типа *неодобр.*, *ласк.* и т. п.). Однако, поскольку эта часть значения нередко занимает большое место в семантике слова и определяет его употребление в том или ином контексте, логичным представляется ее семантизировать, то есть включать в толкование слова. Перечисленные способы фиксации коннотативного компонента значения представлены в толковых словарях одного языка. Очевидно, что они должны найти отражение и в двуязычных словарях.

Стилистические аспекты слова описываются как в толковых, так и в двуязычных словарях при помощи системы стилистических помет, ср.:

eraldi 1. отдельно <...> дом стоит на отшибе *kõnek*¹ [EVS I: 500]
juuksur парикмахер, парикмахерша *kõnek*, цирюльник *van* [EVS I: 920]

На первый взгляд, пометы типа *kõnek* достаточны для того, чтобы читатель словаря, не владеющий русским языком, смог выбрать правильный вариант перевода. Однако это не всегда так. Например, в современном русском языке большинство наименований женщин, образованных при помощи суффикса *-u(a)*, обладают некоторой пренебрежительной окраской. Поэтому слово *парикмахерша* в русском языке не просто имеет разговорную окраску: употребленное в присутствии объекта именованного (самого парикмахера) оно, скорее всего, будет воспринято как грубое. Хотя в русском просторечии слово *парикмахерша* не обязательно воспринимается как грубое, составитель словаря, как представляется, должен помнить и о том, что в определенных случаях использование подобных лексем может привести к нарушению этикета.

Можно уверенно утверждать, что двуязычный словарь активного типа должен содержать описание всех коннотативных элементов семантики слова. При этом важно понимать, что **отражаться должна коннотативная составляющая для слов языка как левой, так и правой части**. Носителю языка левой части коннотативный компонент слов правой части надо учесть при порождении текста, а пользователю, носителю языка правой части, коннотации слов левой части надо знать для адекватного понимания текста на неродном языке или для правильной оценки ситуации

---

¹ Пометы *kõnek* = *разг.*, *van* = *уст.*

общения. Особенно наглядно это проявляется при подаче синонимов в двуязычных словарях.

В качестве примера рассмотрим пару синонимов: *голый* – *нагой*. В эстонском языке также имеется пара синонимов *paljas* – *alasti*, которые, однако, распределяют семантическую и стилистическую область не совсем так, как русские. Если мы обратимся к двуязычным словарям, то окажется, что в словарных статьях не содержится рекомендаций относительно их употребления, там лишь приводятся некоторые словосочетания (речения), демонстрирующие возможную сочетаемость этих слов:

гол/ый *paljas*, *alasti* (*ka ülek.*); *lage*; ~ый ребенок *alasti v paljas laps*, ~ая шея *paljas kael*, спать на ~ом полу *paljal põrandal magama*, ~ые факты *paljad v pelgad tõigad*, ~ый провод *el. paljasjuhe*, ~ая истина *alasti tõde*, ~ый верховик *lageraba*, ~ые деревья *gaagus puud*, ~ая зима *lumeta v must talv*, ~ый электрод *katteta elektrood* <...> [VES I: 454]

наг/ой *liter. alasti*, *ihualasti*, *paljas*, *lage*; ~ое тело *alasti v paljas keha*, ~ая истина *alasti tõde*, ~ая местность *lage maastik*, ~ие деревья *gaagus v (lehtedest) paljad puud*, наг и бос *puupaljas* [VES I: 185–186]

alasti 1. голый *ka piltl*, нагой *ka piltl*, обнаженный; ~ *laps* голый ребенок; ~ *inimesed* голые *v* нагие *v* обнаженные люди; ~ *keha* голое *v* обнаженное тело; ~ *puud* голые *v* нагие деревья; ~ *kaljud* голые скалы; ~ *tõde* голая *v* нагая истина; ~ *faktid* голые факты [EVS I: 193]

Как видно из приведенных статей, словари не дают информации, которая помогла бы пользователю, не владеющему языком правой части, установить, чем различаются данные синонимы. Особенно неудачной представляется подача этих лексем в последнем примере: прилагательные перечисляются без каких-либо комментариев¹ (ср.: *голые v нагие v обнаженные*), что читателем может быть истолковано как признание их полной взаимозаменяемости в любых контекстах. Без комментариев оставлены примеры *голые v нагие деревья* и *голая v нагая истина*, хотя сочетание *нагие деревья* воспринимается как поэтическое, см. об этом, например, в [НОСС: 55]. В контекстном примере **нагая истина* наблюдается нарушение лексической сочетаемости (ср. *голая правда*, но *?голая истина*).

В целом синонимы *голый* – *нагой* не являются взаимозаменяемыми. Они имеют тонкие различия на уровне денотации, ср.: «**нагой** подчеркивает, что нормально носимая одежда в данном случае снята, между тем как **голый** может описывать и ситуацию, когда нормально одежда не носится: человек рождается **голым**, а не **нагим**» [НОСС: 54]. Прилагательное же *обнаженный* и вовсе имеет особое значение, не совпадающее с семантикой слов *голый* – *нагой*: оно употребляется «только тогда, когда <...> обнажение произведено п р е д н а м е р е н н о» [там же]. Соответст-

¹ Ср., во втором примере для *нагой* хотя бы дается помета *liter.*

венно наблюдаются различия и на коннотативном уровне, который, в свою очередь, имеет выход в прагматику.

Так, прилагательное **голый**:

- ◇ почти не имеет ограничений в сочетаемости, это «слово широкого употребления» [ССинРЯ I: 244],
- ◇ относится к нейтральному стилю (или тяготеет к разговорному),
- ◇ допускает переносное употребление (*голые поля, голые факты*),
- ◇ может употребляться в негативно окрашенных контекстах (ср.: *раздражает то, что он голым ходит по пляжу*) и т. д.

И, напротив, **нагой**:

- ◇ используется не во всех контекстах, «употр. реже и имеет несколько приподнятый характер» [ССинРЯ I: 244],
- ◇ относится к книжному (или высокому) стилю, ср.: в НОСС для него приводится помета *высок*. [НОСС: 53],
- ◇ переносное употребление или невозможно (ср.: **нагие факты*), или встречается в поэтической речи (ср.: *нагие скалы*),
- ◇ не употребляется в негативно окрашенных контекстах (ср.: *?раздражает то, что он нагим ходит по пляжу*) и т. д.

Можно продемонстрировать это, обратившись к литературным цитатам. У М. Булгакова находим:

*Финдиректор отчаянно оглянулся, отступая к окну, ведущему в сад, и в этом окне, заливаемом луною, увидел прильнувшее к стеклу лицо **голой** девицы и ее **голую** руку, просунувшуюся в форточку и старающуюся открыть нижнюю задвижку (Булгаков¹ 1991: 528).*

*Так вот в этой ванне стояла **голая** гражданка, вся в мыле и с мочалкой в руках (Булгаков 1991: 424).*

В приведенных контекстах имеется целый ряд наименований бытовых предметов (*форточка, задвижка, ванна, мыло, мочалка*) и разговорных слов (*гражданка, девица*), которые препятствуют² использованию слова, которое «имеет несколько приподнятый характер». Ср., Маргарита описывается иначе:

***Нагая** и невидимая летунья сдерживала и уговаривала себя, руки ее тряслись от нетерпения (Булгаков 1991: 606).*

В данном случае прилагательное *нагой* описывает положительный персонаж, выражает симпатии самого автора романа, подчеркивает романтиче-

---

¹ Здесь и дальше цит. по: М. Булгаков. *Пьесы. Романы*. М., 1991.

² Сочетание бытовой и возвышенной тем, конечно, возможно, но обычно оно воспринимается как оксюморонное.

скую окраску образа Маргариты. Важно также, что такая дифференциация коннотативного содержания синонимов в основном сохраняется и в их производных (*обнаженный – оголенный, донага – догола*¹). Исключение составляют производные наречия *нагишом – голышом*, которые не сохраняют эти различия (по-видимому, под влиянием суффикса *-ыш/ом*, придающего слову разговорный оттенок).

Очевидно, что носитель русского языка владеет имплицитными знаниями относительно различий между словами *голый* и *нагой*, и когда пользуется ими делает выбор с определенной прагматической целью. Впрочем, если предположить, что цель может говорящим не ставиться или не осознаваться, прагматический эффект от выбора одного из двух синонимов сохраняется. В применении к двуязычному словарю вопрос заключается в том, как сделать эту информацию доступной для эстонского пользователя (и, наоборот, как показать русскому пользователю специфику пары синонимов *paljas – alasti*).

4. Функциональные связи слова в словарной статье двуязычного словаря

Приведенные ниже фрагменты словарных статей для слов *paljas* и *alasti* (статья для *alasti* — в конце раздела) представляют собой попытку применить на практике перечисленные в диссертации принципы и сделать доступной для обоих типов пользователей лингвистическую информацию относительно лексем двух языков: их синтагматические, парадигматические и деривационные связи, а также стилистическую характеристику.

Предлагаемые статьи представляют собой фрагменты лексикографического описания лексико-семантической группы: не показанными остались все переносные значения слов *голый* (7 значений по БТС) и *paljas* (3 значения с большим числом подзначений по ЕККСС), а также почти вся фразеология и сведения грамматического уровня.

---

¹ Ср.: *Сегодня вечером, ровно в половину десятого, потрудитесь, раздевшись донага, натереть этой мазью лицо и все тело* (Булгаков 1991: 597).

PALJAS > paljaks 'догола'	
1. <i>katmata</i>	ГО́ЛЫЙ, обнажённый, непокрытый, открытый
2. <i>varanduseta</i> (<i>перен.</i>)	бе́дный, нищий
<i>см. также синоним ALASTI</i> <i>vrd ka sünonüümiga</i> НАГО́Й	

1. (<i>katmata</i>)	ГО́ЛЫЙ / ОБНАЖЁННЫЙ (<i>paljastatud; kirjak.</i>)
paljas laps	го́лый ребёнок
paljad inimesed	го́лые / обнажённые люди
	> ГО́ЛЕНЬКИЙ <i>hellitavalt või väikese lapse kohta</i>
paljas beebi	го́лый / го́ленький ма́лыш (<i>hellitavalt</i>)
(<i>kehaosade kohta</i>)	ГО́ЛЫЙ / ОБНАЖЁННЫЙ (<i>kirjak.</i>) / ОТКРЫ́ТЫЙ / НЕПОКРЫ́ТЫЙ (<i>ainult pea kohta</i>)
paljad pahkluud	го́лые лоды́жки
paljas keha	го́лое / обнажённое те́ло
paljas kõht	го́лый / обнажённый живо́т
paljaste rindadega	с го́лой (<i>pigem kõnek.</i>) / с обнажённой / с откры́той гру́дью
palja kaelaga	с го́лой / с откры́той ше́ей
palja peaga	с непокры́той голово́й
Viktor astus palja jalaga klaasikillu peale.	Ви́ктор го́лой ного́й наступи́л на оско́лок стекла́.
(<i>muude olendite, asjade kohta</i>)	ГО́ЛЫЙ
paljad linnupojad	го́лые птенцы́
paljas maa	го́лая земля́
magas paljal põrandal	спал на го́лом полу́
// (<i>без верхней одежды или обуви; перен.</i>)	В ОДНО́М / В ОДНО́Й / В ОДНИ́Х
palja kleidiga	в одно́м пла́тье
paljaste sukkadega	в одних чулка́х
2. (<i>varanduseta</i>)	бе́дный, нищий
paljas / vaene kui kirikurott	бе́ден / нищ как церко́вная кры́са / мышь
Rikas ta pole, aga päris paljas ka mitte.	Он не бога́т, но и не совсе́м уж нищ.

Прописными буквами в статье даются слова, которые можно считать основными межъязыковыми соответствиями. В синопсисе через запятую и строчными буквами приводятся те соответствия, реализация которых ограничена контекстуально (семантически, лексически или стилистически).

В целом же порядок прочтения такой статьи разными пользователями можно представить следующим образом.

1. Пользователь, для которого родным является язык правой части. Русский пользователь, обратившийся к эстонско-русскому словарю, может рассматриваться как пользователь «пассивного» типа, так как чаще всего такое направление свидетельствует о необходимости понять эстонский текст. Какую информацию он получит, прочитав приведенную выше статью?

а) На «входе» в статью после заголовочного слова приводятся сведения о его производной форме *paljaks* с толкованием на русском языке ('догола') и о наличии синонима, слова *alasti*. Такие ссылки показывают читателю ближайшие связи заголовочного слова, место его во фрагменте лексической системы. Сведения, касающиеся функционирования этих двух слов пользователь получит в соответствующих словарных статьях.

б) После «входа» пользователь видит в левой части статьи филиацию (цифрами отмечены значения, знаком // оттенки значения). Толкования значений не переводятся на русский язык, так как их функцию выполняет русский эквивалент в правой части. На русском языке семантизируется только оттенок значения (*без верхней одежды*), который не имеет лексического соответствия в русском. Семантизация здесь необходима, так как предлагаемое русское соответствие (*в одних*) многозначно.

в) Помета, свидетельствующая о том, что разные значения эстонского слова являются переносными, приводится также по-русски, так как эта информация важна, в первую очередь, для русского пользователя.

г) Зона экземплификации для русского пользователя важна тем, что из примеров к 1-му значению он понимает, что «языковое поведение» эстонского *paljas* и русского *голый* похоже, но не во всем. О различиях свидетельствуют примеры за знаком // и те, которые относятся ко 2-му значению.

2. Пользователь, для которого родным является язык левой части. Пользователь-эстонец в данном случае понимается как пользователь «активного» типа, поскольку его «максимальная» цель в направлении эстонский язык > русский язык заключается в порождении текста на русском языке. Словарная статья позволяет ему узнать следующее.

а) Русское соответствие *голый* является не единственно возможным (через запятую перечисляются синонимичные лексемы), причем в качестве первого не основного соответствия приводится диминутив *голенький* с комментарием на эстонском языке. Все остальные эквиваленты также сопровождаются комментариями на эстонском языке, так как они нужны эстонскому пользователю. Заголовочное слово также снабжено отсылкой к производному *догола*.

б) Значения эстонского заголовочного слова толкуются по-эстонски, чтобы пользователь-эстонец знал, какое из значений переводится на русский язык. Поскольку оттенок первого значения (*без верхней одежды*),

эстонский пользователь понимает из приведенных за знаком // контекстов, постольку здесь толкование не приводится.

в) Некоторые из приведенных примеров использования слова *голый* в контексте имеют «дидактическую» направленность. Так, одной из типичных ошибок эстонца, говорящего по-русски, является использование творительного падежа с предлогом *с* тогда, когда реализуется *инструментальное* значение (*резать *с ножом*); примеры, в которых предлог *с* обязателен и в которых он не используется в статье сознательно помещены рядом¹.

Кроме названных особенностей в статье также использованы следующие приемы.

1. **Язык метаописания максимально приближен к естественному**, не используются никакие способы формализованного описания (например, лингвистические символы), которые могли бы быть понятны только людям со специальной подготовкой.

2. **Семантизация и стилистические пометы** (если они относятся к одному слову и нужны одному пользователю) **объединяются**, так как читателю удобно видеть их рядом, ср.: *обнажённый (paljastatud; kirjak.)*².

3. Особое внимание уделено такому параметру, как **формат статьи**. Иначе говоря, все приемы технического оформления текста используются с определенной целью:

а) Размещение эстонской и русской лингвистической информации параллельно, двумя колонками, позволяет наблюдать отношения между языковыми единицами, сложившиеся внутри каждого из языков, и легко находить разные значения заголовочного слова и их соответствия в другом языке.

б) Прописные буквы обращают внимание на основные соответствия к разным значениям заголовочного слова.

в) Курсив (в сочетании с пегитом) всегда свидетельствует о том, что данная информация относится к метаописанию.

Аналогичным образом оформляется и статья для синонима *alasti*, ср.:

---

¹ Кстати говоря, те же примеры важны и для русского пользователя, так как они предупреждают типичную ошибку русских, добавление окончания *-ga* к прилагательному, сочетающемуся с существительным (тогда как в эстонском языке это окончание в таких сочетаниях прибавляется только к существительным).

² Где *«paljastatud; kirjak.»* = «оголенный; книжное».

ALASTI	
1. <i>rõivasteta</i>	НАГО́Й, обнажённый, го́лый
2. <i>kaunistamata, varjamata</i> (перен.)	неприкра́шенный, неприкры́тый, го́лый
<i>см. также синоним PALJAS</i>	

1. (<i>rõivasteta</i>)	НАГО́Й (<i>pigem kõrgstiilis</i>) / ОБНАЖЁННЫЙ (<i>paljastatud; kirjak.</i>) / ГО́ЛЫЙ (<i>pigem kõnek.</i>)
alasti inimesed	нагие / обнажённые люди
saunas on kõik alasti	в ба́не все го́лые
<i>kunst. akt</i>	<i>в изобр. иск. обнажённая натура</i>
end alasti võtma	ДОНАГА́ <i>kõrg.</i> разде́ться донага́
<i>см. также PALJAS</i>	<i>vrđ ka kõnek. sünonüümiga ДОГОЛА́</i>
// (перен. лишенный растительности)	НАГО́Й (<i>rooet.</i>)
alasti puud	нагие дере́вья
alasti mets	нагой лес
alasti kaljud	нагие утёсы
// (перен.)	ГО́ЛЫЙ
rippus laest alasti pirn	с потоло́ка свиса́ла го́лая ла́мпочка
2. (<i>kaunistamata, varjamata</i>)	НЕПРИКРА́ШЕННЫЙ (<i>kaunistamata</i>), неприкры́тый (<i>katmata; ülek.</i>), го́лый (<i>ülek.</i>)
Tuli seista alasti faktidega silm silma vastu.	Пришлось оста́ться один на один с неприкра́шенными / го́лыми фактами.
Igast toanurgast vahib vastu alasti vaesus.	Из ка́ждого угла́ ко́мнаты гляди́т неприкры́тая бе́дность.

Приведенные примеры статей, как уже было сказано, не претендуют на полноту, однако позволяют оценить те возможности, которые открываются перед лексикографом.

* * *

Конечно, ни в разделах, посвященных разновидностям языковых связей слова, ни в приведенных примерах словарных статей, невозможно было исчерпать или хотя бы перечислить все функционально значимые аспекты существования слова, с которыми сталкивается носитель языка или человек, изучающий иностранный язык, и которые должен уметь анализировать и лексикографировать автор двуязычного словаря.

Основная цель данной главы диссертации заключалась в том, чтобы обратить внимание на те функционально значимые связи слова, которые может быть, или недостаточно учитываются в двуязычной лексикографии

(деривационные отношения), или могут быть в большей степени структурированы (синтагматические отношения), или требуют более основательной экспликации (парадигматические отношения).

Другая задача, попытка решения которой была здесь предпринята, относится к области металексикографии: как лексикограф может эксплицировать в двуязычном словаре те сведения, которые он получил в результате анализа языкового материала. Основные металексикографические принципы можно обобщить следующим образом.

1. При разработке **синтагматических** связей слова необходимо руководствоваться не столько собственно синтаксическими критериями (то есть показывать «грамматическую» сочетаемость слова), сколько содержательными, семантическими. Так, деление сочетаний на те, которые входят в зону собственной сочетаемости слова и те, которые относятся к области несобственной сочетаемости, позволяет отразить в словарной статье семантически наиболее необходимые (востребованные) словосочетания, на фоне которых полностью проявляется и синтаксическая сочетаемость слова. Последний синтагматический параметр, который должна показать зона синтагматики, — ограничения на уровне лексической сочетаемости.

Собственно говоря, такой порядок анализа сочетаемости слова позволяет двигаться от наименее специфических в языковом плане параметров к самым идиоматичным. Ср., в области семантики, если понимать ее как отражение предметно-логических связей, может встретиться достаточно много явлений, общих для двух языков (особенно, например, близких территориально). В области «грамматического поведения» лексемы наблюдается гораздо больше специфических черт (особенно, если языки не являются родственными). И самый непредсказуемый и трудно усваиваемый аспект комбинаторики слова — лексическая сочетаемость.

2. **Деривационным** связям слов в двуязычных словарях, как правило, почти не уделяется внимания, тогда как этот аспект очень важен для понимания системы неродного языка, и, следовательно, в интересах пользователя должен быть эксплицирован в словаре.

Лексикограф должен помнить не только о таких общеизвестных фактах, как несовпадение словообразовательной системы русского и эстонского языков, но и о том, что, восстановив словообразовательную структуру слова, которое на данном этапе развития языка понимается как мотивированное, можно узнать, например, какое представление положено в основу номинации¹. Для двуязычного словаря преимущество эксплицированной словообразовательной структуры слова еще и в том, что она помогает различать синонимы и близкозначные слова, выгодно дополняя область толкования.

---

¹ Ср., в русском языке *глазное яблоко*, в эстонском — *silmamuna* ‘глазное яйцо’.

При этом всегда надо помнить и о том, что пользователь может быть не способен самостоятельно оценить структуру производного слова, вообще понять, что имеет дело со словом, обладающим внутренней формой. Так, например, эстонскому пользователю сложно понять структуру русского производного в силу диффузности русских аффиксов, а для русского пользователя далеко не всегда оказывается очевидной граница между двумя (и более) основами эстонского сложного слова. Таким образом, решая вопрос о включении или «невключении» в двуязычный словарь того или иного производного, о показе или «непоказе» его структуры, лексикограф не может апеллировать к прозрачности словообразовательной структуры, регулярности словообразовательного типа или предсказуемости значения: он должен думать о том, насколько все это очевидно / неочевидно для носителя другого языка.

3. Относительно **парадигматических** связей слова можно сказать, что самое важное — эксплицировать их в двуязычном словаре максимально полно. Незаменимым инструментом такой экспликации оказывается лингвистическое описание в словарной статье и развитая медиаструктура словаря.

Лингвистическое описание позволяет рассказать пользователю о семантических и стилистических различиях в значениях синонимов. Возможность перехода в комментариях с одного (естественного) языка на другой позволяет дифференцировать информацию по степени значимости для одного из пользователей (активного или пассивного). Развитие медиаструктуры с точки зрения расширения аппарата внутрисловарных ссылок позволяет демонстрировать и сопоставлять не отдельные слова, а фрагменты лексических систем.

В целом все сказанное и показанное в данной главе направлено на доказательство возможности существования двуязычного словаря, который:

а) совмещает две задачи — пассивное использование неродного языка (понимание текста) и активное использование неродного языка (порождение текста),

б) учитывает двух пользователей — того, который владеет языком левой части, и того, который владеет языком правой части.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обсуждаемые на страницах настоящей диссертации языковые явления и способы лексикографирования лингвистической информации лишней раз свидетельствуют о необычайной сложности работы над двуязычным словарем.

По меткому выражению Владимира Григорьевича Гака, «лексикограф, как и автор учебника, <...> выступает как посредник между обществом — коллективным носителем речи — и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу» [Гак 1977: 12]. Таким образом, создавая свой труд, автор словаря, с одной стороны, представляет себе область потенциальных интересов и нужд своего читателя, а с другой стороны, видит больше и дальше — знает, например, в чем и как читатель может ошибаться. Чтобы словарь мог выполнить поставленные перед ним задачи, автор осуществляет многоаспектный лингвистический поиск и анализ, обобщает и сравнивает полученную информацию, решает проблему экспликации всего объема необходимых сведений. Вся история лексикографии свидетельствует о желании оптимизировать соотношение собственно лингвистической информации и способов ее представления в словаре.

Что же можно сделать, кроме того, что уже сделано? В каком направлении может развиваться двуязычная лексикография? Предложенные на предыдущих страницах ответы на эти и другие вопросы, вне зависимости от того, как они могут пониматься читателем (как размышления по поводу или как рекомендация к действию), представляли собой попытку найти новые пути в сложном деле создания двуязычного словаря.

Перечислю некоторые принципы, которые, как кажется, могут стать основными ориентирами в работе двуязычного лексикографа.

1. Двуязычный словарь является такой особой книгой, читательский адрес которой имеет большое значение. Понимание этого, в частности, привело лексикографию к различению активного и пассивного типов словарей. Пользователь словаря настолько важен, что лексикограф, так или иначе, постоянно должен задаваться вопросами: владеет его пользователь определенной языковой информацией или нет, поймет или не поймет читатель то, что сообщает ему лексикограф, и т. д.

Представить себе обобщенного пользователя двуязычного словаря довольно сложно: один является носителем языка левой части, другой — правой; один только что начал изучать неродной язык, другой — изучает давно и, например, имеет филологическое образование; третий — профессиональный переводчик, тонко чувствующий языковые нюансы, и т. д.

Все это приводит нас к мысли, что с точки зрения пользователя **в двуязычном словаре никакая языковая информация не избыточна** (ни на каком этапе обработки слова нельзя рассчитывать на то, что «носитель и так это знает»).

2. Отсюда следующий вопрос: каковы могут быть те принципы, которыми может руководствоваться автор словаря при отборе языковой информации. С одной стороны, очевидно, что они должны быть не столько формальными, сколько содержательными. С другой стороны, критерий такой содержательности можно найти в самой ситуации сопоставления языков: **в двуязычный словарь должно включаться все, что является непредсказуемым с точки зрения второго из пары сопоставляемых языков.**

Не все, однако, можно увидеть и показать сквозь призму сопоставляемого языка. Если представить себе, что пользователь, открывая двуязычный словарь, надеется получить такие указания, которые приблизят уровень его лингвистической компетенции к той, которой обладает носитель языка, становится понятно следующее. При всей компаративности двуязычного словаря **он должен быть способен показать языковую систему изнутри**, так, как она видится носителю. И хотя идея экспликации в словаре всех языковых связей слова может казаться утопичной, это не отменяет необходимости их разработки.

3. Ориентация на показ в двуязычном словаре всех внутриязыковых связей слова способствует пониманию того, насколько **недопустим произвольный отбор лингвистической информации.** Каждую языковую единицу надо проверять на актуальность таких ее внутриязыковых связей, которые отражают системность языка. Учитываться должны не только такие «бросающиеся в глаза» аспекты, как комбинаторика лексемы и ее стилистическая характеристика (хотя и они далеко не всегда достаточно эксплицированы в словаре), но и, например, деривационные связи слова. Последний аспект, почти не представленный в современных двуязычных словарях, не может быть «забыт», так как он входит в багаж языковых знаний носителя языка. А если мы все же хотим рассказать тому, кто не владеет данным языком, о том, что знает носитель этого языка, то обязаны сообщить и о словообразовательной системе языка (тем более, когда речь идет о таких словообразовательно богатых, но различающихся языках, как эстонский и русский).

4. Стремление к расширенному показу внутриязыковых связей слова относится к обоим сопоставляемым в словаре языкам. Только путем такого анализа каждой лексической единицы можно реализовать принцип, согласно которому **сопоставляться должны не отдельные слова двух языков, а фрагменты лексических систем этих языков.** Такой подход позволяет добиться решения еще одной важной задачи — задачи по **объединению двух типов словарного описания (активного и пассивного) в одном словаре.**

5. И последнее, о чем следует еще раз напомнить, касается важности такого параметра лексикографического описания как его **структура**. Каждая, самая незначительная, ее деталь может способствовать достижению поставленных задач.

5.1. Язык металексикографического описания (язык помет, толкований, отсылок и т. п.) должен быть понятен читателю, потому что это как раз то место, в котором лексикограф может напрямую обратиться к своему пользователю. Поэтому язык описания должен быть тем самым языком, на котором говорит читатель. Следовательно, **система помет, толкований, отсылок и т. п. в двуязычном словаре должна быть также двуязычной.**

5.2. Роль языковой **иллюстрации** в двуязычном словаре предельно важна, поэтому, приводя примеры употребления слова, автор словаря не собственно *иллюстрирует* какие-либо значения и сочетаемость слова, а **информирует пользователя об особенностях семантики и сочетаемости слова.** Поэтому и отбор примеров в двуязычном словаре не может быть случайным, он должен опираться на такие лингвистические параметры, как собственная и несобственная сочетаемость слова, его синтаксическая, семантическая и лексическая сочетаемость.

5.3. Развитие медиаструктуры с точки зрения расширения аппарата внутрисловарных ссылок также позволит демонстрировать и **сопоставлять не отдельные слова, а лексических систем.**

СЛОВАРИ И ЛИТЕРАТУРА

СЛОВАРИ

- АРСТЭ — А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. *Англо-русский словарь-справочник табуизированной лексики и эвфемизмов: ок. 10 000 слов и выраж.* М.: «КОМТ», 1993. 304 с.
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. В 17-ти т. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950–1965.
- БСЖ — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. *Большой словарь русского жаргона*. 25 000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. СПб.: «Норинт», 2000.
- БСЭ — *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. Т. 1–30. М.: «Советская энциклопедия», 1970–1978.
- БТС — Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: «Норинт», 2001.
- VEM — V. Muhel. *Vene-eesti sõnaraamat*. 4. tr. Tln.: „Valgus“, 1967.
- VES — *Vene-eesti sõnaraamat*. 2., par. trükk. K. 1.–2. = *Русско-эстонский словарь*. 2-е изд., испр. Т. 1.–2. Tln., 2000.
- VESS — *Vene-eesti seletav sõnaraamat*. Tln., 2001.
- VEÕS — E. Vaigla, L. Simm, H. Pärn, H. Kubo. *Vene-eesti õppesõnastik*. 3. tr. Tln.: „Koolibri“, 1992.
- ГСЗ — А. А. Зализняк. *Грамматический словарь русского языка*. М.: «Русский язык», 1980.
- DEuph — R. W. Holder. *A Dictionary of Euphemisms*. Oxford University Press, 1995. 470 p.
- EKKSS — *Eesti kirjakeele seletussõnaraamat*. Tln.: Eesti Keele Instituut, 1988– .
- EVS — *Eesti-vene sõnaraamat*. = *Эстонско-русский словарь*. К. 1.– . Tln., 1997– .
- Картинно-ситуативный словарь 1988 — Ю. В. Ванников, А. Н. Щукин, А. П. Муштакова. *Картинно-ситуативный словарь русского языка (для иностранцев)*. М.: «Русский язык», 1988.
- Картинный русско-эстонский словарь 1962 — З. Н. Дормидонтова. *Картинный русско-эстонский словарь*. Таллинн: «Eesti Riiklik Kirjastus», 1962.
- Kuidas öelda I — А. Ыйм. *Kuidas öelda? I (kõneetikett) = Как это сказать? I (речевой этикет)*. Тлн., 1990.
- Лингвострановедческий словарь — М. А. Денисова. *Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР*. Под ред. Е. М. Верецагина и В. Г. Костомарова. М.: «Русский язык», 1978.
- MAC — *Словарь русского языка*. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1981–1984.
- MEDAL — *Macmillan English dictionary for advanced learners*. London: Macmillan, 2002.
- НОСС — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 1-й выпуск. М., 1997.

- НЭРИОС — О. Оттенсон. Новый эстонско-русский юридический словарь. Тлн.: «Agi Triada», 2007.
- НФРС — В. Г. Гак, К. А. Ганшина. *Новый французско-русский словарь*. 70000 слов. 2-е изд., испр. М.: «Русский язык», 1995.
- РФС — Л. В. Щерба, М. И. Матусевич. *Русско-французский словарь*. 50000 слов. 13-е изд., стер. М.: «Русский язык», 1990.
- РЭС — П. Арумаа, Б. Правдин, Й. В. Вески. *Русско-эстонский словарь*. В 2-х т. Тлн., 1975.
- СРЯ 1891–1916 — *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук*. 1891–1916.
- SS — Asta Õim. *Sõnonüümisõnastik*. Тлн., 1991.
- ССРЯ — А. Н. Тихонов. *Словообразовательный словарь русского языка*. в 2-х т. М.: «Русский язык», 1985.
- ССинРЯ — *Словарь синонимов русского языка*. В 2-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. М. «Астрель», «АСТ», 2001.
- СЭС — Советский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1982.
- ТКС — И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. *Толково-комбинаторный словарь*. Вена, 1989.
- УСС — *Учебный словарь сочетаемости слов русского языка*. Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М.: «Русский язык», 1978.
- ФРИС — А. Д. Колесникова, Л. М. Люльчак. *Французско-русский иллюстрированный словарь*. Около 4000 слов. М.: «Русский язык», 1977. 856 с.
- ФРСАТ — В. Г. Гак, Ж. Триомф, Т. Г. Соколова и др. *Французско-русский словарь активного типа*. 37000 слов. 2-е изд., испр. М.: «Русский язык», 1998. 1056 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесян 1984 — Ж. Г. Аванесян. Семантическая структура номенов и их лексикографическая обработка. *Отраслевая терминология и лексикография*. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж. С. 127–129.
- Актуальные проблемы 1977 — *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. Сост. В. А. Редькин. М.: «Русский язык».
- Алексеева 1978 — Э. В. Алексеева. Производные слова в толковом словаре русского языка для нерусских учащихся. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М. С. 120–123.
- Алекторова 1983 — Л. П. Алекторова. Отражение некоторых особенностей сочетаемости в толкованиях значений глаголов. *Современная русская лексикография*. 1981. Л. С. 34–47.
- Алектрова 1972 — Л. Г. Алектрова. Об оттенках значений лексических синонимов. *Синонимы русского языка и их особенности*. Л. С. 123–137.
- Аликаева, Соболева 1979 — Г. В. Аликаева, П. А. Соболева. Опыт построения словаря гнезд со связанными корнями (на материале русского и английского языков). *Переводная и учебная лексикография*. М. С. 281–301.
- Алимпиева 1986 — Р. В. Алимпиева. *Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы (на материале прилагательных-цветообозначений русского языка)*. Л.

- Антипенко, Копылова 1992 — Л. А. Антипенко, Е. В. Копылова. К проблеме создания словаря стереотипов обыденного сознания. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 10–11.
- Анюшкин 1984 — Е. С. Анюшкин. Два немецких государства — две системы научно-технической терминологии и их отражение в лексикографии. *Отраслевая терминология и лексикография*. Воронеж. С. 3–12.
- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М.: «Наука».
- Апресян 1995-а — Ю. Д. Апресян. *Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды, том II*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Апресян 1995-б — Ю. Д. Апресян. Теоретическая лингвистика и лексикография: к формальному описанию лексики. *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*. М. С. 3–10.
- Апресян, Жолковский, Мельчук 1969 — Ю. Д. Апресян, А. Жолковский, И. Мельчук. Об одном способе изучения сочетаемости слов. *Русский язык в национальной школе*. № 6. С. 61–71.
- Апресян В. 1995 — В. Ю. Апресян. Глаголы со значением природного процесса в интегральном лексикографическом описании (на примере глаголов *светиться*, *меркнуть* и *светить*). *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*. М. С. 11–33.
- Аракин 1977 — В. Д. Аракин. Лексическая сочетаемость как один из компонентов словарной статьи. *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. М. С. 245–254.
- Ахманова 1957 — О. С. Ахманова. *Очерки по общей и русской лексикологии*. М.: «Учпедгиз».
- Бабкин 1981 — А. М. Бабкин. Идиоматика и грамматика в словаре. *Современная русская лексикография*. 1980. Л. С. 5–43.
- Балаж 1972 — Я. Балаж. Синтагматизация и лексикализация (к теоретическим вопросам лексикологии и лексикографии). *Лексикология и лексикография*. М. С. 23–47.
- Бальвег-Шрамм, Шумахер 1983 — А. Бальвег-Шрамм, Г. Шумахер. Словарь глагольных валентностей на семантической основе. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 201–226.
- Бартков, Дуюнова 1984 — Б. И. Бартков, О. И. Дуюнова. Дериватология и дериватография терминосистем (на примере английской физической терминологии). *Отраслевая терминология и лексикография*. Воронеж. С. 67–75.
- Бендикс 1983 — Э. Г. Бендикс. Эмпирическая база семантического описания. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 75–107.
- Берков 1973 — В. П. Берков. *Вопросы двуязычной лексикографии*. Словник. Л.
- Берков 1977 — В. П. Берков. *Слово в двуязычном словаре*. Таллинн: «Валгус».
- Берков 1996 — В. П. Берков. *Двуязычная лексикография: Учебник*. СПб.
- Биржакова 1979 — Е. Э. Биржакова. К вопросу об источниках словаря языка XVIII в. *Вопросы практической лексикографии*. Л. С. 9–20.
- Богуславская 1995-а — О. Ю. Богуславская. Словарная статья местоимения *такой же*: анафорические лексемы в интегральном словаре. *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*. М. С. 44–61.

- Богуславская 1995-б — О. Ю. Богуславская. Словарная статья существительного *огурец*. *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*. М. С. 34–43.
- Бойко 1983 — А. А. Бойко. Сочетаемость с инфинитивом совершенного или несовершенного вида как разновидность управления. *Современная русская лексикография*. 1981. Л. С. 90–99.
- Большаков 2007 — И. А. Большаков. Большой электронный словарь словосочетаний и семантических связей в русском языке. *Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы*. М.: «МАКС Пресс». С. 615.
- Большаков и др. 1999 — И. А. Большаков, А. Ф. Гельбух, С. Н. Галисия-Аро. Электронные словари: для людей и компьютеров. Веб-ресурс: <http://www.gelbukh.com/CV/Publications/1999/Forum-Dicts-rus.htm> (Дата последнего просмотра: 14.06.2007)
- Брагина 1981 — А. А. Брагина. Синонимические отношения в лексике и словарная статья. *Современная русская лексикография*. 1980. Л. С. 54–61.
- Вайгла 1978 — Э. А. Вайгла. Об одном типе школьного двуязычного словаря. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М. С. 95–97.
- Василевич 1987 — А. П. Василевич. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте*. М.
- Вежбицкая 1999 — А. Вежбицкая. *Семантические универсалии и описание языков*. М.: «Языки русской культуры».
- Вежбицкая 2001 — Что значит имя существительное? (или Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?) А. Вежбицкая. *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. М. С. 91–133.
- Верещагин, Костомаров 1974 — Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Об учебном лингвострановедческом словаре безэквивалентной лексики. *Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам*. М. С. 79–109.
- Взаимодействие языковых единиц 1989 — *Взаимодействие языковых единиц и категорий в высказывании*. Тезисы осенней школы-семинара. Тлн.
- Виноградов 1977-а — В. В. Виноградов. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М. С. 243–264.
- Виноградов 1977-б — В. В. Виноградов. Толковые словари русского языка. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М., 1977. С. 206–242.
- Виноградова 1984 — В. Н. Виноградова. Лексическая сочетаемость в словаре и тексте. *Слово в грамматике и словаре*. М. С. 176–180.
- Вопросы исторической лексикологии 1974 — *Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков*. К 80-летию чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. М.
- Вопросы практической лексикографии 1979 — *Вопросы практической лексикографии*. Отв. ред. Р. П. Рогожников. Л.: «Наука».
- Вопросы семантики 1978 — *Вопросы семантики*. Сборник статей. Калининград.
- Вопросы сопоставительного исследования 1989 — *Вопросы сопоставительного исследования языков: лексико-грамматический и текстовый аспект*. Тлн.
- Вопросы сопоставительно-типологического 1993 — *Вопросы сопоставительно-типологического исследования разнотипных языков: общетеоретические и конкретные вопросы функциональной грамматики*. Тлн.

- Вопросы учебной лексикографии 1969 — *Вопросы учебной лексикографии*. Под ред. П. Н. Денисова и Л. А. Новикова. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гак 1971 — В. Г. Гак. О двусторонней эквивалентности в двуязычных словарях. *Тетради переводчика*. Под ред. Л. С. Бархударова. № 8. М.: Издательство «Международные отношения». С. 68–79.
- Гак 1974 — В. Г. Гак. Ситуативные обозначения в лингвострановедческом аспекте. *Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам*. М. С. 110–126.
- Гак 1977 — В. Г. Гак. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте). *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. М. С. 11–27.
- Гак 1978 — В. Г. Гак. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М. С. 13–24.
- Гак 1984 — В. Г. Гак. Грамматика и тип словаря. *Слово в грамматике и словаре*. М. С. 42–50.
- Гак 1995 — В. Г. Гак. Двуязычный словарь активного типа. *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность*. М. С. 53–62.
- Гак, Триумф 1998 — В. Г. Гак, Ж. Триумф. Предисловие [к ФРСАТ 1998]. С. 5–7.
- Галаванова 1972 — Г. П. Галаванова. К вопросу о роли взаимозаменяемости при выделении и определении синонимов. *Синонимы русского языка и их особенности*. Л. С. 112–122.
- Гаспаров 1996 — Б. М. Гаспаров. *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*. М.
- Городецкий 1973 — Б. Ю. Городецкий. О принципах инвентаризации семантики языка и подъязыка. *Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики*. М.
- Городецкий 1983 — Б. Ю. Городецкий. Проблемы и методы современной лексикографии. [Вступительная статья.] *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С.
- Гринев 1986 — С. В. Гринев. *Введение в терминологическую лексикографию*. Учебное пособие. М.
- Грязнова 1992 — В. М. Грязнова. О типовой дефиниции суффиксально-мотивированного личного имени. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 17–20.
- Даль <1862> — В. И. Даль. «Напутное слово» (Читано в Обществе любителей русской словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.). Веб-ресурс: http://www.gubricon.com/about_tsd_3.asp (Дата последнего просмотра: 14.06.2007)
- Денисенко 2002 — В. Н. Денисенко. Семантическое поле как функция. *Филологические науки*. № 4. С. 44–52.
- Денисов 1974 — П. Н. Денисов. *Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии*. М., 1974.
- Денисов 1977-а — П. Н. Денисов. Об универсальной структуре словарной статьи. *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. М. С. 205–226.
- Денисов 1977-б — П. Н. Денисов. Типология учебных словарей. *Проблемы учебной лексикографии*. М. С. 23–42.
- Денисов 1978 — П. Н. Денисов. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М. С. 25–33.

- Денисов 1980 — П. Н. Денисов. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: «Русский язык».
- Денисов 1984 — П. Н. Денисов. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка. *Слово в грамматике и словаре*. М. С. 142–158.
- Денисова 1978 — М. А. Денисова. О некоторых принципах лексикографического описания безэквивалентных и фоновых слов. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М. С. 107–111.
- Дерибас 1983 — В. М. Дерибас. *Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка*. М.: «Русский язык».
- Дорофеева 1978 — Т. М. Дорофеева. Модель синтаксической сочетаемости глагола в современном русском языке и структура словаря-справочника. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М. С. 54–58.
- Дубичинский 1992 — В. В. Дубичинский. Лексические параллели в лексикографической практике. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 25–29.
- Дыбина, Щёболева 1979 — Т. В. Дыбина, И. И. Щёболева. Словарь префиксальных морфем. *Переводная и учебная лексикография*. М. С. 301–311.
- Залем 1890 — М. Залем. [Предисловие к] «Этско-русскому словарю по Видеману». Ревель: Издание Т. А. Якобсона. С. VII–VIII.
- Зарайский 1992 — А. А. Зарайский. Семантическая теория Лондонской лингвистической школы и проблемы лексикографии. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 60–62.
- Земская 1973 — Е. А. Земская. *Современный русский язык. Словообразование*. М.
- Караулов 1976 — Ю. Н. Караулов. Словарь как компонент описания языков. *Принципы описания языков мира*. М. С. 313–340.
- Караулов 1981-а — Ю. Н. Караулов. *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка*. М.
- Караулов 1981-б — Ю. Н. Караулов. Об одной тенденции в современной лексикографической практике. *Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX–X*. М. С. 135–153.
- Касарес 1958 — Х. Касарес. *Введение в современную лексикографию*. М.
- Касевич 1979 — В. Б. Касевич. Некоторые проблемы лексикографии изолирующих языков. *Переводная и учебная лексикография*. М. С. 198–210.
- Кедайтене 1977 — Е. И. Кедайтене. Об одном типе словаря для начального обучения. *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. М.: «Русский язык». С. 173–179.
- Кезина 2004 — С. В. Кезина. Семантическое поле как система. *Филологические науки*. № 4. С. 79–86.
- Кикинежди 1992 — Т. Г. Кикинежди. К вопросу о семантизации сложных существительных в толковом словаре. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 14–17.
- Кобозева 2004 — И. М. Кобозева. *Лингвистическая семантика: Учебник*. Изд. 2-е. М.
- Ковалева 1987 — Л. М. Ковалева. Интерпретация предметных имен в высказывании на основе пресуппозиции. *Лексическая семантика и синтагматика*. М. С. 43–53.
- Козинцева 1984 — Н. А. Козинцева. Число имени как аспектуально релевантный фактор. *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разнотипных языков*. Тлн. С. 19–22.

- Колычева 1990 — Г. Ю. Колычева. Заметки об именах существительных на *-тель*. *Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика*. М. С. 79–85.
- Комарова 1992 — З. И. Комарова. Методология и методика терминографической семантизации. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 5–8.
- Комплексный словарь 2001 — *Комплексный словарь русского языка*. Под ред. А. Н. Тихонова. М.: «Русский язык».
- Костомаров и др. 1978 — В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, В. В. Морковкин. Теоретические основы лингвострановедческого словаря. *Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР*. М.
- Котелова 1975 — Н. З. Котелова. *Значение слова и его сочетаемость*. Л.
- Красных 1984 — В. И. Красных. Сочетаемость предикативов на *-о, -е* с инфинитивом и лексикографическая практика. *Теория и практика современной лексикографии*. Л. С. 148–156.
- Кронгауз 2001 — М. А. Кронгауз. *Семантика: Учебник для вузов*. М.
- Крысин 1968 — Л. П. Крысин. *Иноязычные слова в современном русском языке*. М.
- Крючкова 1979 — М. Л. Крючкова. *Особенности глагольного немотивированного управления в русском языке*. М.: «Русский язык».
- Кубрякова 1981 — Е. С. Кубрякова. *Типы языковых значений. Семантика производного слова*. М.
- Кюльмоя 1989 — И. П. Кюльмоя. Нарушение взаимодействия грамматических категорий в устной речи эстонцев на русском языке. *Взаимодействие языковых единиц и категорий в высказывании*. Тлн. С. 33–35.
- Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003 — И. Кюльмоя, Э. Вайгла, М. Солль. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту.
- Лабов 1983 — У. Лабов. Структура денотативных значений. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 133–176.
- Левашов, Рогожникова 1984 — Е. А. Левашов, Р. П. Рогожникова. Принципы отбора источников для картотеки словаря современного русского литературного языка. *Теория и практика современной лексикографии*. Л. С. 3–9.
- Левонтина 1995 — И. Б. Левонтина. Словарные статьи предлогов *для* и *ради*: к проблеме лексикографической интерпретации многозначности у служебных слов. *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*. М. С. 62–81.
- Лексикология и лексикография 1972 — *Лексикология и лексикография*. Сборник статей. М.: «Наука».
- Лексическая семантика 1987 — *Лексическая семантика и синтагматика*. Межвузовский сборник научных трудов. М.
- Лексическая синонимия 1967 — *Лексическая синонимия*. Сборник статей. М.
- Лексическая, словообразовательная 1990 — *Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика*. Межвузовский сборник научных трудов. М.
- Лезметс 1977 — Х. Д. Лезметс. Об эстонско-русском школьном словаре. *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. М. С. 192–194.
- Лезметс 1984 — Х. Д. Лезметс. Отражение семантики слова в двуязычном словаре (На материале «Русско-эстонского словаря» АН ЭССР). *Слово в грамматике и словаре*. М. С. 200–205.

- Леэметс 2000 — Х. Леэметс. Введение [к VES]. С. 19–27.
- Лингвострановедческий аспект 1974 — *Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам*. Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М.: Изд-во МГУ.
- Лич 1983 — Дж. Н. Лич. К теории и практике семантического эксперимента. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 108–132.
- Лотте 1982 — Д. С. Лотте. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.
- Луцкая 1984 — Н. М. Луцкая. Сочетаемость трудности русских слов и их методическая интерпретация при обучении русскому языку как иностранному. *Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев*. Сборник статей. Под ред. В. В. Морковкина. М. С. 121–128.
- МакКоли 1983 — Дж. Д. МакКоли. Логика и словарь. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 177–200.
- Маноли 1988 — И. З. Маноли. *Лексикография и стилистика потенциального слова*. Кишинев, 1988.
- Меделец 1979 — Н. М. Меделец. Структурно-грамматический аспект подготовки словарных материалов. *Вопросы практической лексикографии*. Л. С. 103–112.
- Мельчук 1999 — И. А. Мельчук. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»*. М.
- Ментруп 1983 — В. Ментруп. К проблеме лексикографического описания общенародного языка и профессиональных языков. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 301–333.
- Милославский 1980 — И. Г. Милославский. *Вопросы словообразовательного синтеза*. М.
- Михедова 1969 — Л. Г. Михедова. Опыт компонентного анализа лексики. *Вестник Московского университета. Сер. «Филология»*. № 1.
- Морковкин 1977 — В. В. Морковкин. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина. *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. М. С. 28–37.
- Морковкин 1978 — В. В. Морковкин. Об одном способе синтеза системы учебных словарей и некоторые вопросы семантизации слов в словарях. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М. С. 34–42.
- Морковкин 1981 — В. В. Морковкин. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации. *Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX–X*. М. С. 153–166.
- Морковкин 1984-а — В. В. Морковкин. Семантика и сочетаемость слова. *Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. Сборник статей*. М. С. 5–15.
- Морковкин 1984-б — В. В. Морковкин, Н. О. Беме, И. А. Дорогонова и др. *Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь*. М.: «Русский язык», 1984.
- Морковкин 1997 — В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. *Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)*. М.
- Мухин 1984 — А. Н. Мухин. Переходные глаголы, словари и грамматика. *Слово в грамматике и словаре*. М. С. 106–112.

- Найда 1983 — Ю. А. Найда. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 61–74.
- НЗЛ XIV — *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. Ред. Б. Ю. Городецкий. М., 1983.
- Никитин 1983 — М. В. Никитин. *Лексическое значение слова*. М.
- Ожегов 1974 — С. И. Ожегов. *Лексикология. Лексикография. Культура речи*. М.
- Оллыкайнен 1981 — В. М. Оллыкайнен. Заметки по составлению финско-русского словаря (из опыта лексикографической работы). *Прибалтийско-финское языкознание*. Вып. 8. Вопросы лексикологии и лексикографии. Л. С. 3–12.
- Ольшанский 1980 — И. Г. Ольшанский. Словарь как тип текста (к постановке проблемы). *Иностранные языки в высшей школе*. Вып. 15. М.: «Высшая школа». С. 70–74.
- Отраслевая терминология 1984 — *Отраслевая терминология и лексикография*. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: «Изд-во Воронежского ун-та».
- Переводная и учебная лексикография 1979 — *Переводная и учебная лексикография*. М.: «Русский язык».
- Петров 1992 — А. В. Петров. Адъективная лексика в толковых словарях русского языка. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 20–23.
- Пихлак 1984 — А. Пихлак. Об одном способе обозначения «аномальных» состояний в эстонском языке. *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разносистемных языков*. Тлн. С. 40–44.
- Пономаренко 2004 — Е. В. Пономаренко. О развитии системного подхода в лингвистике. *Филологические науки*. № 4. С. 24–33.
- Прибалтийско-финское языкознание 1981 — *Прибалтийско-финское языкознание*. Вып. 8. Вопросы лексикологии и лексикографии. Л.: «Наука».
- Проблемы учебной лексикографии 1977 — *Проблемы учебной лексикографии*. Под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
- Проблемы учебной лексикографии 1978 — *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. Сборник статей. Под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. М.: «Русский язык», 1978.
- Пярн 1984 — Х. Пярн. Словообразование и грамматические категории (процессы номинализации в русском и эстонском языках). *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разносистемных языков*. Тлн. С. 52–54.
- Пярн 1989 — Х. Пярн. Множественное неопределенное и множественное гиперболическое (на материале русского и эстонского языков). *Взаимодействие языковых единиц и категорий в высказывании*. Тлн. С. 54–57.
- Развитие ... двуязычия 1976 — *Развитие национально-русского двуязычия*. М.: «Наука».
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.
- РГ-52 — *Грамматика русского языка*. В 2-х т. М.: «Издательство АН СССР», 1952.
- РГ-70 — *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: «Наука», 1970.

- РГ-80 — *Русская грамматика*. В 2-х т. М.: «Наука», 1980.
- Рей, Делесаль 1983 — А. Рей, С. Делесаль. Проблемы и антиномии лексикографии. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 261–300.
- Ривелис 2000 — Е. Ривелис. Методологические заметки к проекту русско-шведского словаря издательства Norstedts (Об использовании Русско-норвежского словаря В. П. Беркова в качестве основы готовящегося в издательстве Norstedts нового Русско-шведского словаря). Веб-ресурс: <http://www.russia.no/saved/berkov-ru.html#n4> (Дата последнего просмотра: 14.06.2007)
- Ровдо 1992 — И. С. Ровдо. Лексикографическая фиксация межъязыковой разноразноуровневой эквивалентности. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 44–46.
- Рогожников 1972 — Р. П. Рогожников. К вопросу о лексикографическом описании производных предлогов и составных союзов. *Лексикология и лексикография*. М. С. 105–112.
- Рогожникова 1971 — Р. П. Рогожникова. Некоторые вопросы организации словарной картотеки. *Русский язык. Источники для его изучения*. М. С. 247–254.
- Рогожникова 1977 — Р. П. Рогожникова. Словарь служебных слов как пособие при освоении грамматического строя русского языка. *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. М. С. 153–158.
- Рогожникова 1979 — Р. П. Рогожникова. Предисловие (Организация словарной картотеки). *Вопросы практической лексикографии*. Л.
- Рогожникова 1984 — Р. П. Рогожникова. Сводный словник словарей и словоуказатели в словарной работе. *Теория и практика современной лексикографии. Сборник научных трудов*. Л. С. 57–76.
- Розенцвейг 1984 — В. Ю. Розенцвейг. Семантическая валентность слова, словообразование, синтаксис. *Слово в грамматике и словаре*. М., 1984.
- Рудяков 2004-а — А. Н. Рудяков. За словом ли «лезет в карман» говорящий? (К вопросу о функциональной единице описания русской лексики). *Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. М. С. 171–172.
- Рудяков 2004-б — А. Н. Рудяков. *Язык, или почему люди говорят. Опыт функционального определения естественного языка*. Киев: «Грамота».
- Русский идеографический словарь 2004 — *Проспект. Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире)*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.
- Русский язык. Источники 1971 — *Русский язык. Источники для его изучения*. М.: «Наука».
- Русский язык. Проблемы 1981 — *Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография*. Виноградовские чтения. IX–X. М.: «Наука».
- Сергеева 1992 — Т. В. Сергеева. О пометах к устаревшей лексике в толковых словарях русского языка. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 36–40.
- Серебренников 1976 — Б. А. Серебренников. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания. *Принципы описания языков мира*. М.: «Наука». С. 7–52.

- Синтагматические и парадигматические связи 1991 — *Синтагматические и парадигматические связи языковых единиц и категорий (на материале разносистемных языков)*. Тлн.
- Систематизация материалов 1979 — Систематизация материалов словарных картотек (пособие для работников картотек). *Вопросы практической лексикографии*. Л. С. 129–148.
- Скляревская 1995 — Г. Н. Скляревская. Прагматика и лексикография. *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность*. М. С. 63–71.
- Слово в грамматике и словаре 1984 — Слово в грамматике и словаре. М.: «Наука».
- Соболева 1984 — П. А. Соболева. Способы глагольного действия и словообразовательные разряды глаголов. *Слово в грамматике и словаре*. М. С. 93–101.
- Современная русская лексикография-80 — *Современная русская лексикография. 1980*. Л.: «Наука», 1981.
- Современная русская лексикография-81 — *Современная русская лексикография. 1981*. Л.: «Наука», 1983.
- Современность и словари 1978 — *Современность и словари*. М.
- Современные проблемы лексикографии 1992 — *Современные проблемы лексикографии*. Сборник научных трудов. Харьков.
- Соловьев 1983 — Н. В. Соловьев. Сложные слова с числительным в первой части в толковом словаре. *Современная русская лексикография. 1981*. Л. С. 73–79.
- Сопоставительный анализ 1984 — *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разносистемных языков*. Тлн.
- Степанов 1958 — Г. Степанов. Предисловие [к книге Х. Касареса «Введение в современную лексикографию»]. М.: «Издательство иностранной литературы». С. 5–16.
- Супрун 1978 — А. Е. Супрун. Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М. С. 43–47.
- Теоретическая лингвистика и лексикография 1995 — *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*. Сборник статей. М., «Русские словари».
- Теория и практика современной лексикографии 1984 — *Теория и практика современной лексикографии*. Сборник научных трудов. Отв. ред. Р. П. Рогожникова. Л.: «Наука».
- Тихонов 1984 — А. Н. Тихонов. Проблемы составления толкового гнездового словаря современного русского языка. *Слово в грамматике и словаре*. М. С. 194–200.
- Уваров 1979 — В. Д. Уваров. Лексикография и наука (Вместо предисловия). *Переводная и учебная лексикография*. М. С. 3–6.
- Улуханов 1996 — И. С. Улуханов. *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. М.
- Уорт 1983 — Д. Уорт. Русский словообразовательный словарь. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 227–206.
- Урысон 1995-а — Е. В. Урысон. Словарная статья местоимения *сам*: проблемы описания лексической многозначности. *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*. М. С. 82–125.

- Урысон 1995-6 — Е. В. Урысон. Словарная статья местоимения *самый*: лексическая система языка и диахрония. *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*. М. С. 126–140.
- Уфимцева 1984 — А. А. Уфимцева. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова. *Слово в грамматике и словаре*. М. С. 134–141.
- Уфимцева Н. 1972 — Н. В. Уфимцева. Словосочетание как оперативная единица построения высказывания. *Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку*. М. С. 170–172.
- Ушаков 1983 — Д. Н. Ушаков. Из лексикографического архива. Публикация и комментарии А. М. Бабкина. *Современная русская лексикография*. 1981. Л. С. 149–154.
- Фефилов 1992 — А. И. Фефилов. Принципы построения словарной статьи конфронтативного типа. *Современные проблемы лексикографии*. Харьков. С. 40–43.
- Филлмор 1983 — Ч. Дж. Филлмор. Об организации семантической информации в словаре. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 23–60.
- Фразеологизм... 1987 — *Фразеологизм и его лексикографическая разработка*. Материалы IV Международного симпозиума в рамках заседания Международной комиссии по проблемам славянской фразеологии при Международном комитете славистов. Минск: «Наука и техника».
- Фрэнсис 1983 — У. Н. Фрэнсис. Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текстов. *НЗЛ. XIV. Проблемы и методы лексикографии*. М. С. 334–352.
- Хлюпина 1979 — Э. Л. Хлюпина. Именные словосочетания во французском и русском языках и учебная лексикография. *Переводная и учебная лексикография*. М. С. 179–197.
- Цейтлин 1958 — Р. М. Цейтлин. *Краткий очерк истории русской лексикографии*. М.: «Учпедгиз».
- Шанский, Быстрова 1977 — Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова. Лексикофразеологическая система и учебные словари русского языка для национальной школы. *Актуальные проблемы учебной лексикографии*. М. С. 110–117.
- Шейман 1979 — Л. А. Шейман. О формах предварительного анализа этнокультуроведческой лексики учебных текстов. *Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Сборник научно-методических статей. Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М.: «Русский язык». С. 95–105.
- Шелякин 1984 — М. А. Шелякин. О системных связях грамматических единиц в высказывании. *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разносистемных языков*. Тлн. С. 66–67.
- Шереметьева 1984 — С. О. Шереметьева. Лексикографический анализ терминов-предикатов. *Отраслевая терминология и лексикография*. Воронеж. С. 75–82.
- Шмелев 1973 — Д. Н. Шмелев. *Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)*. М.: «Наука».
- Шмелев 1977 — Д. Н. Шмелев. *Современный русский язык. Лексика*. М.: «Промсвещение».
- Шмелев 2002 — Д. Н. Шмелев. О третьем измерении лексики. *Д. Н. Шмелев. Избранные труды по русскому языку*. М.: «Языки славянской культуры». С. 60–72.

- Щаднева 1984 — В. П. Щаднева. Вопрос о классификации ошибок в лингвистическом аспекте. *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разносистемных языков*. Тлн. С. 67–70.
- Щерба 1974-а — Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. *Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность*. Л. С. 24–39.
- Щерба 1974-б — Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. *Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность*. Л. С. 265–304.
- Щерба 1974-в — Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. *Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность*. Л. С. 319–338.
- Щерба 1983 — Л. В. Щерба. Из лексикографического архива. Публикация и комментарии А. М. Бабкина. *Современная русская лексикография*. 1981. Л. С. 154–159.
- Щерба 1990 — Л. В. Щерба. Предисловие ко второму изданию [РФС]. С. 6–9.
- Щукин 1979 — А. Н. Щукин. Картинный словарь: принципы создания и методика использования. *Переводная и учебная лексикография*. М. С. 225–239.
- Эслон 1984 — П. Эслон. Роль внутрисистемных отношений в определении функционального потенциала языковых единиц и категорий (на материале русского и эстонского инфинитива). *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разносистемных языков*. Тлн. С. 70–76.
- Якимович 1972 — Ю. К. Якимович. Типология словарных изданий. *Книга. Исследования и материалы. Сборник XXV*. М. С. 22–30.
- Якимович 1979 — Ю. К. Якимович. Очерки истории переводной лексикографии в России. *Переводная и учебная лексикография*. М. С. 149–175.
- Янко-Триницкая 2001 — Н. А. Янко-Триницкая. *Словообразование в современном русском языке*. М.
- Adamska-Sałaciak 2006 — A. Adamska-Sałaciak. *Meaning and the Bilingual Dictionary: The Case of English and Polish*. Peter Lang. Frankfurt am Main.
- Goodenough 1956 — W. H. Goodenough. Componential analysis and the study of meaning. *Language*. V. 32, № 1, p. 195–216.
- Vene-eesti ja eesti-vene ümberkirjutusreeglid 2000 — Vene-eesti ja eesti-vene ümberkirjutusreeglid. Eesti-vene tähetabel. *Kirjakeele teataja 1993–2000. II: Emakeele Seltsi keeleteoimkonna soovitusel*. Тлн.: Emakaale Selts. Lk. 111–114.
- Hartmann & Gregory James 1998 — R. R. K. Hartmann and Gregory James. *Dictionary of Lexicography*. London and New York.
- Hiorth 1956 — F. Hiorth. On the Relation between Field Research and Lexicography. *Studia Linguistica*. 10, p. 57–66.
- Hoey 2002 — M. Hoey. Foreword [to MEDAL]. P. VIII–IX.
- Mathiot 1967 — M. Mathiot. The place of the dictionary in linguistic description. *Language*. V. 43, № 3, p. 703–724
- Sõna tänapäeva maailmas 2001 — *Sõna tänapäeva maailmas. Leksikograafiaseminar*. Toim. M. Langemets. Тлн.: Eesti Keele Instituut.
- Veldi 2001-a — E. Veldi. Entsüklopeediad ja sõnaraamatud. *Keele kannul. Pühendus-teos Mati Ereli 60. sünnipäevaks*. Trt. Lk. 322–334.
- Veldi 2001-b — E. Veldi. Inglise keele regionaalsete teisendite kajastamine sõnaraamatust. *Sõna tänapäeva maailmas. Leksikograafiaseminar*. Тлн. Lk. 117–133.

- Veski 1969 — J. V. Veski. Minu sõnaraamatutealasest tegevusest. (III osa. Minu lõpetamata töödest.) *Emakeele Seltsi aastaraamat, 14–15*. 1968–69. Lk. 11–22.
- Viks 2001 — Ü. Viks. Muuttüübid eesti sõnastikes. *Sõna tänapäeva maailmas. Leksikograafiaseminar*. Tln. Lk. 157–185.
- Wierzbicka 1985 — A. Wierzbicka. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor.
- Zgusta 2006 — L. Zgusta. *Lexicography Then and Now. Selected Essays*. Ed. By Fredric S. F. Dolezal and Thomas B. I. Creamer. *Lexicographica. Series Maior*. Max Niemeyer Verlag, Tübingen.

РУССКО-ЭСТОНСКИЕ И ЭСТОНСКО-РУССКИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

(Опыт указателя)

1. ОБЩИЕ И УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ

Е-V¹

1. **Eesti-vene keele sõnastik, valmistatud raamatule „Lugemised eesti keelest vene keele ümber panna“ ja säält välja trükitud.** Trt., 1884. Carl Heinrich Niggol.
2. **Eesti-Wene sõnaraamat Wiedemanni järele seadnud M. Salem.**² Täiendanud ja läbi waatanud J. Kunder ja kooliõpetaja T. Kuusik. = Эстско-русский словарь по Видеману. Составил М. Залемъ. Дополнили и пересмотрели И. Кундеръ и учитель Т. Кузикъ. Tln.: T. Jakobsoni kirjastus, 1890 (Ревель: Издание Т. А. Якобсона).
3. **Eesti-Wenekeelne sõnaraamat** = Эстонско-русский словарь. Toim. T. Kuusik. Tln.: Busch, 1903.
4. **Eesti-vene sõnastik grammatiliste vormide näitamisega.** T. Käbin, N. Pekarsky. Narva, 1923.
5. **Sistematikaline eesti-wene sõnaraamat** = Систематический эстонско-русский словарь. Kokku seadnud M. Neumann. Tln., 1925. (Tln.: Ühiselu)
6. **Eesti-vene sõnaraamat** (1. vihik) = Эстонско-русский словарь. Villem Ernits. Trt.: Rahvaraamat, 1940. (Petseri: A. Linter & A. Morel)
7. **Eesti-vene taskukäsiraamat.** E. Jakobson. Trt., 1940.
8. **Eesti-vene taskusõnastik.** I. E. Lee. Trt., 1940.

---

¹ Здесь и ниже: Е — эстонский (eesti), V — русский (vene). Направление словарей расшифровывается соответственно: Е-V = эстонско-русские словари и т. д.

² По-видимому, это первый эстонско-русский словарь. Его автор, М. Залем («бывший преподаватель латинского и эстского языков Ревельской Алекс. Гимназии»), в предисловии к словарю пишет: «Между тем у нас до сих пор нет еще ни одного полного эстско-русского словаря. Желая по мере сил и возможности удовлетворить этой потребности, я решился составить эстско-русский словарь, не останавливаясь перед теми затруднениями, которых я мог наверно ожидать в этом деле. До сих пор не было ни одной подобной работы, и я, при составлении своего русского словаря, мог руководиться только одним эстско-немецким лексиконом академика Видемана» <цитирую в современной орфографии. — О. П.> [Eesti-Wene sõnaraamat 1890: VII].

9. **Praktiline eesti-vene sõnaraamat** = Практический эстонско-русский словарь. Maria Vares, Joh. Tamm. Tln.: Töökool, 1940. (Trt.: Nats. K. Mattiesen)
10. **Eesti-vene sõnaraamat**. Johan Tamm. Trt.: Teaduslik Kirjandus, 1949. || **Eesti-vene sõnaraamat**. Koost. Johan Tamm, toim. B. Pravdin. Tln.: Eesti Riiklik Kirjastus, 1955. || 2., parand. ja täiend. tr. Tln., 1961. || 3., parand. ja täiend. tr. 1974. || 4., parand. tr. 1977. || 5. tr. 1981. || 6. tr. 1986. || 7. tr. 1988. || 8., parand. ja täiend. tr. 1998.
11. **Eesti-vene õppesõnastik** = Эстонско-русский учебный словарь. G. Kaarma, I. Külmoja, T. Lagle jt. Tln.: Valgus, 1984. 559 lk. || 2., parand. ja täiend. tr. Tln., 1990.
12. **Eesti-vene sõnaraamat** = Эстонско-русский словарь. Т. 1– . **1. k.** [1-й том] **A–J**. Koost. M. Liiv jt.; toim. A. Romet, M. Liiv jt. Tln.: Eesti Keele Instituut, 1997. 981 lk. || **2. k.** [2-й том] **K–L**. Koost.: T. Lagle jt.; toim.: A. Romet jt. Tln.: Eesti Keele SA, 2000. || **3. k.** [3-й том] **M–P**. Koost. T. Lagle jt. Tln.: Eesti Keele SA, 2003. || **4. k.** [4-й том] **R–Tipu**. Koost. J. Kallas jt.; toim. N. Melts (vast. toim.), T. Valdre. Tln.: Eesti Keele SA, 2006.
13. **Eesti-vene sõnaraamat** = Эстонско-русский словарь. Tõlkijad: Olga Hanina, Urmas Noor, Monika Saarkoppel; toimetajad: Pille Eslon, Anne Noor. Tln.: TEA, 2005.

V-E

1. **Wene-eesti sõna-raamat**. J. Johanson-Pärna, toim. Tln., 1885. || **Wene-eesti sõna-raamat**. 2. parand. ja täiend. tr. J. Johanson-Pärna, toim. Tln., 1889. || **Wene-eesti sõna-raamat**: (üle 16 tuhat wene keele sõna): koolidele ja iseõppimiseks. J. Johanson-Pärna, toim. — 4., täiesti rewideeritud trükk. Tln.: Busch, 1906. 336 lk. (Eesti Kirjameeste Seltsi toimetused; nr. 69.) || **Wene-eesti Sõna-Raamat**. 5., täiesti revid. tr. Tln., 1917. J. Johanson-Pärna, toim.
2. **Vene-Eestikeele sõnaraamat**. J. Kõrv, toim. Tln., 1889.
3. **Wene-eestikeeli Sõnaraamatukene rehkendamise algusõpetuse tarwis**. Anne П. Юрьев, тип. Гренцштейна, 1895.
4. **Venekeeles pruugitavate võerakeele sõnade seletaja**. J. Jaanus. (Вейсенштейн, 1896)
5. **Sõna-raamatukene** = **Словарикъ къ I. вып. «Русское слово» Л. Григорьева**. Юрьев: Мязесть, 1897. 1-е изд. || 2-е изд. Юрьев: Мязесть, 1899. || 4-е изд. Юрьев: Мязесть, 1903. || **Словарь (sõnastik) к I-му выпуску «Русское слово» Л. Григорьева / для эстов составил Т. Кузик**. Ревель: Пихлакас, 1910 (Ревель: А. Лаурман) 3. издание. 32 lk. || **Русско-эстонский словарь къ I. вып. «Русское слово» Л. Григорьева**. Sõnastik. Верро: Тяхть, 1915.
6. **Wene Eesti keeli sõnaraamat teise jaо «Русское слово» (Л. Григорьева и Б. Оленина) tarvis**. Везенбергъ, Эрна, 1900. || **Словотолкователь для эстов, ко второму выпуску учебника Л. Григорьева и Б. Оленина «Русское слово»**: пособие учащимся при приготовлении к урокам; Краткая рус-

русская грамматика = Sõnaseletaja: abinõuu eesti lastele wenekeele õpitükkide ettevalmistamiseks; Lühikene wene-keele grammatik. Т. Кузик. Ревель: К. Буш, 1903 (Ревель: М. Шиффер и М. Антье). 3. tr. 112 lk. || **Русско-эстонский словарь ко второму выпуску книги для классного чтения «Русское слово» Л. Григорьева и Б. Оленина и Краткая русская грамматика.** Составил Т. Кузик. Ревель: Г. Пихлакас, 1916. 8-е изд. 96 lk.

7. **Vene-eestikeele sõnaraamat.** J. Jaanus. (Вейсенштейн, 1899.)
8. **Sõnaraamat L. Grigorjew'i Wenekeele Aabitsa jaoks.** Rakweres: Erna, 1901.
9. **Русско-эстонский словарь к I-й части (азбуке) «Родной мир» И. Дависа.** Т. Кузик = Wene-eesti keeli sõnastik «Родной мир» I-sele jaole. 2. trükk. Ревель: Август Буш, 1908. (Ревель: М. Антье) 40 lk.
10. **Wene-Eesti keeli sõnastik «Родной мир» 2-sele jaole = Русско-эстонский словарь ко 2-й части (азбуке) «Родной мир» И. Дависа.** Т. Кузик. Revel: A. Busch, 1909 (Revel: M. Schiffer). 2. tr. 96 lk.
11. **Vene-eesti sõnaraamat.** Toim. J. Jurkatam. Юрьевъ: К. А. Пааг, 1904. (Юрьевъ: А. Шнакенбург) || 2. parand. ja täiend. tr. Юрьевъ: К. А. Пааг, 1913. (Юрьевъ: Э.-И. Т-во «Постимес») VIII, 1048 lk.
12. **Vene-eesti sõnaraamat.** /Koost./ ja toim. T. Kuusik. 2. tr. Tln.: Pihlakas, 1914. 336 lk.
13. **Vene-eesti sõnastik lugemikule «Колокольчики».** S. Dormidontova, H. Jürgenstein. Tln.: Kool, 1922. 96 lk.
14. **Vene-eesti sõnaraamat.** M. Neumann. Tln., 1929. || **Vene-eesti sõnaraamat.** M. Neumann. Tln., 1930.
15. **Vene-eesti sõnaraamat.** B. Pravdin. Trt., 1936. || **Vene-eesti sõnastik.** B. Pravdin. 2., parand. tr. Trt., 1940 (1941).
16. **Sõnastik vene keele õpikule.** A. Marfeldt. A. Марфельдт. Учебник русского языка. I книга. Беседа и чтение. Viljandi, 1940.
17. **Русско-эстонский справочник.** = Vene-eesti käsiraamat. Ed. Jakobson. Trt.: «Uudisraamat», 1940.
18. **Русско-эстонский словарь.** Н. Г. Каротамм М.: ГИС, 1940. (ок. 20 000 слов) 2-е изд., испр. и доп., 1944, Москва; 3–5-е изд. 1946, Тарту.
19. **Русско-эстонский словарь.**¹ = Vene-eesti sõnaraamat. П. Арумаа, Б. Правдин, Й. В. Вески. В 2-х тт. Trt., 1940–1947. || 2-е изд. 1975.
20. **Vene keele lugemiku sõnastik.** = Словарь к хрестоматии по русскому языку. V. Adams, H. Maiste-Aller, B. Pravdin. Tartu: RK „Teaduslik kirjandus“, 1946. 104 lk.

---

¹ Об этом словаре см., например: О. Паликова. «Русско-эстонский словарь» (1940–1947) П. Арумаа, Б. Правдина, Й. В. Вески. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Slavica Tartuensia V.* Тарту, 2003. С. 301–310.

21. **Картинный русско-эстонский словарь.** = Vene-eesti piltsõnastik. Э. Н. Дормидонтова. Тлн.: «Eesti Riiklik Kirjastus», 1948. || 1952. || 1962.
22. **Русско-эстонский словарь.** = Vene-eesti sõnaraamat. В. Мухель. Ред. Б. Правдин. Тлн., 1953. || 2-е изд., испр. и доп., 1955. || 3-е изд., испр. и доп., 1963. || 4-е изд., испр. и доп., 1970. || 5-е изд. 1973. || 6-е изд. 1977. || 7-е изд. 1982.
23. **Словарь-минимум русского языка для II–IV кл. эстонских школ.** Э. Штейнфельдт. Тлн.: «Коммунист», 1961. 88 стр.
24. **Словарь-минимум русского языка для 2–8 кл. эстонских школ.** Э. Роовет, Э. Штейнфельдт. Тлн.: Министерство просвещения ЭССР, 1965. 402 стр.
25. **Vene-eesti sõnastik.** I. Batarina, N. Pentre. Тлн., 1971.
26. **Учебный русско-эстонский словарь устойчивых словосочетаний.** = Vene-eesti püsiühendite õppesõnastik. Н. Шанский, Е. Быстрова, А. Окунева, А. Ромет. Ред. А. Ыйм. Тлн.: «Valgus», 1983. 240 lk.
27. **Русско-эстонский словарь.** = Vene-eesti sõnaraamat. Сост. Р. Куль, Т. Лагле, Х. Леэметс и др. Ред. Х. Леэметс, Х. Сари. 1-е изд. В 4-х тт. Тлн., 1984–1994. 1. к. 1984, 2. к. 1988, 3. к. 1992, 4. к. 1994. || 2-е изд., испр. В 2-х тт. Ред. Х. Леэметс, Х. Сари, Р. Куль. Тлн.: «Eesti Keele Sihtasutus», 2000.
28. **Русско-эстонский учебный словарь.** = Vene-eesti õppesõnastik. Э. Вайгла, П. Симм, Х. Пярн, Х. Кубо. Тлн.: «Valgus», 1985. || 2-е изд. 1986. || 3-е изд. 1992. 414 lk.
29. **Русско-эстонский словарь.** = Vene-eesti sõnaraamat. А. Мяндр. Тлн., 1994.
30. **Vene-eesti õppesõnastik.** М. Stalnuhhin, Е. Välja; Narva Keelekeskus. Narva: ELMI, 1997. 176 lk.
31. **Vene-eesti sõnaraamat.** = Русско-эстонский словарь. А. Кähler. Тлн.: „Art Neoon“, 2000. 799 lk.

V-E-V

1. **Карманный русско-эстонский и эстонско-русский словарь.** = Vene-eesti ja eesti-vene taskusõnastik. Е. Veskimägi, Н. Pärn, L. Siim. Тлн.: Koolibri, 1995. || 2-е изд. 1996. || 3-е изд. 1998. || 4-е изд. 2000. || 5-е изд. 2004.

E-V-E

1. **Vene keele välk-õpik ühes eesti-vene ja vene-eesti sõnastikkudega.** Тлн., 1940. Oculus.

2. РАЗГОВОРНИКИ

Е-V

1. **Eesti-soome-vene vestlussõnastik.** Jakó Géza. Tln., 1966.
2. **Eesti-ungari-vene vestlussõnastik.** Jakó Géza. Tln.: Valgus, 1973. 348 lk.

V-E

1. **Краткий бытовой русско-эстонский разговорник.** З. Дормидонтова, Ф. Лыпп. = Lühikesed olustikulised vestlused vene ja eesti keeles. Tln.: «Eesti Riiklik Kirjastus», 1956. || 1959.
2. **Русско-эстонский разговорник.** З. Дормидонтова, Ф. Лыпп. Tln., 1960.
3. **Русско-эстонский разговорник.** А. Рейцак. = Vestlusi vene ja eesti keeles. Tln.: «Valgus», 1966. || 2-е изд., испр. и доп., 1972. || 3-е изд. 1976. || 4-е изд., испр., 1978. || 5-е изд. 1981. || 6-е изд., испр., 1985. || 7-е изд. 1987. || 8-е изд. 1988. || 9-е изд. 1990.
4. **Русско-эстонский разговорник союзпечати.** М. Тоомпере. = Vene-eesti "Ajakirjanduslevi" vestmik. 1. k., 1988.
5. **Русско-эстонский разговорник союзпечати.** = Vene-eesti "Ajakirjanduslevi" vestmik. 1. k., 1989.
6. **Русско-эстонский разговорник союзпечати.** = Vene-eesti "Ajakirjanduslevi" vestmik. 3. k. — 1992. 752 lk.
7. **Vene-eesti vestmik:** [Vestmik ja B-E kategooria keeleoskused]. Tln., 1992. 95 lk.
8. **Русско-эстонский разговорник.** В. Эйнберг. = Vene-eesti vestmik. Tln., 1997.

Е-V-E

1. **Kuidas öelda? I (Kõneetikett).** = Как это сказать? I (Речевой этикет). Asta Õim. Toim. S. Smirnov ja H. Laanpere. Tln.: Valgus, 1990. 125 lk.
2. **Kuidas öelda? II (Teatmik).** = Как это сказать? II (Справочник). Asta Õim. Toim. S. Smirnov ja H. Laanpere. Tln.: Valgus, 1991. 127 lk.

3. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗГОВОРНИКИ

E-V

1. **Põllumajanduslikke oskussõnu saksa, eesti ja vene keeles.** L. Treiman. Tln., 1970. 210 lk., ill. Sisaldab registrit.
2. **Eesti-, vene-, saksa- ja ingliskeelseid sporditermineid.** Koost. H. Valgma. Trt.: Tartu Riiklik Ülikool, 1975. 64 lk.
3. **Eesti-vene raamatupidamise oskussõnastik** = Эстонско-русский словарь по бухгалтерскому учету. Tln.: R-Koolitus, 1994. 47 lk.
4. **Lennundusettevõtte inglise-soome-eesti-vene sõnastik.** R. Järv, A. Virves. Tln., 1995. 394 lk.
5. **Inglise-eesti-vene soojustehnika sõnastik.** Tln., 1997. Sisaldab registreid.
6. **Emotsioonid. Tunded: eesti-vene fraseoloogiakäsiraamat** = Эмоции. Чувства: эстонско-русский фразеологический словарь-справочник. Koost. A. Romet. Tln.: KPD kirjastus, 2000. 142 lk.
7. **Eesti-vene tehnikasõnaraamat** = Эстонско-русский технический словарь. Koost. J. Kalinin, T. Teema. Tln.: Euroülikool, 2002. 703 lk.
8. **Eesti-vene majandussõnastik** = Эстонско-русский экономический словарь. Koost. E. Raeste. Trt.: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. 375 lk., ill.
9. **Väike eesti-vene õppekavaalane terminoloogiasõnastik** = Малый эстонско-русский словарь терминов в области программы обучения / учебного плана. Tln., 2004.
10. **Uus eesti-vene õigussõnaraamat.** = Новый эстонско-русский юридический словарь. Ligikaudu 25 000 terminit ja sõnaühendit. Autor-koostaja O. Ottenson. Tln.: Agia Triada, 2007. 397 lk.

V-E

1. **Vene-eesti geoloogia sõnastik** = Русско-эстонский геологический словарь. Koost. K. Orviku jt. Tln.: Eesti Riiklik Kirjastus, 1963. 262 lk.
2. **Русско-эстонский химический словарь.** = Vene-eesti keemia sõnastik. Й. Хюссе, Х. Карик, Я. Ансо и др. Tln.: «Eesti Riiklik Kirjastus», 1964. II 2-е изд. 1982 (содержит алф. указ-ль эст. терминов).
3. **Vene-eesti mäenduse sõnastik** = Русско-эстонский горный словарь. Koost. L. Lainoja jt. Tln.: Valgus, 1969. 236 lk. Sisaldab registrit.
4. **Vene-eesti elektrotehnika sõnastik** = Русско-эстонский электротехнический словарь. Koost. H. Jänes jt. Tln.: Valgus, 1969. 220 lk. Sisaldab registrit.
5. **Valimik vene vanasõnu eesti vastetega** = Сборник русско-эстонских пословиц. A. Reitsak. Tln.: Valgus, 1969. 136 lk. Sisaldab registreid.

6. **Русско-эстонский медицинский словарь-минимум для студентов медицинского факультета.** К. Алликметс. Trt., 1970.
7. **Vene-eesti mullateaduse sõnastik.** Koost. A. Truu jt. Tln.: Valgus, 1971. 239 lk. Sisaldab registreid.
8. **Vene-eesti tehnika sõnaraamat.** Toim. H. Kuldma. Tln.: Valgus, 1975. 1024 lk. Sisaldab bibliograafiat ja registrit.
9. **Vene-eesti ehituse sõnastik** = Русско-эстонский строительный словарь. Koost. T. Masso. Tln.: Valgus, 1975. Sisaldab eesti terminite registrit.
10. **Vene-eesti-inglise väike arvutisõnastik.** U. Agur, V. Hanson. Tln.: Valgus, 1976. 108 lk., joon. Sisaldab registrit.
11. **Vene-eesti kutse- ja ametinimetuste sõnastik** = Русско-эстонский словарь наименований профессий рабочих и должностей служащих. A. Argal, T. Ereht, K. Torop. Tln.: Valgus, 1979. Sisaldab registrit.
12. **Vene-eesti keemia sõnaraamat** = Русско-эстонский химический словарь. Koost. J. Hüsse, H. Karik, J. Anso jt. Tln.: Valgus, 1982. 584 lk. Sisaldab registrit.
13. **Vene-eesti metsakasutuse sõnaraamat** = Русско-эстонский словарь по лесоэксплуатации. H. Untera. Tln.: Valgus, 1986. 392 lk. Sisaldab registreid.
14. **Vene-eesti sõjanduse sõnaraamat** = Русско-эстонский военный словарь. E. Veskimägi, H. Ernits. Tln., 1986. Sisaldab registrit.
15. **Vene-eesti sidesõnavara.** Koost. E. Vatter. 2., täiend. ja parand. tr. Tln.: Eesti Sideministeerium, 1990. 176 lk.
16. **Vene-eesti meditsiinisõnaraamat.** Koost. G. Loogna. Tln.: Eesti Keelekeskus, 1990. 203 lk.
17. **Vene-eesti veesõnaraamat** = Русско-эстонский словарь: (гидравлика, гидрология, гидротехника, водоснабжение и водоотведение). H. Tibar, A. Maastik, J. Karu, H. Mölder. Tln.: Tallinna Tehnikaülikool, 1990. 108 lk.
18. **Vene-inglise-eesti ärikeelesõnaraamat** = Russian-English-Estonian business-dictionary. I. Turovskaja. Tln.: Ingri, 1994. 188 lk. Sisaldab registrit.
19. **Ehituse õppesõnastik kutseõppeasutustele** = Строительный словарь для профессиональных учебных заведений. Koost. E. Johanson, G. Kadnikova ja T. Laaban; toim. T. Ereht. Tln.: Eesti Keele Sihtasutus, 2001. 138 lk.
20. **Õmbluse õppesõnastik kutseõppeasutustele** = Учебный словарь по шитью для профессиональных учебных заведений. Koost. J. Kiri, E. Pedriks, M. Rajangu. Tln.: Eesti Keele Sihtasutus, 2001. 153 lk.
21. **Vene-eesti tehnikasõnaraamat: 24000 sõna ja terminit** = Русско-эстонский технический словарь. O. Lahi; toim. T. Teemaa. Tln.: Euroülikool, 2001. 387 lk.
22. **Vene-eesti-inglise seletav alpinismisõnastik:** magistritöö. E. Ader [juh. M. Tamm]. Trt.: Tartu Ülikool, 2004.

23. **Vene-eesti turismi- ja puhkesõnastik** = Русско-эстонский словарь по туризму и отдыху. Koost. E. Veldi, I. Külmoja, O. Palikova, U. Erik; toim. T. Ereht. Trt.-Paide, 2005. 163 lk. Sisaldab registrit.
24. **Vene-eesti tervishoiu ja sotsiaaltöö sõnastik** = Русско-эстонский медицинский и медико-социальный словарь. Koost. E. Raeste, V. Štšadneva, E. Vaigla, N. Karasjova; toim. T. Ereht. Trt.-Paide, 2005. 214 lk. Sisaldab registrit.

E-V-E

1. **Eesti-vene, vene-eesti õigusteaduse sõnastik.** Toim.-kolleegium: A. Kask jt. Tln.: Valgus, 1971. 231 lk.
2. **Эстонско-русский и русско-эстонский словарь по бухгалтерскому учету.** = Eesti-vene ja vene-eesti raamatupidamise oskussõnastik. Сост. И. Льюкене, Г. Кисина. Отв. ред. П. Рийт. Tln.: Tallinna Tehnikaülikool, 1991.
3. **Эстонско-русский и русско-эстонский полицейский словарь.** = Väike eesti-vene ja vene-eesti politseisõnastik. М. Сюда, У. Илм. Tln.: Pangloss, 1994.
4. **Эстонско-русский и русско-эстонский словарь по бухгалтерскому учету (для учащихся по специальности бухучет).** = Eesti-vene ja vene-eesti raamatupidamise sõnastik: [raamatupidamise eriala üliõpilastele]. И. Льюкене, Г. Кисина. Tln.: Tallinna Tehnikaülikool, 1994.
5. **Эстонско-русский, русско-эстонский словарь по бухгалтерскому учету.** Термины англоязычной бухгалтерии. Tln., 1994. 77 lk.
6. **Эстонско-русский и русско-эстонский медицинский разговорник.** = Eesti-vene ja vene-eesti meditsiinvestmik. X. Уммус, Е. Зенкович. Tln.: Pangloss, 1995. [Содержит небольшой РЭ мед. словарик (с. 59–104) и эст.-лат.-рус. словарик лекарственных растений (с. 105–108).]
7. **Эстонско-русский и русско-эстонский военный словарь.** = Eesti-vene ja vene-eesti sõjanduse sõnastik. Э. Вескимяги. Tln.: Pangloss, 1995.
8. **Eesti-vene, vene-eesti juriidiline sõnastik: abiks juristile.** Н. Vissak. Trt.: Juristide Täienduskeskus, 1996. 168 lk.
9. **Eesti-vene ja vene-eesti haridussõnastik.** Т. Ereht, V. Maanso, O. Nilson jt. Tln., 1996. 82 lk.
10. **Eesti-vene, vene-eesti töösuhete sõnastik.** Н. Vissak, J. Vissak. Tln.: Juura, 1998. 222 lk.
11. **Eesti-vene, vene-eesti kinnisvarasõnastik.** Н. Vissak, J. Vissak. Tln.: Juura, 1998. 142 lk.
12. **Eesti-vene-eesti suur õigussõnaraamat [Elektroniline teavik]** = Эстонско-русско-эстонский большой юридический словарь. Н. Vissak, J. Vissak. Tln.: Juura, 1999. 1 CD-ROM; 12 см.

13. **Adrast äkkeni: eesti-vene - vene-eesti väike rahvalooline seletussõnaraamat** = От аршинника до ящика: эстонско-русский, русско-эстонский маленький этнологический словарь. Н. Leemets. Tln.: Koolibri, 1999. 96 lk., ill.
14. **Eesti-vene-eesti õigussõnaraamat.** = Эстонско-русско-эстонский юридический словарь. I–II. Н. Vissak, J. Vissak. Tln.: Estada Kirjastus, 2000. 1. к. [1 том] 758 lk.; 2. к. [2 том] 848 lk.
15. **Väike eesti-vene ja vene-eesti majandussõnastik ning ettevõtlussõnastik.** = Малый эстонско-русский и русско-эстонский экономический словарь и словарь по предпринимательству. Н. Vissak. Tln.: Estada Kirjastus, 2001. 254 lk.
16. **Eesti-vene-eesti politseivestmik** = Эстонско-русско-эстонский разговорник для полицейских (Эстонско-русско-эстонский разговорник для полицейских). Н. Vissak. Tln.: Estada Kirjastus, 2001. 183 lk.
17. **Väike juriidiline suhtlemissõnaraamat: eesti-vene / vene-eesti.** = Краткий юридический словарь делового общения: эстонско-русский / русско-эстонский. Н. Vissak. Tln.: „Byronet“, 2002. 163 lk.
18. **Juriidiline vestmik-teatmik: eesti-vene / vene-eesti.** = Юридический разговорник-справочник: эстонско-русский / русско-эстонский. Н. Vissak, J. Vissak. Tln.: Estada Kirjastus, 2003. 574 lk.
19. **Karistusseadustiku eesti-vene ja vene-eesti terminisõnastik.** = Эстонско-русский и русско-эстонский словарь терминов (Пенитенциарный кодекс). O. Ottenson. Toim. S. Kuljus. Tln.: „Agia Triada“, 2004. 99 lk.
20. **Matemaatika mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Математика» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. E. Abel, L. Lepmann. Trt., 2006. 208 lk.
21. **Kunstiõpetuse mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Искусствоведение» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. A. Parmasto, K. Laur, K. Kiidron. Trt., 2006. 118 lk.
22. **Ajaloo mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «История» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. T. Hallik. Trt., 2006. 208 lk.
23. **Muusikaõpetuse mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Музыковедение» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. K. Leppoja. Trt., 2006. 103 lk.
24. **Käsitöö, kodunduse, töö- ja tehnoloogiaõpetuse mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Домоводство, трудовое и технологическое обучение» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. M. Peedisson, E. Rihvk, M. Soobik. Trt., 2006. 181 lk.

25. **Ühiskonnaõpetuse mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Обществоведение» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. I. Piir. Trt., 2006. 106 lk.
26. **Inimeseõpetuse mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Человековедение» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. K. Kõiv. Trt., 2006. 48 lk.
27. **Keemia mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Химия» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. L. Tamm, T. Tamm, A. Tuulmets. Trt., 2006. 173 lk.
28. **Kehalise kasvatuse mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Физкультура» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. V. Hein. Trt., 2006. 111 lk.
29. **Geograafia mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «География» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. H.-M. Pedastsaar, T. Pedastsaar. Trt., 2006. 151 lk.
30. **Bioloogia mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Биология» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. M. Toom, M. Teller. Trt., 2006. 188 lk.
31. **Füüsika mõisted 7.–9. klassile. Eesti-vene-eesti sõnastik** = Понятия к курсу «Физика» в 7–9 классах. Эстонско-русско-эстонский словарь. Koost. E. Pärtel. Trt., 2006. 149 lk.
32. **Uus juriidiline sõnastik: eesti-vene / vene-eesti.** = Новый юридический словарь: русско-эстонский / эстонско-русский. H. Vissak. Tln.: „Agitaator“, 2007. 202 lk.

KOKKUVÕTE

Kakskeelne sõnaraamat ja sõna funktsionaalsed seosed

Käesoleva väitekirja teemaks on kakskeelse sõnaraamatu koostamise probleemid. Töös vaadeldakse olemasolevaid kakskeelseid sõnaraamatuid, analüüsitakse leksikograafias kasutatavaid sõnaraamatute koostamise meetodeid ning pakutakse välja uusi lahendusi probleemidele, mis kerkivad üles kakskeelse sõnaraamatu koostamisel. Väitekirja põhieesmärgid on järgmised:

- analüüsida kakskeelse sõnaraamatu spetsiifikat võrreldes ühekeelsega;
- näidata, kuidas see spetsiifika peab kajastuma märksõnastikus ja struktuuris;
- konkreetsete näidete varal vaadelda sõna funktsionaalseid seoseid, mis on kakskeelse sõnaraamatu seisukohalt olulised.

Lisaks nimetatule on seatud rakenduslikku laadi ülesanne: töötada välja ja esitada eritüübiline sõnaartikkel, milles oleksid kajastatud sõna funktsionaalsed seosed, mis on vajalikud kasutajasõbralikus ja optimaalses sõnaartiklis. Selle struktuur ja selles sisalduv info annaksid sõnaraamatu koostajatele võimaluse esitada keeleline informatsioon kakskeelses sõnaraamatus, lähtudes töös esitatud teoreetilistest seisukohtadest.

Vastavalt eesmärkidele on väitekirja jaotatud kolmeks peatükiks. Esimeses peatükis vaadeldakse kakskeelset sõnaraamatut järgmistes vastandusseostes.

1. „**Tõlkesõnaraamat**“ vs „**kakskeelne sõnaraamat**“. Siinkohal arutletakse vastavate terminite adekvaatsuse üle ning jõutakse järeldusele, et termin *двуязычный словарь* („kakskeelne sõnaraamat“) kajastab paremini kirjeldatavat objekti. Eelistatud termini valikut motiveeritakse järgmiselt: a) sõna *переводный* („tõlke-“) viitab tõlkimise situatsioonile ehk teisisõnu ei peegelda kakskeelse sõnaraamatu üht olulisimat, õppefunktsiooni; b) sõna „kakskeelne“ seevastu rõhutab keelte kõrvutamist, mis on vaadeldava sõnaraamatu liigi üks tunnusjooni; c) lingvistilises traditsioonis kasutatakse enim sõnühendit „kakskeelne sõnaraamat“¹.

2. **Kakskeelne** vs **ühekeelne** sõnaraamat. Peamised erinevused, mis ilmnevad vastanduses kakskeelne—ühekeelne sõnaraamat, puudutavad nende suunatust eri kasutajatele. Kui ühekeelne sõnaraamat on adresseeritud seda keelt emakeelena kõnelevale inimesele (kellel on olemas teatav keelekompetents) ning täidab peamiselt teatmeteose funktsiooni, siis kakskeelne sõnaraamat on suunatud kasutajale, kelle kompetents võib osutada minimaalseks, mistõttu ta täidab peaausjalikult **õppefunktsiooni**. Teiseks vaadeldakse kakskeelses sõnaraamatus alati kahte konkreetset keelt ning siin osutub kasulikuks V.

---

¹ Vrd: ingl. *bilingual dictionary*, saksa *zweisprachiges Wörterbuch*, prants. *dictionnaire bilingue*, it. *dizionario bilingue* jne.

Morkovkini termin **leksikaal-metoodiline väli**¹. Nimetatud termin märgib sellist sõnade rühma, mis tähendab ühte keelt emakeelena kõneleva kasutaja jaoks pidevat veaohu (peamiselt keeltevahelise interferentsi tõttu).

3. **Sõnaraamat vs entsüklopeedia**. Tihtipeale on kakskeelses sõnaraamatus vajalik entsüklopeediline info (näiteks tõlkeekvivalendita sõnade seletamisel). Kakskeelse sõnaraamatu märksõnastik (erinevalt ühekeelsest seletussõnaraamatust) peab sisaldama pärisnimesid eraldi märksõnadena.

4. **Normatiivne sõnaraamat vs tesaaurus**. See vastandusseos väljendub tõlkesõnastikus selles, et normatiivsuse kriteeriumi tuleb rakendada mitte niivõrd märksõnastiku koostamisel, kuivõrd mittenormatiivse sõnavara kommenteerimisel. Kakskeelne sõnaraamat peab sisaldama laialt levinud argoo- ja vandesõnu. See on vajalik eelkõige selleks, et **hoiatada** kasutajat, millises olukorras või millise „alltekstiga“ selliseid sõnu kasutatakse, millisel tasandil toimub suhtlemine.

5. Kõige üksikasjalikumalt on vaadeldud vastandust **aktiivne vs passiivne** sõnaraamat. Konkreetsete sõnaraamatute² analüüsi näitel jõutakse järeldusele, et sõnaraamatu „aktiiviseerimisele“ aitavad kaasa järgmised võtted:

a) sihtkeele sõnade tähestikuline loend ühesuunalises kakskeelses sõnaraamatus (sageli kasutatav vene-eesti ja eesti-vene terminoloogiasõnastikes);

b) märgendid mõlemas keeles (sõltuvalt sellest, millise kasutaja jaoks on info vajalik);

c) graafilised illustratsioonid ja skeemid;

d) sõnaartikli eriline ülesehitus — kahe tulbana (mõlema keele kohta käiv materjal on jaotatud kahte tulpa, vt nt lk 43–45).

Analüüsi tulemusena on esitatud idee, et **nii aktiivse kui ka passiivse sõnastiku funktsioone võib täita üks sõnaraamat**, sest keele B valdaja seisukohalt passiivne sõnaraamat muutub aktiivseks, kui seda täiendada laiendatud kommentaariga keele A kohta.

Alapeatükis, mis on pühendatud kasutajale ja kakskeelse sõnaraamatu ülesannetele, rõhutatakse, et sõnaraamatu kasutaja on koostaja jaoks üheks olulisimaks subjektiivseks ehk muutuvaks faktoriks. Sõltuvalt sellest, **keda** sõnaraamatu koostaja peab oma potentsiaalseks lugejaks, formuleeritakse sõnaraamatu eesmärgid / ülesanded, toimub sõnade valik, vormistatakse märgendite süsteem jne. Kasutaja vajadustest lähtuvalt formuleeritakse ka kakskeelse sõnaraamatu maksimumeesmärk: anda kasutaja käsutusse selline keeleühiku kohta käiv infomaht, nagu on sihtkeelt emakeelena kõnelejal. Nimetatud eesmärgi mõningane utoopilisus ei tähenda, et seda ei peaks püstitama. Püüdu analüüsida ja

¹ vt [Морковкин 1977: 34].

² Prantsuse-vene aktiivne sõnaraamat prantsuse kasutajale [ФРСАТ], prantsuse-vene passiivne sõnaraamat vene kasutajale [НФРС], prantsuse-vene aktiivne sõnaraamat vene kasutajale [ФРИС], ning A. Õim vestlussõnastik «Kuidas öelda? Как это сказать? I–II» [Kuidas öelda].

eksplitseerida sihtkeelt emakeelena kõneleja keelelist kompetentsi võib pidada selleks ideaaliks, mille poole sõnaraamatu koostaja peaks püüdlema.

Teises peatükis vaadeldakse konkreetseid märksõnastiku ja sõnaraamatu struktuuriga seotud küsimusi.

1. Kakskeelse sõnaraamatu märksõnastikku analüüsitakse, lähtudes kolmest aspektist: keelematerjali valik, väljaande maht ja sõnaraamatu allikad.

1.1. Sõnaihikute valiku peamiseks põhimõtteks pakutakse välja kahte kriteeriumi, mis mõlemad on seotud kakskeelse sõnaraamatu peamiste parameetritega — selle orienteeritusega konkreetsele keeltepaarile ja kasutajale. Nendeks kriteeriumideks on:

- Keelenähtuse ja leksikograafilise parameetri funktsionaalne tähendus: kas antud parameeter mõjutab konkreetse lekseemi funktsioneerimist. Siinkohal on oluline mitte üksnes see, kas antud info on süsteemne, vaid ka see, kas tegemist on just nimelt keelenähtusega. Näiteks, kui regionaalne tunnus¹ peegeldab sõna kasutamise tingimusi, tuleb see sõnaraamatus ära märkida.
- Keelenähtuse ettearva[ma]tus sihtkeele seisukohalt. See printsiip täiendab eelmist. Isegi kui mingisugune info tundub lähtekeele seisukohalt ebaolulisena, tuleb seda oletust kontrollida sihtkeele seisukohalt.

1.2. Väitekirjas arutletakse sõnaraamatu sellise mahu üle, mis vastaks püstitatud nõudmistele (nt samaaegselt aktiivne ja passiivne). Vaadeldakse elektroonilise formaadi võimalusi, mis oleks otstarbekas, sest lahendaks nii mahu probleemi kui ka muudaks sõnastiku kättesaadavaks ja interaktiivseks. (Tuleb märkida, et elektroonilise leksikograafia arenemise võimalused ei kaota paberkandjal sõnastike vajadust, väitekirjas formuleeritud põhimõtted on kasutatavad ka trükitud väljaannetes).

1.3. Järgnevalt vaadeldakse ja mõnevõrra korrigeeritakse kaht küllaltki levinud keelematerjali valiku printsiipi. Nendeks on a) vaid keeleliselt korrektsete tekstide kasutamine ja b) tõlketekstide väljajätmine.

Tõlkimisel ühest keelest teise esineb tihti vigu, mis on tingitud vale tõlkekeelivivalendi valikust ja sõna süsteemiseoste rikkumisest. Sellised vead tavaliselt **korduvad** eri kasutajatel ning nende põhjuseks võib olla keeltevaheline interferences. Kui kakskeelse sõnaraamatu koostajal oleks käepärast sellise negatiivse keelematerjali korpus, saaks ta teavitada kasutajat potentsiaalsest veahust iga konkreetse lekseemi puhul². Kuna sellist keelevigde korpus ei ole loodud, peab

---

¹ Vrd: Venemaal kasutatakse mobiiltelefoni nimetamiseks kahte väljendit *мобильный телефон* ja *сотовый телефон*. Teist nimetsust Eestis räägitavas vene diasporaa keeles ei kasutata. Seega kakskeelne sõnaraamat peab andma kasutajale vastava info.

² Vrd. sõna *puhkus* valeskasutust, mis tuleneb antud sõna mitmetähenduslikkusest (*puhkus* = 1. *отдых* 2. *отпуск*): «Активный **отпуск**. Продолжительность 2 дня». Kakskeelses sõnaraamatus võib kasutajat teavitada sellest, et sõnade *puhkus*, *отдых* ja *отпуск* tähenduste maht on erinev. Vajaliku info võiks esitada järgmiselt:

отдых puhkus, -e, -t, vrd *oskussõna рекреация*, vt ka *отпуск*

отпуск (*ametipuhkus*) puhkus, vt ka *отдых*

sõnaraamatu autor **sihipäraselt** modelleerima veaohlikke olukordi, töötades iga üksiku sõna kallal.

Mis puudutab tõlketekstide kasutamist kakskeelses sõnaraamatus, siis see on sageli õigustatud, sest professionaalide tehtud tõlked annavad võimaluse kasutada kinnistunud tõlkevasteid, näiteks otsese tõlkevasteta sõnade puhul¹.

2. Kakskeelse sõnaraamatu struktuurile pühendatud alapeatükis arutletakse nii sõnaraamatu **makrostruktuuri** kui ka sõnaartikli ehk **mikrostruktuuri** üle. Jõutakse järeldusele, et sõnaraamatu puudused, mis on tingitud sõnade alfabeetilisest paigutusest, on ületatavad viidete ja märgendite süsteemi abil (**mediastruktuur**). Olulisimad järeldused on järgmised:

- kakskeelses sõnaraamatus peab kirjeldatavaks ühikuks olema **kahe keele leksikaalsete süsteemide fragment**, mis esitatakse kõrvutatvalt, mitte üksikud sõnad ja nende muukeelsed vasted;
- materjali tähestikulisest järjestusest tingitud puuduste kõrvaldamisele aitab kaasa **kakskeelse viidete süsteemi** kasutamine, milles arvestatakse mõlema kasutajatüübiga ning sõnade vaheliste **ristviidete aparaadi laiendamine**.

Näiteks, kui sõnal A on mitu sünonüümi, mis alfabeetilise järjestuse puhul asuvad sõnaraamatu eri kohtades, siis keelt B emakeelena kõnelev kasutaja leiab küll nende vasted, kuid teadmata, et tal on tegemist terve sünonüümide reaga. Selle puuduse kompenseerimiseks peab lähtekeele sõnaartiklis sisalduma viide sünonüümidele, et kasutaja oleks teadlik nende olemasolust, vrd:

автостоянка (= *стоянка-2, парковка-2, паркинз*) parkla

Väitekirja kolmas peatükk on pühendatud sõna funktsionaalsetele seostele² keeles, mis peavad kajastuma kakskeelses sõnaraamatus. Peatüki lõpus on esitatud näidissõnaartikkel, milles on arvesse võetud töös esitatud kakskeelse sõnaraamatu koostamise printsiibid.

Sõna **süntagmaatiliste** seoste analüüsimisel pööratakse erilist tähelepanu semantilisele, süntaktilisele ja leksikaalsele seostumusele. Uuenduslikuks võib pidada ettepanekut välja tuua märksõna lähimad **derivatsiooniseosed**. See aitab sihtkeelt emakeelena kõnelejal paremini mõista sõna sisevormi ja tähendust, eristada paronüüme, sünonüüme jne. Sõna **paradigmaatilisi** seoseid vaadeldakse sünonüümide ja tähenduse konnotatiivsete aspektide esitamise seisukohast

---

¹ Nõnda talitab Uue eesti-vene õigussõnaraamatu autor O. Ottenson, kes kirjutab eessõnas: „Kuivõrd 2006. aastani tõlgiti Eesti Vabariigi tähtsamad seadused ja seadustikud vene keelde Riigi Teataja kirjastuse tõlkide poolt (kelle hulka kuulus ka käesoleva sõnaraamatu autor) <...>, siis põhiliselt pärinevad eestikeelsete terminite venekeelsed vasted nendest tõlgetest“ [HЭПИОС: 5].

² Töös ei vaadelda sõna kõiki võimalikke funktsionaalseid seoseid, vaid neid, mis autori arvates on kakskeelse sõnaraamatu seisukohalt olulisimad või mida ei ole leksikograafiaalases kirjanduses piisavalt arvestatud ja hinnatud.

lähtuvalt. Kõik öeldu võetakse üldistavalt kokku töös esitatud sõnaartiklis *paljas* (näidatakse ka sünonüümide rida *paljas / alasti* ja *голый / нагой*; vt lk 98).

Väitekirja lõpus on toodud eesti-vene ja vene-eesti üld- ja oskussõnaraamatute nimestik, mis võib olla kasulik kõigile, kes puutuvad kokku vene-eesti leksikograafiaga.

Kõik väitekirjas öeldu on suunatud sellele, et näidata kakskeelse sõnaraamatu olemasolu võimalikkust, milles:

- on ühendatud kaks eesmärki — võõrkeele passiivne (teksti mõistmine) ja aktiivne kasutamine (tekstiloome);
- arvestatakse kahte kasutajat — nii seda, kes valdab emakeelena lähtekeelt kui ka seda, kes valdab emakeelena sihtkeelt.

CURRICULUM VITAE

Оксана Паликова

Гражданство: гражданка Эстонской Республики
Дата и место рождения: 27 августа 1969, Кохтла-Ярве
Адрес: Анне 82–3, 50705 Тарту
Телефон: +372 53 44 6360
Адрес эл. почты: oksana.palikova@ut.ee
Языки: русский, эстонский, английский

Образование

1976–1986 16 средняя школа г. Кохтла-Ярве
1987–1992 Тартуский университет, русский язык и литература
1992–2000 Тартуский университет, *magister artium* (русский язык),
cum laude
2000–2007 Тартуский университет, докторантура

Послужной список

1993–2000 Тартуский университет, отделение русской и славянской
филологии, ассистент (0,5)
2000–2002 Тартуский университет, отделение русской и славянской
филологии, ассистент (0,5), референт (0,5)
2002–2007 Тартуский университет, отделение русской и славянской
филологии, ассистент (0,5), научный сотрудник (0,5)
2007–... Тартуский университет, отделение русской и славянской
филологии, научный сотрудник

Профессиональное совершенствование

2001 Хельсинский университет, стипендия CIMO (*Centre for
International Mobility*)

Научная деятельность

Область научных интересов: двуязычная лексикография, контрастивные исследования, лексическая семантика, словообразование. Всего вышло 17 публикаций, из них одна монография в соавторстве («Русско-эстонский словарь по туризму и отдыху», 2005), 4 статьи в международных изданиях.

Публикации по теме диссертации

1. **О. Паликова.** Коннотативный аспект семантики слов родного и неродного языка (на материале русского и эстонского языков). *Материалы конференции «Язык и культура»*. 2 издание. Т. II. Киев, 2000. С. 181–191.
2. **О. Паликова.** К вопросу о формировании семантики производного слова. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия V. Русский язык: система и функционирование*. Тарту, 2001. С. 62–71.
3. **О. Паликова.** Коннотативный компонент семантики слова как объект лексикографирования в двуязычных словарях. *Emakeel ja teised keeled III*. Tartu, 2002. Lk. 117–126.
4. **О. Паликова.** Семантика производного слова: соотношение предсказуемости и идиоматичности. *Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 8, часть 1. СПб., 2002. С. 15–19.
5. **О. Паликова.** «Русско-эстонский словарь» (1940–1947) П. Арумаа, Б. Правдина, Й. В. Вески. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Slavica Tartuensia V*. Тарту, 2003. С. 301–310.
6. **О. Palikova.** Sünonüümidest tõlkesõnaraamatus. *Emakeel ja teised keeled IV*. Tartu, 2004. Lk. 139–145.
7. **О. Паликова.** Деривационные связи слова и их отражение в двуязычном словаре. *Valoda-2004. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Daugavpils, 2004. С. 252–255.
8. E. Veldi, I. Külmoja, **О. Palikova**, U. Erik. *Vene-eesti turismi- ja puhkesõnastik*. = *Русско-эстонский словарь по туризму и отдыху*. Tartu-Paide, 2005. 163 lk.
9. **О. Паликова.** О представлении языковых связей слова в двуязычном словаре. *HUMANIORA: LINGUA RUSSICA. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц*. Тарту, 2006. С. 207–220.
10. **О. Palikova.** Uuslaenudest kakskeelses sõnaraamatus. *Emakeel ja teised keeled V*. Tartu, 2007. Lk. 104–117.

ELULOOKIRJELDUS

Oksana Palikova

Kodakondsus: Eesti
Sünniaeg ja koht: 27. august 1969, Kohtla-Järve
Aadress: Anne 82–3, 50705 Tartu
Telefon: +372 53 44 6360
E-post: oksana.palikova@ut.ee
Keelteoskus: vene, eesti, inglise

Haridus

1976–1986 16. keskkool, Kohtla-Järve
1987–1992 Tartu Ülikool, vene keel ja kirjandus, 1992
1993–2000 Tartu Ülikool, *magister artium* (vene keel), *cum laude*
2000–2007 Tartu Ülikool, doktoriõpe

Teenistuskäik

1993–2000 assistent (0,5), TÜ vene ja slaavi filoloogia osakond
2000–2002 assistent (0,5), referent (0,5), TÜ vene ja slaavi filoloogia osakond
2002–2007 assistent (0,5), teadur (0,5), TÜ vene ja slaavi filoloogia osakond
2007–... teadur, TÜ vene ja slaavi filoloogia osakond

Täiendus

2001 Helsingi Ülikool, CIMO (*Centre for International Mobility*) stipendium

Teadustöö

Peamised uurimisvaldkonnad: Kakskeelne leksikograafia, kontrastiiv-uuringud, leksikaalsemantika, sõnamoodustus. Kokku on ilmunud 17 publikatsiooni, neist üks monograafia kaasautoritega („Vene-eesti turismi ja puhkesõnastik“, 2005), 4 artiklit rahvusvahelistes väljaannetes ja 2 konverentsi teesidena.

Publikatsioonid väitekirja teemal

1. **О. Паликова.** Коннотативный аспект семантики слов родного и неродного языка (на материале русского и эстонского языков). *Материалы конференции «Язык и культура»*. 2 издание. Т. II. Киев, 2000. С. 181–191.
2. **О. Паликова.** К вопросу о формировании семантики производного слова. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия V. Русский язык: система и функционирование*. Тарту, 2001. С. 62–71.
3. **О. Паликова.** Коннотативный компонент семантики слова как объект лексикографирования в двуязычных словарях. *Emakeel ja teised keeled III*. Tartu, 2002. Lk. 117–126.
4. **О. Паликова.** Семантика производного слова: соотношение предсказуемости и идиоматичности. *Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 8, часть 1. СПб., 2002. С. 15–19.
5. **О. Паликова.** «Русско-эстонский словарь» (1940–1947) П. Арумаа, Б. Правдина, Й. В. Вески. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Slavica Tartuensia V*. Тарту, 2003. С. 301–310.
6. **О. Palikova.** Sünonüümidest tõlkesõnaraamatus. *Emakeel ja teised keeled IV*. Tartu, 2004. Lk. 139–145.
7. **О. Паликова.** Деривационные связи слова и их отражение в двуязычном словаре. *Valoda-2004. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Daugavpils, 2004. С. 252–255.
8. E. Veldi, I. Külmoja, **О. Palikova**, U. Erik. *Vene-eesti turismi- ja puhkesõnastik*. = *Русско-эстонский словарь по туризму и отдыху*. Tartu-Paide, 2005. 163 lk.
9. **О. Паликова.** О представлении языковых связей слова в двуязычном словаре. *HUMANIORA: LINGUA RUSSICA. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц*. Тарту, 2006. С. 207–220.
10. **О. Palikova.** Uuslaenudest kakskeelses sõnaraamatus. *Emakeel ja teised keeled V*. Tartu, 2007. Lk. 104–117.

**DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE
UNIVERSITATIS TARTUENSIS**

1. Юрий Кудрявцев. Очерки по русской фонологии и морфонологии. Тарту, 1996. 157 с.
2. Светлана Туровская. Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997. 136 с.
3. Елена Погосян. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. 158 с.
4. Ирина Белобровцева. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997. 167 с.
5. Светлана Кульюс. Эзотерические коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998. 207 с.
6. Леа Пильд. Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999. 136 с.
7. Роман Лейбов. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. 143 с.
8. Валентина Щаднева. Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000. 212 с.
9. Александр Данилевский. Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000. 151 с.
10. Татьяна Фрайман. Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002. 165 с.
11. Татьяна Троянова. Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имен существительных). Тарту, 2003. 166 с.
12. Елена Нымм. Литературная позиция И. Ясинского (1890–90-е гг.). Тарту, 2003. 169 с.
13. Эрика-Оксана Хааг. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004. 165 с.
14. Вадим Семенов. Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004. 176 с.
15. Роман Войтехович. Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005. 165 с.
16. Анжелика Штейнгольд. Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006. 202 с.
17. Катрин Кару. Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006. 248 с.